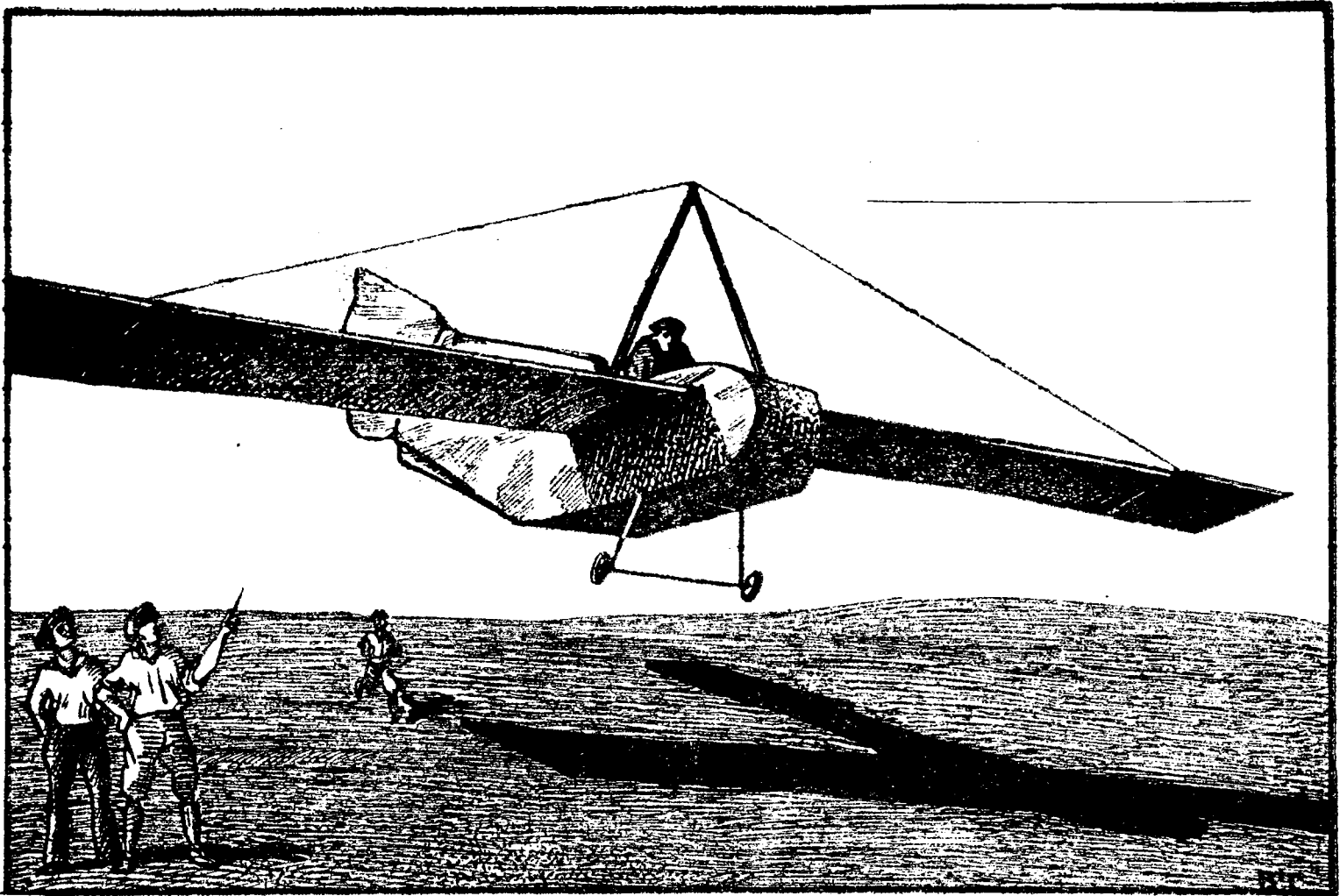

ИСКРА

№ 1 ОБЩЕДОСТУПНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ **1925**
ГОД 3ий

МОСКВА-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН ВИНЬОЛЯ и НОКС.

Перевод с англ. Г. Ляндау.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разговор завязался из-за мелкой медной монеты, найденной на одном из сидений железнодорожного купэ.

Лейк положил ее на ладонь, подбросил два или три раза и, посмотрев в открытое окно, перевел взгляд на незнакомого господина, прикурнувшего в противоположном углу.

Лейк невесело усмехнулся.

— Не много пользы для человека, не уверенного в ближайшем завтраке, сэр,—полувопросительно проговорил он.

— Как знать,—быстро откликнулся незнакомец, стряхивая сигарный пепел с отворота пальто.—Что там у вас такое? Полпenni?

— Французский су. Самая мизерная вещь, какую только можно себе представить. В особенности в Англии.

Незнакомец придвинулся.

— Эта мизерная вещь равноценна всего-на-всего восьмидесяти миллионам лошадиных сил,—заметил он с легкой улыбкой.

— Виноват, — сказал Лейк, выпуская из рук монету.

— По меньшей мере восьмидесяти,—повторил тот, уже без улыбки и пониженным голосом.—Чудесно, не правда ли? Впрочем, я, кажется, рискую завлечь вас в потемки. Задумывались ли вы когда-нибудь, что такое атомы, электроны и тому подобное.

Лейк почесал переносицу.

— Боюсь, что не особенно,—ответил он, сморщивая лоб.—Разве вот только раз, когда мне попалась однажды предлинная статья какого-то Джонни, который чуть ли не собирался оседлать атом. В одной лондонской газете, кажется. В общем, галиматья для нормального человека прямо непроходимая. При этом словечки и выражения одно лучше другого: наружные отрицательные электроны, альфа-частицы, и все

в этом же роде. Недурно? Меня, во всяком случае, она пришибла основательно. Но, в общем, должен вам сказать, он—повидимому, очень мозговатый и ученый парень. Как только его настоящее имя... Да, Грент кажется.

— Грент—это я.

— Вы?

Лейк наполовину сполз с дивана.

— Ради бога простите. Я, кажется, вас нечаянно назвал Джонни.

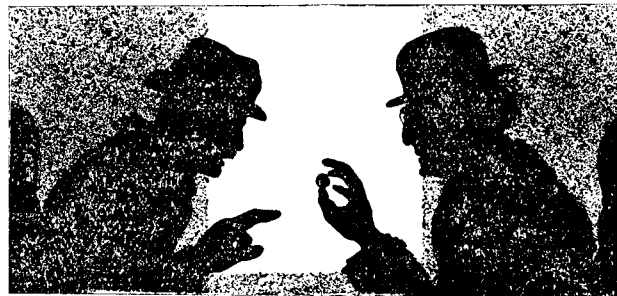
— Пожалуйста, пожалуйста. Типичное английское имя, которого я, однако, уже давно не слышал. Тем более, что меня зовут как-раз Джоном—Джон Александр Грент. Курите?

— Благодарю вас.

Лейк выбрал сигару и зажег спичку.

— Вы не англичанин?—с интересом спросил он.

— Англичанин. Я родился в Лондоне, но затем так долго жил в Нью-Йорке, что меня многие принимают теперь за американца. Приехал вчера... Итак, моя статья, повидимому, оставила вас холодным.

— Нет не совсем. Она была, правда, очень сложна и очень специальна, но в общем, признаться, меня заинтересовала. Вернее, она приоткрыла такие сногшибательные горизонты, что я в первый раз в моей жизни зажмурил глаза, чтобы попробовать заглянуть

в будущее и перетрусил. Ну разве не страшно подумать, что в нескольких фунтах мертвой материи заключено больше энергии, чем ее могут дать целые миллионы тонн угля. Ведь если это так, то мир скоро будет поставлен вверх дном и вывернут наизнанку.

— Так оно, вероятно, и случится.

— И в этом будете виноваты вы, мистер Грент. Не легкая ответственность для одного человека, не правда ли?

— Не легкая,—был серьезный ответ.

Лейк резко нагнулся вперед и с силой ударил себя сжатым кулаком по колену.

— Как хорошо, что я встретился с вами,—горячо воскликнул он.—Бог свидетель, что я не ученый, но и я все же не лишен воображения. Все эти вопросы уже давно барабают у меня в черепе, и я рад, что могу их немного проветрить. Но скажите мне, представляете ли вы себе вашу ответственность, сэр? Ведь это был бы самый великий переворот, самая великая из всех революций на земном шаре. А ее результат? Стало бы от этого человеческое существование хоть сколько-нибудь ярче, лучше и легче, или только еще увеличилась бы сила зла?

Грент покачал головой.

— Не знаю,—пробормотал он. Не знаю.

— Я так и думал, что вы это ответите,—воскликнул Лейк.—Никто этого не знает, если говорить правду. Но, пойдем дальше,—продолжал он, опираясь локтем на край окна,—или, вернее, начнем с самого начала. Итак, атом это есть самая малая частица вещества?

Грент наклонил голову.

— А видел ли кто-нибудь и когда-нибудь эту частицу?

— Пока нет. Но я вскоре надеюсь ее увидеть. Это будет, как только мне удастся закончить совершенствуемый мной микроскоп. Ведь нало вам сказать, что размеры атома составляют всего только одну миллионную часть толщины человеческого волоса. Сам же атом состоит из еще более мелких частиц, которые в свою очередь могут и должны быть измерены и взвешены.

— Прекрасно... А когда два или три таких атома соединятся вместе, они образуют, по вашему, отдельную частицу материи, которую вы называете молекулой.

— Если хотите.

— Ну, а что же тогда электрон?

Грент на минуту задумался.

— Я попытаюсь вам это объяснить самым простым образом.

Электроны—это частицы освобожденного электричества. Они способны проявлять свое независимое существование только после их отделения от атома и являются составляющими элементами атомов материи. Они двигаются с громадной скоростью—несколько сотен миль в секунду,—сохраняя свою независимость только пока они движутся, а иначе они примыкают к первому же ближайшему атому.

— Несколько сотен миль в секунду,—с сомнением пробормотал Лейк. Значит, насколько я вас понял,

масса самого такого электрона есть целиком электрическая?

— Целиком. Электрон является как бы ключом ко всем тайнам материи. Атомы постоянно отдают электроны, то самопроизвольно, то под влиянием какого-нибудь внешнего фактора. Короче, атом состоит из некоторого числа электронов—то-есть зарядов отрицательного электричества,—удерживаемых зарядом положительного электричества. Выражаясь еще грубее—всякая материя есть в действительности проявление электричества.

— А весь мир и мы вместе с ним состоим из одних атомов и молекул?

— Совершенно верно, хотя и несколько сложнее. Практическая сторона вопроса состоит в том, что внутренней энергии атомов, нам пока недоступной, и только ей, суждено в будущем удовлетворять всем потребностям человечества. Это вам станет понятнее, когда я скажу, что половинка кирпича может дать больше энергии, чем небольшая угольная копь, если только в первом случае будет использована сила атомов, а во втором—обыкновенное сжигание.

— Но что же тогда произойдет?—возбужденно воскликнул Лейк. Неужели вы серьезно думаете, что все сильные мира сего, все эти магнаты рынка и промышленности будут спокойно смотреть, как разнужданный вами атом станет обращать в кучи ненужного хлама их несчетные угольные богатства и сметать власть королей электрических, железнодорожных, паровых, транспортных и машиностроительных компаний? Да и возможно ли наконец, чтобы они уже и теперь не делали попыток остановить ваши разрушительные для них изыскания?

— Они и делают это,—равнодушно ответил Грент. Только во всех этих попытках столько же здравого смысла, сколько в усилиях толкать прочь волны прилива. Стоит мне сегодня сойти со своего поста, как завтра, я уверен, явится на него следующий. Впрочем, я определенно знаю, что есть люди, которые бы с большой радостью встретили известие о моей смерти. Однако, прежде, чем идти дальше, не думаете ли вы, что мне было бы приятно услышать ваше имя, сэр?

— Прошу прощения,—спохватился Лейк,—вы так заворожили меня, что я совершенно забыл про это. Мое имя Лейк—Херольд Лейк; возраст—двадцать три года; положение—принадлежу к великой армии безработных. Возвращаюсь из Барнмаута, где безуспешно разыскивая службу успешно прожил скудный остаток своих денег. Холост, здоров, атлетической конструкции, но в данное время несколько помят за неимением работы. Вот вам краткие сведения.

— Благодарю, они меня вполне удовлетворяют,—весело сказал Грент. Ничего особенно романтического, как, впрочем, и полагается нормальному молодому человеку из общества. Я, видите ли, как-раз нуждаюсь в помощнике. Мне требуется человек, который бы охотно взял на себя смешанную роль секретаря и даже, если хотите, ассистента-любителя.—Лицо, каким я его себе представляю, не так-то легко найти. Впрочем, я быстр на решения. Мне люди или нравятся, или не нравятся. Вы мне нравитесь.

— Приятное известие,—поклонился Лейк.

— Подождите радоваться раньше времени. Лицо это должно удовлетворять очень суровым требованиям, из которых три главных—хорошие мозги, сила и мужество. Далее, ему должно быть присуще надлежащее и вполне точное понятие о чести. При наличии всего этого я охотно предложил бы такому лицу принять место, которое пока все еще занимается моей дочерью.

— Вашей дочерью, мистер Грент?

— Да. Не буду распространяться о причинах, но вы, вероятно, и сами понимаете, что в тех случаях, когда имеется опасность—и очень большая опасность,—участие в работе женщины делается несколько стеснительным. Во всяком случае, я решил оградить свою дочь от того риска, которому поневоле приходится подвергаться ее отцу.

— Вы возбуждаете мое любопытство, мистер Грент.

— В самом деле?—Грент на минуту замялся.—Я предпочел бы говорить откровенно, но, с другой стороны, мы так еще мало с вами знакомы, что я даже не знаю, могу ли я быть уверенным, что вы не один из агентов того же Сториани.

— Кого вы сказали?

— Коррадо Сториани.

— Как? Итальянского банкира?

— А вы про него слышали?

— Не только слышал, но и прочитал добрую дюжину отзывов и статей. Финансовый гений и очень таинственная фигура, играющая чуть ли не целыми правительствами, или что-то в этом роде. Этот самый?

— Да, это он и есть. Только он несколько больше, чем просто играет правительствами, которые сегодня одно, а завтра другое. Читали вы, например, на прошлой неделе о его намерениях монополизировать все электро снабжение Европы?

— Нет, признаться, я пропустил это.

Грент взволнованно закусил ногти.

— Снабжение энергией всей Европы—ни более, ни менее. Есть люди, которые считают Сториани угрозой для всего человечества. Что касается меня, то я знаю только то, что ему отчаянно хочется заполучить меня в качестве своего партнера. Это не новость, мистер Лейк, так как это было напечатано в газетах, иначе я бы не упомянул об этом.

— Вы не можете себе представить, до чего вы меня заинтриговали, сэр, и до чего я хотел бы скорее заслужить ваше полное доверие. Я готов отдать свою левую руку, лишь бы работать вместе с вами. И правую также.

— Щедро,—невольнo улыбнулся Грент.

— Место, о котором вы говорите,—как раз то, о чем я мог только мечтать. Почему бы вам меня не испытать? Даю вам честное слово, что я не агент кого бы то ни было.

Лейк говорил с почти страстной искренностью.

— А кроме того, мне действительно кажется, что я обладаю всеми теми качествами, о которых вы только что упомянули. Я учился в Оксфордском Университете, что уже одно доказывает, что мои мозги не совсем свернуты, и, как вы, вероятно, сами заметили, силен, как борец из цирка. Мое мужество также

было уже не раз испытано, и я мог бы даже представить вам кое-какие медали. Что же касается последнего вашего условия, честности, то об этом, разумеется, мне самому не идет распространяться. Я хочу этого места, мистер Грент, потому что оно меня интересует, а что до вознаграждения то это стоит на втором плане. Ну, что же, согласны вы меня взять, сэр?

Грент повернулся к окну. Тусклые дома лондонского предместья—это было все, что он мог там увидеть. Пальцы его руки безостановочно барабанили по пуговице жилета.

Лейк сидел наклонившись вперед, почти касаясь носом выдвинутого локтя ученого с полуоткрытым ртом и горящим взором. Его ноздри вздрагивали.

— Возьмете вы меня, сэр?—повторил он.

— Пожалуй,—медленно сказал Грент,—только мне понадобится навести о вас кое-какие справки.

— Сделайте милость. Я вам дам имена всех, кто меня только знает. Я обещаю самую честную, верную и усердную службу.

— А вы не забыли про опасность?

— Опасность? Опасность—это соль жизни, мистер Грент. В моем настоящем настроении, по крайней мере, я готов ей только радоваться.

— Вот что значит молодость,—вздыхнул Грент. Для меня уже давно прошло время радоваться малейшему нарушению комфорта и покоя. Ну, прекрасно.

Он достал из кармана маленький календарь-блокнот.

— Что вы делаете в этот четверг вечером?

— Ничего.

— Великолепно. Значит, вы обедаете со мной в Савой-Отеле в семь часов. К этому времени я буду знать о вас все, что мне требуется, и тогда, если все окажется в порядке, место за вами.

— Вы говорите—в семь часов? Лейк вскочил с места и, как мальчишка, захлопал руками.

— В семь! Я буду в шесть.

Он испустил ликующий вопль и с места пустился в дикий и нелепый танец.

— Ура, наука! Да здравствует атом!

Весь остаток дня Лейк то и дело вспоминал о человеке, с которым так неожиданно столкнулся он случайно.

Первое, что ему пришло в голову, было полное несоответствие наружности Грента с ходячим образом ученого. В нем не было решительно ничего похожего на обычного лабораторного каторжника. Его глаза были светлы и пристальны и без всякой тени задумчивости. Он был широк в плечах, с сильными, большими руками и вся его фигура скорее вызвала представление о физическом труде на свежем, здоровом воздухе. Судя по всему ему были не знакомы припадки веселья или сменяющие их периоды нарочитой мрачности. Тон его голоса был культурен и приятен для слуха, а часто и прямо музыкален. В нем не было ничего манерного, если не считать двух, трех мелких привычек, вроде пощелкивания изредка ногтем указательного пальца по передним зубам или по пуговице жилета. Вообще же, по внешности, его скорее всего можно было бы принять за успешно практикующего врача, или преуспевающего суконщика. Угадать в нем ученого удалось разве бы одному из сотни.

Поздно вечером Лейк очутился в публичной библиотеке в поисках за информацией. Он был уверен, что ему посчастливилось столкнуться с одним из величайших умов Европы, но он хотел большего: узнать, какова была академическая и жизненная карьера этого человека возвышавшегося головой над своими современниками?

Краткого знакомства со справочником оказалось достаточным, чтобы получить целую кучу сведений. Грент несомненно имел полное право на описание его, как знаменитости. Еще студентом он отличился как ученый и математик, а позже, подобно Кельвину в девятнадцатом веке, осознал и выявил всю важность тесного единения науки и промышленности. Он прошел через мастерские, проявил себя в качестве выдающегося техника и доказал на тысячах примеров блестящее и редкое качество своего мозга—умение сочетать и комбинировать теорию и практику.

Он первый на деле разрешил вопрос о беспроводной передаче больших количеств электрической энергии—задача безуспешно, дразнившая до него ряд самых выдающихся ученых. Его же инициатива была создать силовые станции в районах южного Полярного Круга, чтобы использовать силы вечно дующего там ветра.

Потом Лейк подробно узнал об одном из наиболее излюбленных проектов ученого—обогащения тропических пространств при помощи машин, расставленных по зноному лику великой Сахары, для уловления бесплодно томящих ее лучей солнца. И как в этом, так и в других случаях легко было увидеть, что одной из главных его целей было ослабление зависимости прогресса от угля, все еще поглощавшего львиную долю внимания со стороны ученых и техников.

О его работах в области атомов в справочнике почти не упоминалось.

Лейк не спал целую ночь. Его мозг бурлил от кипевших в нем мыслей. Весь следующий день он

провел в Гайд-парке, большую часть времени разговаривая с самим собой.

Затем он сразу накинудся на целую грудку материалов и ко вторнику уже изображал собой небольшую ходячую энциклопедию. Его необыкновенно цепкая, молодая память позволила ему нечто большее, чем короткое наслаждение рядом интересных, технических деталей. Роясь среди кучи выцветших книг, в лавке букиниста он наткнулся на томик, который вызвал в нем больше энтузиазма, чем хорошая жила в заправском золотонискателе. Он весь так и сверкал фактами.

Лейк устал из него, что первый человек, задумавшийся над природой материи, жил целых две тысячи лет тому назад.

Он прочел затем о Джоне Дальтоне, химике из Манчестера, который одним из первых точно сформулировал теорию атома, как научную гипотезу; о Клерке Максвелле, произведшем революцию в физике своей электромагнитной теорией света; о профессоре Перрене, французском ученом, добившемся, после многих опытов, получения масляных пленок толщиной в одну сто миллионную сантиметра; о сэре Уильяме Круксе, наблюдавшем в действительности полет электронов, не сознавая этого; об открывшем Икс-лучи Рентгене, о супругах Кюри, открывших радий; о Томсоне, Рамзее, Содди, Мозелее, Брагге, Гетсерфорде и других.

Только к вечеру он оторвался от книги.

Перспективы одна другой шире и ошеломляющее открывались перед его глазами; ослепляющие видения всплывали, менялись и таяли, переходя в грезы, порой фантастические и тяжелые, как ночные кошмары.

Когда он поднялся со стула, чтобы пуститься в длинный путь к Савой-отелю, мир показался ему столь же не похожим на прежний, как сыр на кусок мела, сверкающий, удивительный мир, каким он редко является человеческому воображению.

Лейк мчался по Пиккадилли как по воздуху. У тех, кто ловил его короткие бормотанья, рождалось подозрение о потере им рассудка; те, кто вздрагивал при взрыве его смеха, выражали в этом уверенность. И те и другие ошибались: Лейк был просто счастлив.

Он увидел Грента, когда тот проскользнул возвращающиеся двери отеля, потом в узком коридоре и, наконец в зале для танцев. Он стоял, заложив руки в карманы, устремив взор на высокую, молодую девушку, сидевшую около него.

Лейк остановился и нервно одернул книзу свой галстук. Ему стало не по себе при виде их изысканных, вечерних туалетов. На нем был изрядно потертый пиджачный костюм со склонными к ненужному лоску локтями.

На мгновение им овладела паника. Разрешалось ли в этом шикарном отеле садиться за стол в платье, которое не способно было польстить третьесортному кафэ?

Его смущение еще усилилось, когда Грент вдруг резко повернулся на каблучках и, подняв руку, знаком пригласил его вперед.

Лейк повинился, пробормотав в виде извинения нечто такое невнятное, что девушка невыдержала и засмеялась.

(Продолжение следует.)

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН ВИНЬОЛЬ и НОКС. (Продолжение).

Перевод с англ. Г. Ляндау.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Моя дочь Эллен,—сказал Грент.—Вот мистер Лейк, который составит нам компанию, моя дорогая.

Лейк чуть не упал в обморок.

„Который составит нам компанию“. Только ли на обед, или для чего-нибудь более продолжительного?

Слова девушки разрешили его сомнения.

— Поздравляю вас, мистер Лейк,—сказала она,— и ее голос показался Лейку весенним звоном отдаленного колокола,—вы являетесь в самое интересное время. По-настоящему я должна бы вас ненавидеть: вы лишаете меня работы.

— Следует ли из этого, что отныне я ваш помощник?—спросил Лейк, обращаясь прямо к Гренту.

У него захватило дыхание. Он был подготовлен к подобному сообщению, но не с такой стремительностью.

— Следует,—сказал Грент.—Вы числитесь в списке с настоящего времени. Если только, конечно, вы не раздумали. Весьма возможно, что после того, что вы еще от меня услышите, вам страстно захочется получить место клерка где-нибудь в конторе.

— Едва ли,—ответил Лейк с улыбкой.

— Тем лучше. Только не обижайтесь на меня, если в одно прекрасное утро вы окажетесь убитым: это вполне входит в программу. Ну, а теперь обедать. Предупреждаю, что я делаюсь необыкновенно словоохотливым, когда ем, так что вам едва ли удастся вставить хоть одно слово. К тому же есть много такого, что мне надо будет вам сказать, Лейк.

— О, я умею слушать,—воскликнул Лейк,—особенно, когда, когда...—он закончил фразу оставшейся никем непонятой завитушкой.

Он взялся рукой за стул, все еще чувствуя в глазах золотистый отблеск волос и похожий на розовый

буто́н рот девушки. Ни то, ни другое не вязалось с тем обликом брюзгливой и старой девы с плоским лицом и гусиной шеей, к которому он предусмотрительно приготовился с первого же момента, когда Грент сообщил ему о своей дочери.

Такое представление, с прибавлением круглых роговых очков, почему-то укоренилось в нем с детства в отношении всех начитанных и, уже подавно, ученых женщин; а разве могло быть какое-нибудь сомнение, что ассистентка великого Грента была ученой?

Он сел совершенно обезкураженный.

Когда унесли второе блюдо, и он пришел в себя после вынужденной замены, созданной им, бесплодной смоковницы подобием цветущего персикового дерева, он вдруг вспомнил, что еще ни разу не открыл рта.

От этой мысли его язык еще лучше прилип к гортани, и он начал явно терять ощущение отдельных пальцев.

Ко всему этому стала еще прибавляться неприятная уверенность, что оттенки его лица быстро приближались к цвету хорошо проваренной свеклы.

Эллен не делала никаких шагов, чтобы сократить ему период этих переживаний. Когда ей случалось отрывать глаза от тарелки, она немедленно же переводила их на чье-нибудь платье, не говоря ни слова и предоставляя Лейку полную свободу самому судить о степени ее презрения.

Появление четвертого блюда вызвало в нем минутную вспышку энергии, и он пробормотал какое-то общее место, которое могло бы, при удаче, сойти за шутку. Она только наклонила голову, и если бы не то, что этот кивок сопровождался тенью ослепительной улыбки, он бы придавил Лейка к полу.

Потом он уже не открывал рта, пока не подали кофе, после чего ответил Гренту, что вполне сыт обедом. Это была ложь, так как он съел не больше канарейки. Причиной этого было волнение от мысли, что мечты становятся действительностью.

Была и еще причина...

— Ну-с,—проговорил Грент, разглядывая на свет рюмку с ликером,—теперь время перейти к делу. Когда вы могли бы оставить Лондон, Лейк?

— Завтра, если необходимо.

— Прекрасно. Мы должны быть в Париже в понедельник, и очень возможно, что нам там придется пробыть долгое время. Вы, вероятно, знаете, что у меня там квартира?

— Да, я слышал. И, кажется, замечательная.

— Пожалуй. Вы ее скоро увидите. Вы все еще желаете сохранить за собой место моего помощника?

— Более, чем когда бы то ни было,—ответил Лейк с пылкостью, не вполне оправдывающейся обстоятельством.

— Лучше подождите с ответом, пока я не посвящу вас в кое-какие секреты. Предупреждаю, что все это будет очень мало походить на светский пикник, и в отношении вас в особенности. Это очень серьезное, чтобы не сказать—очень опасное, предприятие. Я не смотрел бы на это дело так легко, будь я на вашем месте, Лейк.

— Я не смотрю на него легко, сэр. Я только хотел сказать, что мой энтузиазм не только не охладил с тех пор, как я вас встретил, но еще усилился.

— Очень рад это слышать. Но все же вы еще пока остаетесь свободным от всякого обязательства. И если, после того, как я кончу говорить, вы найдете, что вам лучше поискать другое занятие, вы будете совершенно правы. А теперь слегка повернитесь налево и посмотрите на сидящего за отдельным столиком полного, краснолицего господина. Это Сториани.

— Вот как? Он наблюдал за вами в продолжение всего вечера, я даже хотел обратить на это ваше внимание.

— Не стоило того, он выслеживает меня уже в течение трех дней. Всякий раз, когда мне удается избавиться от него лично, я немедленно же перехожу на попечение какого-нибудь из его агентов.

— Вы так же, Лейк, меченый человек с настоящего вечера.

— Но почему?

— Сториани отныне окончательно известно, что я не буду его партнером, и он вне себя от этого.

— Неудивительно. Воображаю, что за ужасные планы могут быть у такого человека, когда он нуждается именно в вашей помощи.

— Вы не далеки от истины. Цель Сториани, не более и не менее, как завладеть всеми источниками энергии на земном шаре. Это задача его жизни, и он полагает, что может разрешить ее с моей помощью.

— А вы вместо этого повернулись к нему спиной и указали на дверь.

— Вот именно.

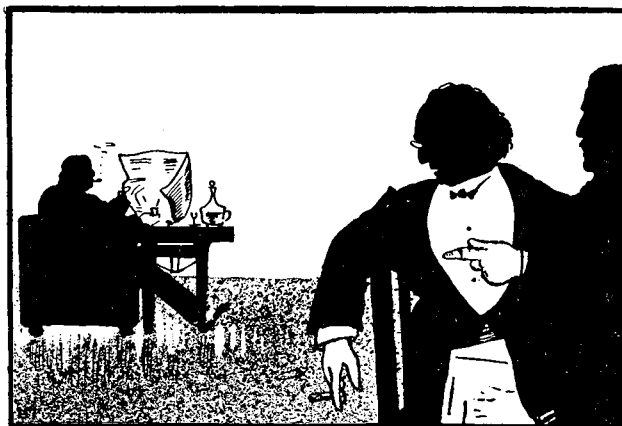
— Смею вас спросить, из каких соображений?

— Пожалуйста. Вы, вероятно, помните, что при нашей встрече в поезде я сказал вам, что есть люди, которые смотрят на него, как на угрозу для человечества. Я думаю, что они правы. За последние два или три дня я только и делал, что наводил справки о Сториани. То, что я узнал об этом человеке, было

настолько удивительно и настолько меня ошеломило что если еще неделю тому назад меня и соблазняло сделаться его компаньоном, то теперь я не пошел бы на это ни за что на свете.

— Все это не совсем для меня понятно, сэр.

— Слушайте дальше. Концерн Сториани, как я уже сказал, хочет монополизировать источники энергии. Его участие в существующих и действующих ныне ее запасах—огромно. Он заинтересован, тем или иным образом, в большей части крупнейших паровых компаний всего мира и состоит или директором, или крупным акционером многих магистральных железнодорожных линий на континенте. Кроме того, он стоит за спиной всех наиболее мощных электрических предприятий. Без преувеличения можно сказать, что он ближе ко всем современным источникам энергии, как их теперь понимают, чем кто-нибудь иной на земном шаре.

— Это общеизвестно, или?..

— Не совсем, но об этом знают многие. В конце-концов это не так уж важно, и я сам довольно бы равнодушно относился к его попыткам монополизировать все, что угодно, если бы меня не смущали его методы. Но дело, к несчастью, в том, что это самый беззащитный тип на земной поверхности.

— Честное слово, это сильно сказано.

— И тем не менее это абсолютная правда. Его приближенные—люди совершенно исключительной окраски. Это все чрезвычайно странные и темные иностранцы: немцы, греки, русские, изредка англичане и американцы. Мне приходилось встречаться с некоторыми из них, и, право, Лейк, я не хотел бы видеть их у себя в доме даже в течение двух секунд.

— Но какая же, вы думаете, у него цель окружать себя такой публикой?

— Право, не скажу вам на верное. Он не из тех личностей, которых легко понять сразу и до конца. Есть данные, что кое-какие социальные волнения и сдвиги в последнее время обошлись не без него. Я не знаю, с какими именно группами—правыми или левыми—связан он, но твердо уверен в одном: ни до революции, ни до контр-революции ему по существу нет дела. И то и другое являются в его глазах средством для захвата орудия власти. А это орудие в наше время—прежде всего мировая энергия.

— Энергия,—повторил Лейк.

— Это было бы ужасно,—прикрывая глаза рукою, сказал Грент.—Я бы скорее согласился разбить вдребезги все мои инструменты, чем оказать какую-нибудь услугу этому человеку. В старом мире и без того достаточно гнусности, чтобы еще поручать его даннейшие судьбы Коррадо Сториани.

— Что же, вы думаете, он собирается теперь делать, после того как вы решительно отказали ему в своем содействии?

— Прежде всего в отношении нас, я полагаю, что наши с вами шансы на жизнь должны впредь сильно понизиться. Сториани не стесняется мелкими расходами, и в его распоряжении имеется мощная, тайная организация с разветвлениями повсюду, а в Париже в особенности. Вы можете быть уверены, что перед убийством он не остановится.

— Нечего сказать, весело.

— Я несколько не преувеличиваю. Более того, мне самому было совершенно ясно дано понять, что в случае отказа идти с ним по одному пути я могу заранее относиться к себе, как к покойнику.

Элен Грент, игравшая ложечкой, со звоном уронила ее на стол.

— Это было, разумеется, сказано не самим Сториани,— он слишком умен для этого. В разговоре он вообще самый кроткий человек, какого я знаю, и положительно не в силах без сострадания раздавить кусок масла. И тем не менее его сердце черно, как мгла, в отличие от головы, озаренной буквально феноменальным светом.

— Приятный джентльмен,— заметил Лейк, закуривая папиросу,—и восхитительный компаньон. Такие обыкновенно живут до глубокой и почтенной старости. Но каковы же ваши теперь намерения, сэр? Предполагая, что уважаемый Коррадо сошел с круга, имеется ли у вас в виду еще кто-нибудь на его место?

— Да, некто по имени Коген.

— Он вам уже делал предложение?

— И даже весьма своеобразное. У меня назначено с ним свидание в Париже, в понедельник. Я должен вам пояснить, Лейк, что я не могу более двинуться вперед со своими опытами без чьей-либо существенной материальной поддержки; в этом заключается причина, почему я вынужден отвечать на ухаживания того или другого—Сториани или Когена. Еще года три тому назад я мог распоряжаться довольно приличным состоянием. Теперь оно уже все растаяло на мои опыты и, если я не найду кого-нибудь с очень толстым карманом, мне придется сидеть, как раку на мели. Сториани готов предоставить мне полную свободу ставить условия, Коген—то же самое.

— Каковы же его планы?

— У меня еще не было случая дать ему вполне высказаться по этому поводу; мы пойдем к этому в понедельник. Пока же он дал понять, что ему удалось обеспечить за собой одну высоко ценную концессию от французского правительства с передачей ему всего участка и самой башни Эйфеля.

— Недурно...—привскочил Лейк.

— Я так и думал, что это вам понравится. Меня самого это настолько захватывает, что я едва в состоянии заснуть, когда начинаю думать об этом. Башня Эйфеля— как раз то, что мне мерещилось с тех самых пор, как я только еще начал подходить к проблеме атома. Она положительно создана для этого, настолько здесь все отвечает условиям.

— Сториани действительно остается мало на что надеяться после этого. Что же представляет собой Коген?

— Он кажется мне довольно прямолинейной фигурой, но в общем я еще не имел возможности составить себе о нем более определенного мнения. Прежде всего, это—делец и делец с некоторым даже налетом учености. Он весьма удивил меня, заявив, что вся проектная часть уже им закончена

— То-есть?

— То-есть, что он готов начать постройку со следующей же недели. Он был занят этим вопросом что-то около двенадцати месяцев, и теперь у него имеются на руках чуть ли не все разработанные детали. Он подсмеивается над моей верой в расщепление атома, и смотрит на это, как на наивную причуду, ученого, но он нуждается во мне, как в техническом специалисте очень высокой репутации в области утилизации энергии. И тем не менее, помяните мое слово, Лейк, Коген будет строить свои печи для сжигания в них угля, но не пройдет и года, как они будут переделываться для использования энергии атомов. В них не будет сожжено ни одной унции угля.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Я подошел уже к самой грани успеха, Лейк, но перескочить через нее можно лишь с невероятным риском и опасностью. Против нас вся личная и организованная сила Сториани, и я не знаю, хватит ли нас, чтобы пробиться вперед, не сломав шеи. Сториани до конца беспощаден в борьбе с противниками, в этом не может быть никаких иллюзий. Перспектива, как видите, не из особенно приятных, но и в ней есть своя прелесть для людей особого сорта. А теперь, что вы на все это скажете? Готовы вы идти вместе с нами, или предпочитаете отойти в сторону?

Лейк, улыбаясь, посмотрел на девушку, сидевшую на противоположной стороне столика, и поймал ее ободрающую улыбку.

— С вами,—ответил он просто.

— Тогда больше не о чем говорить,—сказал Грент, отодвигаясь от стола.—У вас есть достаточно времени, чтобы собраться к утреннему одиннадцатичасовому поезду в воскресенье. Вокзал Виктория. Париж.

Была полночь, когда Лейк поднялся, чтобы откланяться ученому и его дочери.

Его мысли мчались, беспорядочно обгоняя друг друга, и только когда пробило три, он, не раздевшись, бросился на кровать.

Не атомы, не молекулы и не электроны гнали прочь сон и обрывки его мыслей: просто-напросто девичьи губы, до смешного похожие на розовый лепесток под сенью золотистого облака.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дом профессора Грента находился в северной части Сен-Жерменского бульвара—квартал Парижа, когда считавшийся аристократическим. Лейк не мог удержаться от восхищения при первом же взгляде на него из окошка автомобиля.

Мотор остановился перед великолепной каменной аркой четырехметровой стены, которой только не доставало заглушенных звуков часовенного колокола над скользящей вдоль монастырского сада тихой процессией монахинь.

Шоффер потянул цель, висевшую перед обитой гвоздями дубовой дверью, и вслед за раздавшимся где-то звоном послышался стук шагов по каменным плитам.

Затем последовал быстрый осмотр приехавших сквозь маленькое решетчатое оконце, и дверь медленно распахнулась.

— Когда ведешь такую научную работу,—сказал Грент, беря Лейка под руку,—то никогда не мешает принимать все меры предосторожности против нежеланных посетителей. Ни один человек не может миновать этих ворот без внимательного ознакомления с ним швейцара.

Лейк был поражен красотой места. Ползучие растения густо покрывали стены дома, осененного мягкими тенями высоких кудрявых каштанов. Кругом не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего лабораторию.

— Ну, как вам нравится мое владение?—спросил Грент.

— Дивно,—ответил Лейк.—Чувствуешь, что так бы и остался здесь вечно.

— Пусть Элен покажет вам сад, и если он вас не сможет вполне удовлетворить, то вам вообще трудно будет чем-нибудь угодить.

У Лейка не было никакой охоты возражать на это предложение, и он уцепился за него со всей пылкостью.

Одной особы такого провожатого было уже достаточно, чтобы любой разбитый под застройку пустырь показался ему победной оргией природы, а этот сад, действительно, походил на уголок Эдема.

Осмотревшись кругом, Лейк увидал, что главный дом занимал переднюю сторону большого четырехугольника, по остальным сторонам которого стояли отдельные одноэтажные домики, весело и мирно смотревшие на разбитые в изобилии лужайки и цветочные клумбы. Радужный фонтан звонко бил по середине, не нарушая общего, светлого покоя места, вызвавшего мысль о его собственнике—аббате или художнике, и менее всего о лабораторном технике и ученом.

Лейк настолько глубоко нырнул в радугу света и звуков, отбрасываемую на окружающий его рай глазами и смехом спутницы, что когда, час спустя, Грент, наконец, окликнул его, мягкий голос ученого показался ему треском разорвавшейся не на месте ракеты.

Грент приглашал его посмотреть на лабораторию.

Лаборатория Грента могла бы смело сойти за экспериментальный отдел какого-нибудь современного

университета. Ее обширность была так же поразительна для Лейка, как и всеобъемлющий размах познаний ее хозяина.

— Характерная черта этой лаборатории, единственной в своем роде,—сказал Грент,—состоит в том, что вся ведущаяся в ней работа направлена к одной единственной цели—изучению всех отраслей науки в строгом отношении их к структуре атомов. Приходило ли вам когда-нибудь в голову, Лейк, что весь многогранный и изумляющий нас мир может быть разложен на каких-нибудь восемьдесят составляющих его простейших элементов?

— Правду сказать нет,—с бледной улыбкой сказал Лейк, с сожалением расставаясь с блаженным оцепенением от своего последнего странствования.

— Несколько более, чем восемьдесят элементов, каждый из которых обладает собственным типом атома. При этом только тридцать из них пользуются, так-сказать, широким хождением в понятии публики, а остальные могли бы свободно исчезнуть без всякого впечатления на обывателя. С первого взгляда такой простоте трудно поверить, а вместе с тем это ясно, как день. Возьмите хотя бы звук, Лейк. Каждый гимназист знает, что звук есть не что иное, как колебание воздуха. Самая сложная симфония, самый нежный любовный вздох есть только определенное сочетание волн, подчиненных одним и тем же простым законам. Чего же тогда удивляться, что и весь остальной мир состоит из сравнительно небольшого числа элементов.

Лейк благоразумно воздержался от попытки внести что-нибудь новое в данную тему и почтительно последовал за ученым через двойную, герметически закрывающуюся дверь в главную лабораторию.

Ее внутренность настолько же отвечала всем требованиям современной науки и техники, насколько общий наружный вид всего места навевал тихое настроение старомодного мечтателя.

Каждый ее кабинет, залитый волнами ровного света, лившегося с потолка, сверкал беспощадной чистой хирургического покоя. Все комнатные углы были тщательно округлены, чтобы предупредить малейшее скопление пыли. Массивные столы были покрыты сплошным слоем стекла, фарфора, металла или полированного камня, смотря по назначению комнаты.

— Я сделал все, что было в моих силах, чтобы уменьшить действие побочных причин,—сказал Грент.—Вам, может быть, известно, как много драгоценного времени было напрасно потрачено русским физиологом Павловым только потому, что здание, где он производил свои опыты, не было достаточно приспособлено. Отсюда—моя борьба с пылью. Тоже самое и в отношении к требованиям устойчивости. Знаменитый жонглер Чинкуэвалли должен был показать свои фокусы с биллиардными шарами на кончике кия в подвале, так как неувливаемых дрожаний обыкновенного дома было достаточно, чтобы помешать равновесию. По этой же самой причине все эти столы, помимо их собственного большого веса, опираются прямо на сплошные бетонные основания.

В отношении освещения мною приняты все меры, чтобы наилучшим образом использованный дневной

свет постепенно сменялся точно измеренным искусственным светом. Температура всех помещений в свою очередь подвергнута самому тщательному автоматическому контролю, не допускающему ни одного градуса колебания в течение всего года. Свежий воздух подается нагретым и профильтрованным и удаляется непрерывно действующими электрическими вентиляторами.

Лейк мог поклясться, что он никогда еще не видел подобной лаборатории. Куда бы он ни обращался, его взгляд ловил что-нибудь новое и интересное. При каждом столе были краны холодной и горячей воды; электрические штепселя подавали ток любой силы и напряжения для всякого рода надобностей. Передаточные валы и колеса были повсюду, так что каждый работающий мог проанализировать и записать любое движение. Поворотом ручки контролировалось точное содержание влажности воздуха каждого помещения, который мог быть в несколько минут заменен тяжелым газом, в роде аргона, прекращающим всякую возможность химической реакции.

Простой механизм давал возможность переменять давления воздуха в каждой изолированной части здания. Обширные камеры абсолютно сухого воздуха были здесь столь же обычны, как воздушные шкафы в рядовых лабораториях. Каждое отделение имело собственную палату мер и весов, где можно было аккуратно отвесить одну десятиmillionную грамма. Темные камеры для оптических и фотографических наблюдений находились повсюду. Было видно, что точность измерения составляла одну из главных черт работы Грена, как ученого и исследователя.

Для Лейка было естественно заинтересоваться прежде всего зрелищной стороной окружающего. Не обладая достаточными знаниями, чтобы оценить хотя бы сотую долю всего виденного, он все же заметил, что Грен был не только готов, но и способен в любую минуту помочь каждому из ученых работников своим объяснением, критикой и советом.

В одной из физических лабораторий он повернулся к Лейку и сказал:

— Происходящие здесь опыты служат практическим введением к главной задаче, над которой мы все здесь работаем. Если вы возьмете какой-нибудь газ, то вы увидите, что частицы, которые его составляют, стремятся все время разлетаться в разные стороны, как рой пчел. Чтобы парализовать эту энергию, газ надо заключить в закрытый сосуд. Если это не газ, а жидкость, то проявление этого вида энергии будет менее резко, и жидкость просто временно примет очертания того сосуда, в который она налита. В случае твердого тела, таковое всегда будет оставаться в той форме, какую вы ему сами придадите. Задумывались ли вы когда-нибудь, почему нельзя починить сломанный стальной брус путем простого прижатия обеих его половин друг к другу?

Предложенный вопрос показался Лейку настолько наивным, что он рассмеялся. Он высказал свою мысль. При этом он заметил, что одетый в синюю рабочую блузу человек у одного из столов, занятый, повидимому, измерением электрического тока, пропускавшегося через полированный стальной стержень, иронически усмехнулся.

— Совсем нет,—добродушно сказал Грент,—потому что это именно можно сделать. Все, что для этого требуется, это—привести концы стержня в столь тесное взаимное соприкосновение, чтобы воссоздать нарушенное притяжение, раньше существовавшее между частицами.

Он показал на стол.

— Стержень, который вы видите здесь, состоит из ряда отдельных стальных звеньев около дюйма длиной. Соприкасающиеся поверхности каждого из них отполированы со всей допускаемой нашими средствами тщательностью, и мы теперь пытаемся наглядно определить природу существующего между нами молекулярного притяжения. Вы, вероятно, думаете, что это од и сплошной стальной стержень, не правда ли?

Лейк собрался было ответить, но Грент уже обратился к своему помощнику.

— Я вижу, что ток проходит через него совсем так же, как если бы он был целым,—воскликнул он.—Почему бы нам не попробовать его теперь на растяжение?

Человек кивнул головой в знак согласия, и Грент продолжал:

— Стержень, как я уже вам сказал, состоит из отдельных звеньев, плотно прижатых друг к другу своими отполированными концами. Машина, которая стоит направо от вас, сейчас разорвет этот стержень на две части. Смотрите.

Лаборант вставил стержень, и остро-шипящий звук пушечного в ход аппарата резнул воздух, вспугнув несколько тонких контрольных игл, принявшихся автоматически записывать величины напряжений на нескольких вращающихся барабанах. Следом за этим раздался треск разрыва, и человек быстро включил машину. Стальной стержень, вместо того, чтобы уступить в одном из суставов, лопнул по свежему месту, в середине.

— Поучительно,—сказал Грент, обращаясь к Лейку,—и целиком подтверждает все только-что сказанное.

Он взял со стола пару лежавших в стороне запасных звеньев и продолжал, сопровождая свои слова действием.

— Прделаем то же самое еще раз, только в уменьшенном виде... Притирая вот так эти поверхности одна к другой, мы вызовем на сцену некоторое, и даже порядочное количество молекулярного притяжения... Попробуйте теперь разорвать сами.

Лейк был не из худосочных, но ему пришлось напрячь всю свою силу, чтобы разъединить два, словно сросшихся между собой, куска металла.

(Продолжение следует.)

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН **ВИНЬОЛЬ** и **НОКС**. (Продолжение.)

Перевод с англ. *Г. Ляндау*.

— Теперь пойдем дальше, — сказал Грент, — но только вы мне предварительно скажите, имеете ли вы достаточно ясное представление о размерах и значении молекулы и атома?

Лейк с прискорбием покачал головой.

— Тогда позвольте мне снабдить вас некоторой краткой информацией, она может вам пригодиться. То, что раньше преподавалось, как правило, остается в настоящее время еще достаточно ценным для постижения всего в действительности происходящего. Одним из великих открытий девятнадцатого века было, что весь мир может быть разложен, как я уже вам говорил, на бесконечное число, далее уже неделимых частиц, или атомов, примерно восьмидесяти разных видов. Для начала будет полезно, если вы будете представлять их себе просто как кирпичики разных размеров и разных цветов, при чем, кстати уже зам скажу, что самый малый из всех атомов — атом водорода, а один из самых тяжелых — атом золота. Два или более различных атомов, соединенных вместе, составляют молекулу, так что всякое химически чистое вещество состоит из большого числа совершенно одинаковых молекул.

— Это мне достаточно ясно, — с облегченным вздохом сказал Лейк.

— Так, например, молекула воды содержит два атома, или „кирпичика“ водорода, крепко связанных с одним атомом кислорода. Кельвин оставил нам очень наглядное представление о размерах молекулы, сказав, что если каплю воды раздуть до размеров земного шара, то молекулы внутри нее будут величиной от пушечного ядра до картечи. Отсюда вам станет легко понятным, почему нельзя обыкновенным путем сблизить два излома металлического стержня настолько, чтобы вызвать силы взаимного притяжения. Стараясь точно пригнать края отломанных кусков металла, вы оказались бы в положении сказочного гиганта, который, взяв в одну пригоршню Швейцарию, старался бы, опрокинув ее вверх дном, приладить ее хотя бы к Шот-

ландии таким образом, чтобы все возвышенности одной попали в соответственные углубления другой. Понятно?

— Вы могли бы быть лектором в школе для новорожденных, — воскликнул Лейк с восторгом.

Грент улыбнулся, и они направились в комнату, где производились исследования колебаний земли. Лейка это особенно заинтересовало. Он с изумлением остановился перед массивным каменным столбом около полуметра в поперечнике, заделанным в пол.

— Надавите на него, — сказал Грент, — и затем посмотрите, что случится.

Лейку столб показался абсолютно твердым, однако малейшего прикосновения к нему было довольно, чтобы отбросить контролировавшую его движение стрелку далеко за пределы циферблата. Изумленный чувствительностью аппарата, Лейк сделал шаг в сторону. Стрелка медленно закачалась взад и вперед, отмечая качания столба и, наконец, успокоилась на нуле.

— Мне хотелось бы пойти дальше, — тоскливо проговорил Лейк. — Это место вызывает во мне дрожь.

Грент засмеялся.

В следующей комнате стоял характерный запах озона.

— Здесь мы изучаем, каким путем один атом может быть превращаем в другой, — сказал он.

Он должен был сильно повысить голос из-за треска электрических искр, перескакивавших между двумя полюсами гигантской электрической катушки, между тем как большая стеклянная труба сияла мягким голубым светом.

— Пустите ток через вторую трубку, — крикнул ученый человеку, работавшему в комнате. — А вы, Лейк, смотрите через тот спектроскоп на первую трубку. И говорите мне все, что увидите.

— Я вижу узкую ленту, — закричал в ответ Лейк, — и, кроме того, много ярких белых линий с темными промежутками.

— Смотрите теперь на вторую трубку.

— Те же самые линии, но есть также и красные.

— Красные линии доказывают присутствие неона, — объяснил Грент. Собщая энергию атомам кислорода и гелия, мы тем самым получаем другое, — неон в данном случае. Продолжайте оставаться на том же месте. Здесь образуется чистый газ, по мере того как проходит ток.

Он повернул выключатель, и стоявшая в стороне трубка засверкала чистым и мощным красным светом.

— В этом нет ничего нового, — заметил он. Опыт сам по себе довольно стар, но он произвел большую сенсацию в 1913 г., когда был представлен Химическому Обществу в Лондоне. Он дал толчок целому ряду полезнейших исследований. Мы сейчас заново устанавливаем точные условия, от которых зависит превращение.

Каждая отрасль знания, о которой Лейк слышал прежде, казалось, была здесь предметом особого жизненного изучения. Он видел антропологов, выпрашивавших тайны древних костей и черепов первобытных людей, в попытках разрешить проблему человеческого развития; зоологов, исследовавших загадки наследственности, связанные с физическими возможностями для крохотной зарождавшейся клетки передавать мириады запутанных особенностей от родителя к отпрыску; кристаллографов, подсматривавших закономерность в расположении атомов в кристаллах; физиологов, анализирувавших секреты сыворотки, и расшифровывавших многообразные и чудесные свойства столь простой с виду материи; ботаников, открывавших еще невиданные промежуточные области между животным и растением; геологов, обращенных к далям прошлого, в поисках невысказанных еще свидетельств ископаемых и немых, пред другими, скал; химиков и физиков, комбинирующих, разлагавших и измерявших, следивших за всяким выигрышем или всякой потерей энергии; физиков, занятых прямыми наблюдениями над распадом атомов и концентрированной энергией во всех ее формах; металлургов, поглощенных сокровенными свойствами металлов и сплавов, в роде тех, что порождают столь неожиданные свойства в стали, после прибавления к ней частиц ванадия; оптиков, разлагающих лучи всякого вида; философов, ученых и специалистов всех отраслей, подходивших все к той же главной проблеме атома с каких бы то ни было точек зрения.

Обитель чудес — таким казался теперь Лейку дом Грента.

Когда они вышли из лаборатории, чтобы опять пройти в сад, Лейк был настолько взволнован, что не мог удержаться и продекламировал с блестящими глазами:

— „Да будут славны великие и их великий труд“.

— Bravo, Лейк! — вскричал Грент. — Цитата тем более

к месту, что нам еще предстоит пить чай. Надеюсь и верю, что Элен приготовила нам его.

Элен их ждала. Как только она заметила отца, она выбежала на лужайку с телеграммой в руке.

— Ее доставили час тому назад, — прибавила она. Но так как вы были в лаборатории, я решила вас не беспокоить. Если что-нибудь очень срочное — прошу прощения.

— Это от Когена, — сказал Грент, — с переменной часа нашего завтрашнего свидания. Вместо пяти он будет здесь в два. Мне было бы приятнее, Лейк, если бы вы при этом присутствовали.

— С большим удовольствием, — с бесцветной готовностью пролепетал Лейк.

„Обитель чудес“, словно по волшебству, вылетела из его памяти, со всеми ее столами, машинами молекулами и атомами, рубильниками и лаборантами.

Минуту спустя он уже сидел за чайным столом, с тупым восхищением созерцаемое последнее чудо — как молодая девушка разливает чай.

Большая стеклянная трубка сияла мягким светом...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Коген пришел точно вовремя.

Это был мужчина среднего роста, довольно красивый и безукоризненно одетый.

На Лейка он сразу произвел впечатление человека, у которого действие было главной пружиной жизни.

Он сразу приступил к делу.

— Ну-с, — сказал он, — уставившись на Грента сво-

ими пристальными глазами, — решили вы, или нет?

— Принципиально, да! — ответил Грент.

— Прекрасно. Нам, следовательно, не приходится терять времени. Я только что беседовал кое с кем из правительства. Все они весьма и весьма заинтересованы моей схемой, но считают так же, как и я, что без вас мое предложение практически терпит почку. Речь шла, главным образом, об угле.

— В самом деле, — поднял глаза Грент. — Весьма подходящая тема, если вы хотите знать мое мнение.

— Разумеется. Одному из них очень далась идея о водяной силе, и мне стоило большого труда убедить его, что это несколько не меняет существа вопроса в его целом. Мне пришлось напомнить ему, что пока что уголь остается диктатором положения. Углем топят в домах, на угле готовят пищу, или прямо, или в виде газа и электричества. Уголь одушевляет моря и реки, углем дышат железные дороги. Короче, уголь не только управляет процессом жизни густо разросшегося человечества, но и оживает все новые и новые области, без него практически необитаемые. Мне кажется, что это достаточно твердая истина, не правда ли?

Грент молча наклонил голову, и Коген, подогретый, продолжал развивать свою тему.

— Я рад, что вы, как и многие другие люди науки, испытываете тревогу за будущее угля, а вместе с ним и человечества. Вы как-то сделали удивительно енное замечание, сказав, что хотя уголь вошел в широкий жизненный обиход всего каких-нибудь полтора лет тому назад, его запасы выказывают уж все признаки начинающегося истощения.

Вы совершенно правы, как и правы все те, кто огласен, что если не будет найден какой-нибудь вечный источник скрытой энергии, то вся человеческая цивилизация рассыпется, как карточный домик.

— Не думаю, чтобы я это когда-нибудь говорил,—сказал Грент.

— Безразлично. Что касается меня, то я беру на себя мелочь пророчествовать: когда будет истрачен мировой запас угля, мы вернемся к средним векам, с той, однако, трагической разницей, что земля будет измеримо более населенной. Это будет означать не что иное, как всеобщую войну для истребления излишков человечества. Мы тратим наши запасы угля, как безумный мот прожигает доставшееся ему наследство. Позвольте мне поставить вам прямо один или два вопроса: предполагаю, что мы сумеем использовать всю доступную нам энергию солнца, воды и ветра, какую часть это может составить от всего расходуемого в данное время количества энергии для механических, согревательных, осветительных и всех вообще промышленных целей?

— Что-нибудь между двадцатью пятью и тридцатью процентами, беря с известным запасом.

— Прекрасно. Это как раз то, что я назвал менее часа тому назад. Далее, имею ли я право утверждать, что спрос на энергию непрерывно увеличивается?

— Полное право.

— В таком случае, разве не разумнее было бы сосредоточить все запасы этой энергии в одних руках и тем самым обеспечить наиболее экономное их расходование?

Пальцы Грента потянулись к жилетной пуговице.

— Ваш последний вопрос имеет обоюдоострый характер,—сказал он.—Над ним надо очень и очень подумать.

Для него, как и для Лейка, было ясно, что Когена интересовала не одна только академическая сторона этого вопроса. Тонкие пальцы дельца безостановочно наигрывали на столе бесшумную и нервную мелодию, явно выдавая его тревожное настроение.

— Я вполне разделяю вашу мысль,—сказал, наконец, Грент,—что сосредоточение в одних руках всей энергии было бы весьма разумной мерой, при непременно, конечно, условии, чтобы эти руки сумели ее наилучшим путем использовать. Но каковы же ваши ближайшие предположения, мистер Коген?

— Очень простые,—ответил Коген.—Как первый шаг к осуществлению моей мысли, мне удалось убедить французское правительство передать мне силовую концессию для Парижа и всего района вокруг него в 150 километров радиусом.

— Крупный шаг,—заметил Грент.

— Да, крупный. Он был сделан не без значи-

тельных усилий с моей стороны, как вы это сейчас увидите. Согласно условий этой концессии, финансовая группа, которую я представляю,—исключительно мощная группа,—получает монопольное право на производство и поставку энергии в данном районе. Железные дороги, трамваи, грузовые и легковые автомобили, речные паромы, электрические компании, фабрики, мастерские и отдельные граждане,—все они будут обязаны по закону покупать энергию только у нашей группы. Обладая такими гарантиями, мы окажемся в состоянии сократить непроизводительную трату энергии, по крайней мере, на половину.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Более того, если дело разовьется, как следует, мы сможем гарантировать снабжение энергией по ценам значительно ниже всех существующих. Позже, когда концессия пойдет полным ходом,

Коген—один из способнейших современных финансистов...

в наших руках останется ядро, пользуясь которым мы сумеем распространить наш контроль на всю вообще энергию. Настоящая наша цель—использовать участок башни Эйфеля для постройки генераторной станции, с беспроводной передачей энергии с самой башни Эйфеля.

Грент слушал с задумчиво устремленным вдаль взглядом.

Помолчав, он сказал:

— Каким же образом представляете вы себе мое личное участие в этом деле?

— Группа, которую я представляю,—сказал Коген,—хочет, чтобы вы взяли на себя общее наблюдение над технической стороной предприятия по двум причинам: во-первых, она, естественно, настаивает на возможно лучшем техническом руководстве; во-вторых, она вполне осведомлена, что ваша причастность к концессии в значительной степени обеспечивает ей благожелательный прием со стороны общественных кругов, это очень и очень существенная подробность. Что касается, наконец, ваших условий, то я могу вас заверить, что вы вполне свободны сами продиктовать их.

Грент бросил взгляд на Лейка.

— Соблазнительно? А?—проговорил он.

— Прошу прощения,—остановил его Коген, поднимаясь со стула.—Ввиду того, что этой задачи нельзя решить в две минуты, было бы лучше, если бы вы обсудили ее наедине друг с другом. Я заметил, что у вас чудесный сад, с которым я с удовольствием познакомлюсь поближе. Когда вы выявите ваше решение, вы меня позовете.

— Итак,—сказал Грент, когда Коген вышел из комнаты,—каково ваше мнение, Лейк?

— Это во всяком случае удивительный проект,—ответил Лейк.—Считаете вы его осуществимым?

— О, да. Коген—один из способнейших современных финансистов и обладает, кроме того, замечательным даром впивывать в себя знания. Он способен обсуждать технические предметы с блеском настоящего инженера, я сам убедился в этом на прошлой неделе. Помимо этого, он обладает большим личным состоянием, а стоящая за его спиной финансовая группа располагает, по его словам, прямо неограниченными капиталами.

— Ну, а все его беспокойство за судьбу угольных запасов? Не что иное, как только удочка для уловления ваших симпатий?

— По всей вероятности. Впрочем, беспокоится ли Коген об угле или нет, мне это совершенно безразлично. Его проект не только хорош, но и выполним. Он дает возможность сэкономить известную часть естественных благ, которая ныне разбрасывается на ветер, и это, я думаю, главная причина, почему французское правительство идет ему навстречу, несмотря на всю внешнюю экстравагантность проекта.

Грент порывисто поднялся со стула и начал шагать по комнате, пуская густые клубы сигарного дыма.

— С первого же момента, как я услышал про башню Эйфеля,—воскликнул он,—я стал тайно желать этого предложения. Это не значит, что я хотел денег для себя,—далеко до этого. Расходы на мои опыты, все увеличиваясь, достигли в последнее время совершенно непосильных для меня размеров. Там, где я вчера тратил сотни, я трачу сегодня тысячи. Я мог бы обратиться за помощью к правительству, но я никогда этого не сделаю, так как одна мысль о вечном, мелочном контроле приводит меня в ужас. Уже давно мои траты на лабораторию перегнали все доходы, приносимые мне моими патентами, и стали поглощать мое личное состояние. Еще немного и я буду вынужден совсем прекратить опыты.

— Как раз в тот момент, когда перед вами снова открываются почти неограниченные возможности?

— Именно. Для того, чтобы мои изыскания двигались, мне необходим свежий приток крупных средств и, вместе с тем, свободный, время от времени, доступ к таким массам энергии, которыми не располагает ни одна из существующих электрических компаний. План Когена важен не только с точки зрения общественных интересов,—иначе я никогда бы не поддерживал его,—но и для того великого дела, которому я служу—открытия человечеству новых источников совершенно безграничной энергии. Словом, я хочу принять это предложение, Лейк.

— Мне кажется, что все говорит за это. Но вам

все же не показалось странным, что Коген ни разу не упомянул имя Сториани. Он, конечно, должен знать все о его намерениях.

— Это разумеется само собой. Но Коген не из тех людей, которые ломают себе голову над планами противников. Кстати, как он вам понравился?

— Деловой человек с ног до головы и, кажется, вполне надежный.

— Безусловно. Ну-с, в таком случае, позовем его.

Коген все еще продолжал перебирать пальцами, когда он вернулся в комнату. Как игрок в покер, он наверное бы потерпел полное фиаско. Его взгляд обладал достаточной стойкостью, но руки сразу обнаруживали его нервозность.

— Мне не долго пришлось ждать,—заметил он, опускаясь на стул.

— Тут, действительно, было мало над чем задумываться,—сказал Грент.—Я согласен взять на себя техническое руководство концессией. И я надеюсь, что ни вы, ни ваши друзья не будут возражать против моих условий.

— Будьте покойны,—поклонился Коген.—Моя единственная забота—заполучить ваше участие. Я вполне уполномочен заявить это.

— Я слишком на стороне всего вашего проекта, чтобы отклонить ваше предложение,—продолжал Грент.—Что касается моих условий, то все, что я прошу,—предупреждаю, что это обяжет вашу группу к очень большим расходам, это—принятие на себя вами, начиная с сего дня и кончая сроком моей службы, всех издержек на мою здешнюю лабораторию. Другими словами, вся лаборатория, ее штат, оборудование и содержание переходят отныне на полное материальное попечение концессии. Независимо от того, мне должно принадлежать право временного позаймствования до половины всей мощности энергии концессии, когда это будет требоваться для целей моей лабораторной работы.

Коген протянул руку:

— От имени моей группы, я согласен.

Лейк помог составить договор. Он вышел коротким, но вполне исчерпывающим. Грент подписал первым: он обязывался принять на себя техническое наблюдение и ответственность в обмен на содержание в полном ходу его лаборатории. Затем следовало имя Когена, гарантировавшего сумму капитала.

Когда Лейк уже собирался подписаться в качестве свидетеля, Коген воскликнул.

— Нам требуются двое. Нет ли у вас еще кого-нибудь в доме, мистер Грент, кто бы согласился присоединить свою подпись? Предпочтительно—родственника.

— Есть моя дочь,—ответил Грент.

— Как нельзя лучше. Можно ее пригласить?

— Разумеется.

Грент отдал распоряжение, и минут пять спустя Элен вошла в комнату.

Она была восхитительна в своем белом блестящем платье, и глаза Когена заискрились, когда он повернул к ней голову.

— О, это настоящее удовольствие,—проговорил он, задерживая ее руку на одно мгновение дольше.

необходимого.—Ваш отец удивительно счастливый человек.

— Это что же, комплимент?—спросила с улыбкой Эллен.

— И очень неуклюжий, к несчастью. Выражаясь более обстоятельно, следовало бы сказать, что хороший отец, имея такую дочь, должен за это благодарить звезды.

Лейку вся эта фраза показалась верхом непристойности. Но он был окончательно шокирован, когда увидел, что Эллен не только не выказала резких признаков отвращения, но наоборот, повидимому, почувствовала себя польщенной.

— Вы, конечно, пообедаете с нами, мистер Коген?—спросила она после того, как подписала свое имя.—Обед ровно в восемь и без всяких церемоний. Оставайтесь.

— С большим удовольствием,—сказал Коген,—в особенности, если вы обещаете сесть со мной рядом.

Лейк с фырканьем пересек комнату, поддав на дороге попавшийся ему под ноги пufчик.

Обед прошел без всякого удовольствия. Коген сразу завладел разговором, автоматически выключив из него и Грента и Лейку. Эллен слушала его с живым интересом, отозвавшимся в душе Лейка горьким сознанием его собственной бездарности, как собеседника и рассказчика. С того момента, как подали рыбу, он не успел вставить ни одного слова.

Коген был мастером легкого разговора, и Лейк не рискнул бы вступить с ним в спор ни за какую премию.

Коген ушел в одиннадцать часов, и Эллен проводила его до двери. На прощание он мельком заметил, что в первый раз в своей жизни сознательно позабыл о двух деловых свиданиях; он был не только обворожителен, как рассказчик, но обладал еще редким даром вернуть во-время нужное слово. Лейк охотно схватил бы его за горло.

— Очаровательный малый,—рассеянно заметил Грент, протягивая руку за свежей сигарой.

Лейк, который курил трубку, едва не перекусил мундштук. Он был готов грызть стулья.

— Хм, хм,—ответил он.

— Я всегда завидовал тем мужчинам, которые умеют становиться в хорошие отношения с женщиной с первой же минуты знакомства,—задумчиво сказал Грент.— Нам с вами этого не дано, Лейк.

Это было втираньем соли в живую рану. Лейк скрипнул зубами.

— Эллен удивительная девушка,—медленно продолжал Грент.—Она совершенно равнодушна к мужчинам. Достаточно вам сказать, что, несмотря на свои двадцать три года, она еще ни разу и никем не увлеклась. Я смотрел на нее сегодня и что же? Она была положительно счастлива. Заметили ли вы, Лейк, что она едва сознавала, что мы с вами сидели за тем же самым столом?

Лейк уронил трубку, поднял ее и сунул в карман.

— Коген, вероятно, женат,—сказал он, облекая в полутвердигельную форму надежду, которая в нем глела в продолжении всего вечера,—и мне поэтому не совсем понятно, почему он так старался понравиться.

— Вам это станет несколько понятнее, когда вы узнаете, что он холостой и при том еще в самом опасном возрасте—ему сорок лет.

Грент усмехнулся и добродушно прибавил:

— Я думаю, что мне не лишне будет предупредить на этот счет Эллен. Несмотря на все его деловые качества, он должен быть очень влюбчив и может выхватить девочку у меня из-под носа, прежде чем я успею опомниться.

Лейк сдавленно зарычал.

— Что вы сказали?

— Да, вот, говорю, трубка..

Он вытащил из кармана трубку и стал разглядывать ее злобно-непонимающим взглядом.—Засорилась она, что ли..

— Вот вам сигары, они очень хороши,—предложил Грент,—право жаль, что вы, кажется, как-то не в духе.

— В первый раз это слышу.

— Дорогой мой, на вас лица нет. Вам придется очень часто видаться с Когеном: вы вполне уверены, что вы с ним сойдетесь?

— Трудно сказать. Боюсь признаться, но он мне как-то не очень..

— Да? Почему же?

— Очень уж он, знаете, болтлив, ведь положительно никому не дает сказать слова. Такие люди не в моем духе.

Грент поднес к лицу носовой платок и стал тщательно вытирать рот.

— Нельзя же, чтоб все были одинаковы, Лейк,—сказал он.—Мир нуждается в разных людях. Коген, по моему мнению, хорош в одном отношении, вы—в другом.

— Это очень любезно с вашей стороны.

— Вы с Когеном, разумеется, совершенно различные типы, но у вас есть перед ним то преимущество, что вы молоды, очень красивы и симпатичны. Я думаю, что женщины должны прямо любоваться вами, Лейк.

— Никогда не видел, чтобы хоть одна на меня обернулась.

— Может быть вы близоруки. Эллен, например, очень много о вас говорила.

Лейк непроизвольно выпрямился на стуле; разговор неожиданно начинал сворачивать на более живописную дорогу. Но как раз в этот момент Эллен вбежала в комнату и схватила отца за руку.

— Ах, я сейчас так испугалась,—воскликнула она,—и все это из-за того вашего разговора с мистером Лейком в Савой-отеле. Когда я открыла дверь мистеру Когену, кого, вы думаете, я увидела?

— Не имею никакого понятия.

— Сториани. Я уверена, что он сторожил около дома. Как только его взгляд упал на мистера Когена, так он тотчас же ретировался.

— В том же направлении, что и Коген?

— О, нет, совершенно в противоположном.

— А Коген его видел?

— Не знаю. Если да, то и он не показал вида. Но я заметила, что он внезапно остановился и улыбнулся довольно принужденно. Когда он прощался со мной, он был совершенно серьезен.

Грент вскочил на ноги; он был чрезвычайно взволнован.

— Лейк,—вскричал он,—это начало. С этих пор мы должны быть на-страже. Если сам Сториани считает нужным следить за моим домом, то можете быть вполне уверены, что дело очень серьезно.

Он повернулся к дочери.

— Я думаю, что тебе следовало бы возвратиться в Лондон, Эллен, там будет гораздо безопаснее.

Эллен покачала головой.

— Если вы приказываете мне уехать,—ответила она с некоторой вспышкой,—то я, конечно, повинуюсь. Но я бы хотела оставаться здесь, с вами.

Грент пожал плечами.

— Меня беспокоит опасность,—пробормотал он.— Сториани страшный человек. Он не задумается нанести тебе вред, если будет думать, что тем самым он поразит меня.

— Я совсем не собираюсь напрасно рисковать,—возразила Эллен,—но вместе с тем я несколько не боюсь Сториани. И вообще мое место—около вас.

Кто же, кроме меня, посмеет приносить завтрак к вам в лабораторию, когда вы там заняты вашими опытами? У кого на это хватит храбрости? Я совершенно необходима для вас и вашей работы, и вы это прекрасно знаете.

Грент снова пожал плечами.

— Возможно, что ты и права,—сказал он.—То, что предстоит масса работы, это ясно само собой. Прекрасно, поступай, как знаешь. Ну, а теперь, не думаете ли вы, что уже полночь, и пора спать?

— О, нет, еще рано,—запротестовала Эллен.—Мне еще надо поговорить с мистером Лейком. Он был так сух и официален весь вечер, что я боюсь, не обидела ли я его чем-нибудь. Не правда ли, мистер Лейк?

— О, конечно, нет,—воскликнул Лейк, делая судорожный бросок в сторону, чтобы очистить свободное место на диване.

Грент, вздохнув, взял со стола газету и закрылся ее листами.

(Продолжение следует.)

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН ВИНЬОЛЬ и НОКС. (Продолжение)

Перевод с англ. Г. Ляндау.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Все последующие затем дни Лейку казалось, что он живет в новом мире.

События обгоняли события с такой поразительной быстротой, и впечатления были полны такой новизны, что ему почти не удавалось отличать важное от незначительного.

Его положение как доверенного секретаря Грента — ибо он таким был в действительности — давало ему доступ во все помещения, за исключением тех, которые Грент считал своей частной лабораторией. Лейк держался подальше от них, так как хорошо понимал, что Грент считал эти места священными. Это был единственный уголок во Франции, где он мог работать без страха постороннего вмешательства. Даже тюрьма не могла бы охраняться надежнее.

Грент высказывал в первое время меньше энтузиазма, чем можно было ожидать; точно так же и Коген.

Оба они работали, как каторжники, но Лейк очень скоро с удивлением заметил, что дело, на которое он и весь мир вокруг него смотрели, как на предприятие ошеломляющего замысла, — так же расценивала его и вся пресса, посвящая ему очень много места, — это дело оставалось в их глазах только первым в ряду событий.

Было ясно с самого начала, что Коген интересовался проектом не столь ради него самого, сколько ради будущих родственных ему планов, которым в его глазах суждено было сыграть ту же самую роль для всего мира, как Эйфелевой концессии для Парижа и его района.

С течением времени он даже стал усваивать несколько высокомерный тон и часто раздражал Лейка своими суждениями о значении работ Грента. При

этом он с таким ударением называл их „экспериментаторскими“, что Лейку не раз приходилось прикусывать язык, чтобы не высказать ему вскипавших в его голове не совсем почтительных мыслей.

Работа фактически началась вечером того же дня, когда был подписан договор. Это было характерно для Когена, который никогда не терял ни секунды. При этом он показывал такое искусство угадывать мысли Грента, что это порой казалось прямо загадочным.

Так было и в тот вечер, когда они, по обыкновению в присутствии Лейка, обсуждали технические подробности.

— Разрешите мне изложить вам план проблемы, как он мне представляется, — сказал Коген; — самое лучшее будет мысленно представить себе карту Франции и начертить на ней круг, радиусом в сто миль, с центром в Париже. На севере этот круг охватит весьма обширную промышленную область, а также включит крупные сельскохозяйственные участки. Нам предстоит построить электрическую центральную станцию, которая должна удовлетворять всем ныне существующим потребностям, с учетом также и будущего развития. Забудем пока о транспорте и спросе со стороны промышленности и перейдем прямо к земледелию. Вот первая вещь, которую мы должны иметь в виду. При установившихся ценах на продукты сельского хозяйства, повышение его интенсивности становится экономически неизбежным. Опыты по влиянию электричества на рост растений, заинтересовавшие Лоджа несколько лет тому назад, ныне привели к желательным результатам, и единственно чего недостает для их широкого применения, это — дешевой электрической энергии. Я подсчитал, что при наших ценах на энергию каждый фермер должен будет обратиться к концессии за электричеством для повышения своего урожая.

— Это как-раз то, что я думал,—сказал Грент.— Для этого нам потребуется станция, соответствующая потреблению нескольких тысяч тонн угля в день. Так как уголь есть пока единственно подходящее топливо для данной цели, то я предполагаю использовать проекты, разработанные мной для полярных станций. Уголь будет доставляться по Сене, а электрический ток от генераторов, вращаемых паровыми машинами, будет подводиться прямо к трансформаторам, у основания башни. Сама башня, как уже говорилось, будет служить фокусом для посылки по воздуху электрической энергии.

— Одну минуту,—перебил Коген.— Я не электротехник, но могу следить за мыслью не хуже всякого другого. Моя схема была детально разработана много месяцев тому назад, и все это время я был уверен, что вы скажете все, только что мною от вас услышанное. Около года тому назад я произвел исследование башни Эйфеля и месяц позже уже дал некоторые заказы различным фирмам во всех частях света. Все, что теперь остается, это послать вот эту телеграмму, и через три или четыре месяца станция Эйфеля будет закончена, оборудована и начнет работать.

Он протянул Гренту текст телеграммы.

— Пауэртоль, Нью-Йорк. Откройте ящик 2034 А и выполните инструкции. Коген.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

На другое утро после заседания у Когена парижская пресса была полна сенсационным материалом. Во главе стояло официальное объявление, что концессия башни Эйфеля, наконец, сдана.

Затем следовало постановление Правительства по отношению многочисленных силовых компаний, оперировавших в черте стоимильной полосы концессии. Заглавие декрета гласило:

„Мероприятия для ограничения бесполезной траты энергии, вызываемой недопустимой конкуренцией, вылившиеся

в форму передачи концессии монопольного характера на снабжение энергией Парижа и его круговой зоны в сто миль радиусом“.

В объяснении указывалось на опасность истощения угольных запасов, на расточительность существующих обществ по части расходов на администрацию, на

установленные факты взаимных соглашений отдельных компаний с целью поддержки обременительных для публики цен на электрическую энергию, наконец, сообщалось, что концессия сдана финансовой группе Когена, с соблюдением гарантий, обеспечивающих интересы всех слоев населения. При этом с особым ударением подчеркивалось участие Джона Грента, взявшего на себя полную ответственность за техническую сторону предприятия.

Лейк настолько углубился в чтение газет, что пропустил утренний завтрак.

Все утро дом Грента осаждался репортерами, тщетно настаивавшими на личном свидании с ученым.

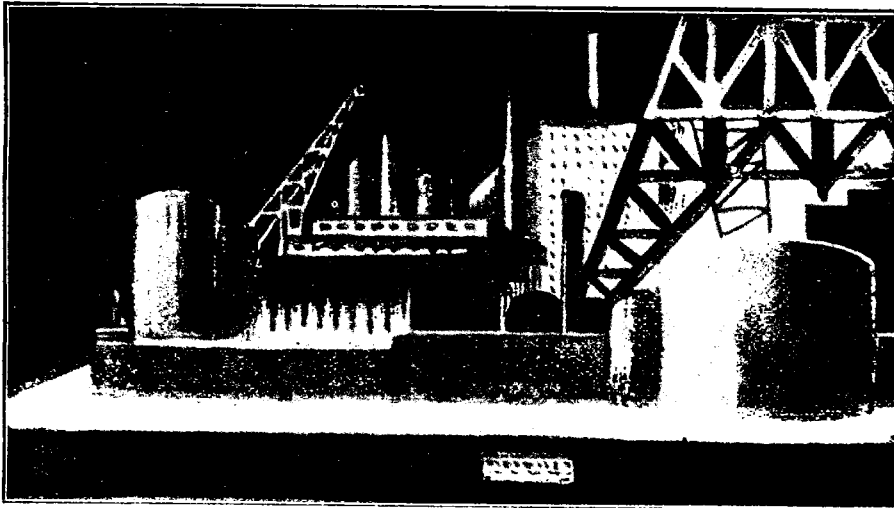
Грент согласился дать подробную статью поздно к вечеру, а всех репортеров приказал направлять к Лейку. На Лейку посыпался такой град вопросов, что ему сразу же показалось, что его перевернули на голову, и к полудню его мозг гудел, как котел, близкий к взрыву. При этом он убедился, насколько разумно было со стороны властей поставить мир перед разрешенной уже задачей.

Яростная полемика, разгоревшаяся вокруг этого дела, достаточно ясно показывала, что всякое предварительное открытое обсуждение вопроса привело бы только к верному срыву концессии. Особенно свирепствовали, конечно, силовые компании, давившие всей своей тяжестью на связанные с ними органы прессы.

Одно время Лейк начал даже испытывать беспокойство за судьбу проекта и успокоился только, узнав, что вся наиболее ожесточенная травля исхо-

дила из газет, или принадлежавших Сториани, или им субсидируемых.

Короткой прогулки по улицам Парижа было, однако, достаточно, чтобы убедиться, что его обыватели нисколько не встревожены. Сообщение их, правда, заинтересовало, но главным образом со стороны обещанных в будущем до смешного де-

Модель электрической станции—проект Когена.

шевых цен на электрическую энергию.

К вечеру Лейк очутился около башни Эйфеля. Участок вокруг нее был уже давно выровнен, расчищен, но осмотреть его мешал окружающий забор. Лейк был далеко не один, так как сотни парижан постоянно паломничали к этому месту, вошедшему

в поговорку,—столько вокруг него было разговоров и писанных и не писанных проектов.

Лейку было нетрудно получить пропуск. Он ничего не увидел, кроме обширного пустыря, и, пробродив по нем около часа, направился обратно, к бульварам.

Двадцать четыре часа спустя началась работа. Лейку это показалось одним из номеров пантомимы,—с такой скоростью произошло превращение. До сих пор он все еще испытывал некоторые сомнения насчет достоинств Когена, но теперь он сам убедился, что его упоение собственным организационным талантом вполне оправдывалось фактами.

Одна постройка технических служб была настоящим фокусом. Это было громадное деревянное одноэтажное здание, вмещавшее около полутора сот комнат. Коген положил всего десять дней на все предварительные работы, и первый же результат его телеграммы по адресу „Пауэртол, Нью-Йорк“ была выправка ордера на получение составных частей здания.

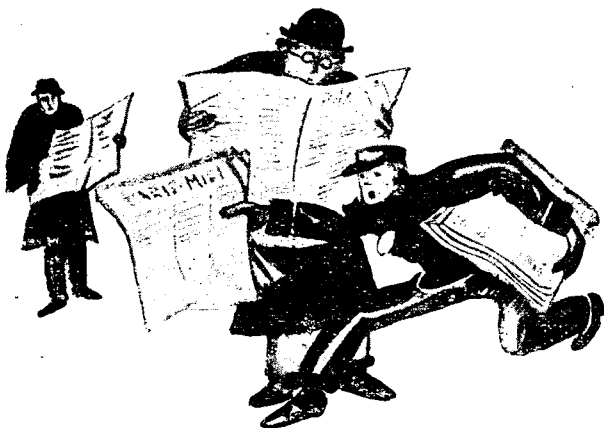
Моторные платформы подавали их на участок целыми нумерованными секциями, и плотникам, приехавшим вместе с ними, оставалось только собрать и скрепить полы, стены и крышу. Фургоны, наполненные мебелью, следовали правильными промежутками за разгружавшимися платформами, и к концу дня все чертежи, бумаги и документы, относящиеся к предприятию, уже благополучно лежали на своих новых местах.

После обеда к вечеру Коген с простибельной горлостью уже водил Грента и Лейку по ставшему человеческим ульем вчерашнему пустырю.

— Настоящая работа начнется завтра,—сказал он.

Когда они остановились перед его кабинетом, он показал им на готовый аппарат карточных указателей.

— Видите это?—спросил он.—Они содержат имена всех, кто зарегистрирован на следующее утро. Во всяком случае, это те имена, которыми они здесь будут называться, так как на низших ступенях рабочей силы я предпочитаю иметь дело не с людьми, а с раз-

На другое утро пресса была полна сенсационными известиями...

рядами. Моя система чрезвычайно упрощает техническому надзору его задачу точно определять род работы, для которой человек приспособлен. Имена, которые мы даем, объясняют все, что от человека требуется.

Это была только маленькая деталь, но Лейку она показалась весьма характерной для физиономии Когена.

Всю эту неделю парижане протирали глаза от удивления. Сена с утра и до ночи струила караваны барж под гул и свист, который мог бы разбудить мертвого. Казалось, что все буксирные суда обзавелись новыми сиренами. На протяжении мили и более пристани разгружали безостановочно прибывавший материал.

Коген со свойственной ему предусмотрительностью уже ранее обеспечил себе на набережной глубокий разгрузочный фронт, в милю длиной, который был сразу им превращен в целый железнодорожный парк.

Тем временем полдюжины моторных балеров уже взрезали землю по контуру участка, приготавливая основание под трехметровую стену.

Когда было выглажено дно рва, стена начала расти, как-будто выпираемая пружиной. Каждая ровная четырехугольная бетонная глыба садилась быстро и точно на предназначенное ей в ряду место, указанное выбитыми на ней цифрами.

Безгрешный, жестокий дух гениальной организации гнал кверху безвольный камень, вызывая у Лейки тревожное и тоскливое чувство, что и он сам и каждая живая душа в этом городе захвачены чудовищной машиной, верно и холодно раздавливающей всякое сопротивление.

Лицо участка менялось с каждым часом. Постройка огромной стены заняла только двое суток, и баржи, привезшие для нее бетон, сменялись другими, нагруженными балками для гигантских подвижных кранов, которые должны были усеять собой площадь.

Нет ничего удивительного, если парижане, смотревшие во все глаза на постройку того, что все они теперь называли Эйфелевой станцией, принимали этот довольно простой в глазах Когена факт, как одно из чудес света.

Они даже как будто не замечали, как грубо нарушался покой повседневного существования. Все, о чем они в первое время думали, сводилось только к одному поражающему обстоятельству: целые акры земли, к которым они привыкли, как к громадному пустырю, стали вдруг бешено прорастать щетиной стального города, прежде чем люди успели перева-

ритель, рассчитанное на будущее газетное предупреждение.

Лейк, который первые два или три дня редко отлучался с места работ, часто задавал себе вопрос, как должны были поворачиваться в могилах некогда самодовольные инженеры прошлого столетия. Ни одной минуты из двадцати четырех часов не пропадало даром, солнце дня сменялось светом ослепляющих электрических фонарей, всю ночь сиявших заревом над Парижем.

Все вокруг оглушало шумом, кроме рабочих; только они молчали.

Газеты Сториани продолжали печатать негодующие или язвительные статьи, но количество симпатий, возбуждаемое ими, было ничтожно.

Парижане в общем были скорее горды тем чудом, которое развевывалось у них перед глазами.

Но что действительно ставило втупик Лейка, так это причина такой лихорадочной спешки. Ему казалось, что довольно минутного размышления, чтобы заключить, что подобная мобилизация всей рабочей силы и сосредоточение усилий стольких различных фирм было очень дорого стоящей затеей и что желаемых результатов можно было добиться за значительно более дешевую цену.

Когда он высказал свою мысль Гренту, тот с ним вполне согласился, но отклонил дальнейшее обсуждение темы, заметив, что так как, с одной стороны, вопрос этот был чисто-финансового характера, а, с другой — Коген уже доказал ему, что условия его многочисленных контрактов были достаточно выгодными, то никто, и менее всего он сам, имели основания жаловаться.

Лейк, однако, этим не удовлетворился. Весьма возможно — таков уже путь всякого мужчины, чьи мысли главным образом сосредоточены на женщине, — что он просто искал случая, чтобы придаться к одному из методов Когена. Однажды вечером он воспользовался каким-то предлогом и поставил этот вопрос прямо. Отпор со стороны Когена был жестоким.

— Вам стоит немножко только напрячь мысль, — ответил он с жаром, несколько большим, чем требовали обстоятельства, — чтобы понять, какие преимущества имеет работа под большим давлением. Во-первых, когда работа идет быстрым темпом на глазах людей, они работают с гораздо более острым интересом; посмотрите вокруг себя, и вы увидите, что среди них нет зевающих. Во-вторых, погоня работу, вы значительно понижаете размеры возможного ее удорожания, путем сокращения срока, когда ваш капитал бездействует. В третьих, время дорого, и эта концессия есть только начало, она первая из многих, к которым я стремлюсь. Если бы я начал работать вразвалку, я просто бы дал своим противникам повод организовать оппозицию.

— Но, позвольте, — возразил Лейк, — я не вижу, на чем может основываться эта оппозиция. Ведь, на сколько я понимаю, отпуские цены вашей продукции

будут гораздо ниже, чем все цены, возможные при господстве принципа конкуренции.

— Ну, это только значит, что вы не знаете Сториани, — сорвалось у Когена, — Впрочем, мне вовсе этого и не требуется. Напрасно вы думаете, что я собираюсь благодетельствовать мир, раздавая энергию по смехотворным ценам. Дорогой мой, как только у нас будет монополия, мы сумеем заставить платить столько, сколько публика сможет. Это единственное средство для возврата капитала.

— И Грент это знает?

— Знает или нет, это мне безразлично. Ему придется с этим примириться, как и всякому другому, после того как в наших руках будет фактический контроль над энергией. Я нимало не сомневаюсь, что деловые люди скоро поймут, что их интересы и наши не всегда одинаковы. Они, по всей вероятности, будут пытаться помешать нам, и это и есть настоящая причина, почему время так дорого. Во всяком случае Грент совсем не так необходим нам, как вы, повидимому, думаете.

— Вот, как? — протянул Лейк.

Громадный пустырь стал быстро прогастать щетиной стального города...

Его лицо потемнело, и кончик его трости забарабанил по полу. Он с трудом сдерживался.

— Его сотрудничество — только блестящая ширма, — продолжал Коген.

— Существует распространенное убеждение, что мы тратим крупные средства на его химерные фантазии об атомах; пока оно остается, я могу быть совершенно спокоен. Есть очень мало деловых людей, которые серьезно верят в возможность захвата всей мировой энергии, однако, они каждый момент могут прочесть это в моей голове, и тогда битва неминуема.

— Но почему вы считаете, что идея Грента — фантазия?

— Потому что я в здравом уме и твердой памяти.

Я настолько уверен, что все это—просто блуждающий огонек, что прямо в восторге, что имею Грента в качестве советчика. Он для концессии—дымовая завеса или, если хотите, светящаяся точка. Те пустяки, что мы тратим на его лабораторные опыты, для нас—сущее ничто, а между тем есть всегда возможность, что какое нибудь из его побочных открытий принесет нам пользу. Если бы была хоть малейшая вероятность освобождения энергии атома, наш весь план полетел бы вверх ногами. Энергия сделалась бы столь же дешевой и столь же свободной, как воздух, которым мы дышим, и тогда никто не мог бы завладеть ею.

Лейк отвернулся, чувствуя, что начинает терять самообладание. Его антипатия к Когену грозила пре-

вратиться в определенную ненависть. По дороге домой он решил переговорить с Грентом, в которого он непоколебимо верил.

— Готовится хорошая штука, — размышлял он. — Очень хорошая. Коген несомненно очень умен, но не будет ровно ничего удивительного, если он окажется таким же негодяем, как и Сториани. Однако, пока он и его группа обладают только одной этой концессией, тут нет еще никакой опасности. Что же касается остальных его планов, о которых он так любит разглаговльствовать, то это пока-что—только сон взбесившегося оптимиста. Но каким тоном он говорил, что идея Грента — мечты. Недурно. Надо будет рассказать об этом Эллен.

(Продолжение следует).

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН ВИНЬОЛЬ НОКС. (Продолжение.)

Перев. с англ. Г. Ландау.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Согласно правилам жизненного распорядка Грента, когда он запирался в лаборатории со своими лаборантами для проведения какого-нибудь научного опыта, его ни в коем случае нельзя было беспокоить.

Лейк почти не видел его целую неделю, в результате чего ему пришлось подробно ознакомиться с детальными планами, приготавливаемыми Когеном.

К концу первой недели Лейк был вынужден признать, что Коген действительно знал цену своим словам: его планы осуществлялись прямо чудесным образом. Дело двигалось без всяких существенных задержек и осечек, мелкие же препятствия побеждались Когеном с такой легкостью, что Лейк только открывал рот.

Был только один пункт во всей схеме, который подвергался изменению по требованию Грента. Он настоял, чтобы были приведены электрические кабели от башни Эйфеля, где сосредоточивалась вся развиваемая станцией энергия, к его лаборатории. Таким образом, он мог одним поворотом рычага направить в свою лабораторию половинное количество всей энергии. Коген согласился на такое устройство с довольно кислым видом, что не ускользнуло от Лейка. Грент оказался, однако, на сей раз гораздо менее наблюдательным. Как только это дело было улажено окончательно, он собрал вокруг себя самых избранных из своих помощников и надолго заперся с ними в той части лаборатории, куда никто не мог получить доступа ни намеренно, ни случайно.

Лейк этим нисколько не огорчился, так как, предоставленный самому себе, он мог воспользоваться удобным случаем поближе познакомиться с Эллен. Коген, со своей стороны, усвоил себе привычку являться аккуратно каждый вечер—иногда очень рано—часам к шести, а иногда созсем поздно—в полночь. При этом

он неизменно осведомлялся об Эллен и никогда о Гренте или Лейке.

Лейку было не по себе. Не от того ли, что он слишком долго не засыпал на ночь? Или он чересчур много думал об Эллен? Или он попросту был без памяти в нее влюблен?

К чему было обманывать самого себя? Он полюбил ее с того самого первого, неуклюжего и блаженного мига в Савой-Отеле, полюбил раз и навсегда.

Что за беда, что она относилась к нему просто, как к другу? Любовь с первого взгляда, обожание вскачь и галопом—такие чувства редко встречаются у девушек, они—достояние мужчин, и при том сильных мужчин; таких мужчин, которые настолько уверены в своей судьбе, что могут себе позволить ждать, пока их женщина не появится на горизонте, таких мужчин, как он,—одним словом, как Херольд Лейк.

И в то же самое время—Коген. Богатый, как Крез и с языком, подвешенным, как у профессионального рассказчика. Какая девушка может остаться равнодушной, когда по ее пятам таскается человек таких данных и такого калибра? На что здесь можно рассчитывать обыкновенному малому? Ясно, что ни на что.

Как видно из всего этого, мысль Лейка двигалась по пути, общему для множества других смертных. Великая задача освобождения энергии атомов, при разрешении которой он присутствовал, не могла не поражать его молодого и пылкого воображения, но весь блеск и ширь ее перспектив, все преклонение Лейка перед личностью ее гениального исследователя ступивалась перед более узкой целью—добит с взаимности со стороны дочери этого исследователя.

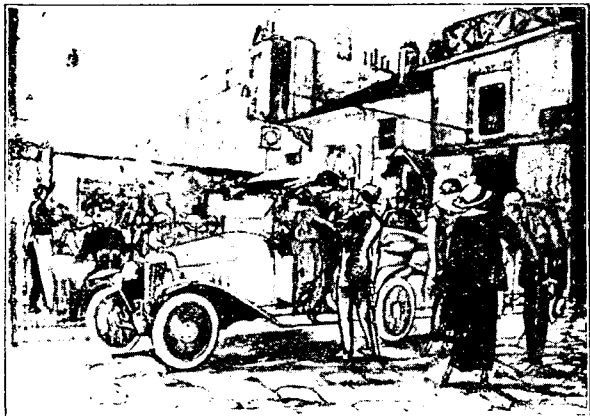
Ломаю свою голову над этой задачей, Лейк неожиданно набрел на мысль, которая показалась бы старой любому французу, жившему при Людовике какого угодно номера,—показать Эллен Париж.

В тот же день он вскачь пустился в повествование:

о сокровищах Луврского музея, седых чудесах собора Парижской богородицы и трагедиях Бастилии. К его радости познания Элен в этих делах были весьма невелики, и она скоро выразила желание проверить его слова на месте, прибавив для оправдания, что постоянное отсутствие ее отца оставляет ей массу свободного времени.

Лейк воспрянул духом, бросился к телефону и, вызвав гараж, заказал самую дорогую в Париже машину.

Незабываемые часы потекли после этого. Лейк был ближе к блаженству, чем когда-нибудь в своей жизни. Он оказался образцовым влюбленным—внимательным, чутким ко всем оттенкам и настроениям, равно готовый к веселию и серьезности. Усилием воли он умел сдерживать всякое проявление своих чувств к Элен, не докучая ей слишком явным выражением их в поступках, вздохах и взглядах.

Элен выразила желание осмотреть Париж.

Это ему не мешало, конечно, постоянно пребывать в состоянии наивысшего волнения и быть во всякий момент готовым к решительному объяснению.

Однажды вечером, когда луна особенно значительно смотрела сквозь листву, затенявшую скамейку Люксембургского сада, на которой они сидели, предохранители в Лейке расплавились, и он начал было скользить вниз. Но в следующий же момент чуть заметное движение со стороны Элен кинуло его в обратную сторону, и Лейк был спасен. У него даже хватило духа довольно удачно выкрутиться из положения, пошутив, что единственное средство не взорваться под давлением окружающей его поэзии было дать ей выразиться.

По окончании их недельного турне Лейк принялся за подсчитывание итогов. Подвинулся ли он вперед и насколько?

Конечно, Элен была с ним очаровательна и очень любезна. Но вышла ли она хоть раз за пределы дружбы? Высказала ли она хоть какой-нибудь признак нарождавшегося чувства?

Гм... едва ли. К сожалению, едва ли. Правда, она была не из тех девушек, которые подают сигналы.

Но как бы то ни было, а одну вещь можно было признать без колебаний—Когену он подложил свинью; этому господину не пришлось видеть Элен почти целую неделю.

Он, конечно, все это время наносил свои ежедневные милые визиты, с обычной для него аккуратностью, но хозяйки, к несчастью, не было дома,—об этом он, Лейк, позаботился. Об этом он, хе-хе, позаботился.

Для начала было не худо.

Однажды вечером, когда Лейк и Элен беззаботно потягивали гренадин на террасе одного из кафе около Оперы, к ним неожиданно подошел Грент. Ученый выглядел усталым и даже несколько обескураженным. Под глазами у него были круги, а покрасневшие руки, покрытые там и сям цветными пятнами, далеко не производили впечатления их обычной твердости. Углы его рта были опущены.

Он не проявил никакого удивления, видя их вместе, и вообще имел вид рассеянный. Усталым голосом он заказал напиток.

— Есть что-нибудь неприятное?—поинтересовался Лейк.

— Нет, просто надоело,—ответил Грент сумрачно.

— Очень жаль это слышать. Что же именно? Ваши опыты?

— Нет, Коген.

Элен подвинула свой стул ближе к столу. Она оперла подбородок на руку и посмотрела на отца тревожно и пронизательно.

— Что же такое он сделал?—спросил Лейк.

— Кое-какие вещи, которые не встречают моего одобрения. По временам у него бывает убийственный характер. Я видел его сегодня днем, он был в отвратительном настроении. Очевидно, его что-то расстроило; не имею понятия, что именно.

— Это было дома?—спросила Элен.

— Дома. Я и не знал, что он у нас так часто бывает; оказывается, чуть ли не каждый вечер.

Для Лейка это было хорошее сообщение. Взглянув на Элен, он подметил скучающее выражение—это ему еще больше понравилось.

— Очевидно, вы с ним поговорили?—сказал он.

— Поговорил, но без всякого удовольствия. Он наговорил вещей, которые вывели меня из себя.

— А именно?

— Он, видите ли, сомневается в здравости моих мыслей и попросту сказал мне, что я гонюсь за своей тенью. При этом он столько наговорил о своем полном неверии в теорию энергии атомов и с такой иронией, что я потерял всякое терпение. Боюсь, что я наговорил ему лишнего. Знаете, что он мне еще сказал?

— Нет, не знаю.

— Наболтал чего-то о захвате им всей мировой энергии, и при том еще с почти угрожающим видом. Я предполагал работать сегодня вечером, но это меня так обозлило, что я не смог сосредоточиться. Хотел бы я знать, что он такое предлагает. Я совсем не циник в своих суждениях о человеческой природе, Лейк, но я моментально становлюсь им, когда имею дело с природой капиталистической. Если бы я был уверен, что в основании всего этого дела лежит самая обыкновенная игра в монополию, с последующей за ней спекуляцией за счет потребителя, я разорвал бы мой контракт сегодня же. А ваше мнение?

Лейк сразу сообразил, что ему представляется случай нанести удар в тыл противнику, но он не бросился вперед, чтобы им воспользоваться. Вместо того, он стал защищать финансиста. Еще несколько дней тому назад он рассмеялся бы при мысли оказаться на стороне Когена, но обстоятельства переменялись. Он не имел никакого желания покидать Париж, а тем более помогать разбить грандиозный план, который мог вырасти до размеров, не виданных человечеством.

Что бы произошло, если бы Грент разошелся с Когеном? Только то, что он, вероятно, сошелся бы со Сториани или, другими словами, прыгнул бы в огонь со сковородки. В Когене было мало хорошего, в Сториани—еще того меньше. Пока что во всяком случае надо было умиротворить Грента.

— Мне кажется, что вам не следовало бы особенно беспокоиться по этому поводу,—сказал он.—У каждого есть свой пункт помешательства. У Когена—честолюбивые замыслы о контроле над мировой энергией. Я как то уже спорил с ним по этому поводу и даже потом собирался рассказать вам, когда вы будете посвободнее; но ведь сегодня—первый раз, как я вас вижу за всю эту неделю. Во всем этом нет ровно ничего такого, сэр, над чем бы вам стоило задуматься. Коген не только неподражаемый рассказчик, мастер Грент,—шпилька, отточенная для Эллен,—но также и фантазер.

— Может быть, вы и правы,—проговорил Грент неуверенно,—хотя я думаю, что если бы он так разговаривал при первом нашем свидании с ним, как сегодня, я послал бы его по другому адресу.

— Он был таким любезным в Лондоне,—вставила Эллен,—и никогда не говорил ни о каком контроле над чем бы то ни было. Но я согласна с мистером Лейком, что у него есть свой пункт помешательства.

— Два,—поправил Лейк.—Второй—странное убеждение, что он исключительный собеседник.

— Но он и на самом деле очень интересный человек,—сказала Эллен.

— Вы думаете?

— Я в этом уверена.

Лейк не имел времени набрать воздуха для ответа, так как в этот момент какой-то разгуливающий по

бульвару господин внезапно остановился против них и, бросившись прямо к Гренту, с размаха хлопнул его по плечу. Он был средних лет, смугл и немного сутуловат. Его костюм, поражавший своей крикливой шикарностью, явно подчеркивал зажиточность своего обладателя. На его лице было выражение полного удовольствия.

— Вот так сюрприз,—закричал он,—Джон Грент, если только еще я не ослеп!

Грент, явно смущенный, поднялся со своего места. Он смотрел на незнакомца, делая все усилия вспомнить, где и когда он мог его видеть.

— Это мое имя,—проговорил он,—но, но...

— Забыт? Забыт?—раскатистый смех незнакомца, сопровождавший эти слова, заставил кое-кого из публики на террасе повернуть головы.

— Ну да ладно, ведь уже много лет уткло с тех пор. Я только вижу, что вы, господа ученые, не всегда можете похвастаться памятью. В последний раз мы с вами виделись в Нью-Йорке! Вы еще тогда возились с вашей полярной станцией; и мне с ребятами случилось вам сделать деловое предложение. Ну, правду сказать, тогда мы с вами не договорились, да уж что делать, не по моей вине. Я—Борродейл.

— Борродейл?

— Ну, да—Стив Борродейл, из Питсбурга. Небольшое турнэ по Европе для развлечения семейства, знаете ли. Только вчера стукнулись в Париж. А вы все время в этом городке проживаете?

— Да. Позвольте. Борродейл.—Грент прикрыл глаза, чтобы помочь памяти.—Борродейл... Вот смешно, никак не могу вспомнить этого имени.

— Ну, что уж теперь делать,—добродушно воскликнул господин, снова раздражаясь смехом.—И то сказать—не всех же упомянуть на свете, особенно когда вся голова в науке. Ну, а как наши атомы поживают?

— Недурно, благодарю вас.

— Рассказывайте. Можно к вам присоединиться?

— Пожалуйста. И познакомьтесь с моей дочерью и секретарем. Мистер Лейк. Борродейл бурно поздоровался. При этом он отвесил низкий поклон Эллен и только слегка взглянул на Лейка.

— Как на счет стаканчиков?—воскликнул он.—Освежиться за здоровье старого приятеля. Человек!

Грент попросил еще вермута, Лейк—лимонаду, а Эллен—черного кофе. Все это время слова безостановочно лились с уст Борродейля, точно дождевая вода из желоба. Он едва переводил дыхание. Лейк, вообще не переносивший говорливых людей, сразу почувствовал к нему особую антипатию. Ему были противны и его одежда, и его кольцо, и часовая цепочка, и фасонистые ботинки, и, более всего, его болтавший без умолку язык. Лейк предпочел бы пробыть целый день наедине с заведенным граммофоном, чем десять минут с болтуном вроде этого.

Чувствуя тошноту, он повернулся в сторону Эллен и спросил, бывала ли она в Оксфорде. Получив отрицательный ответ, он пустился в пространное повествование о своих студенческих днях. Он не обратил внимания, что новый незнакомец придвинулся совсем близко к столу и сел теперь так, что его левый локоть почти касался и прикрывал собой стакан Грента. Ученый, одервеневший от его болтовни, сидел выпрямившись, глядя перед собой в небо.

Внезапный и сиплый голос бродячего продавца игрушек заставил Лейка резко повернуть голову. В тот же миг он ясно увидел, как из поднятой над стаканом левой руки Борродейля выпало что-то легкое и белое, похожее на крохотную таблетку. В первый короткий момент Лейк только подумал, как ловко он это проделал, потом почувствовал, как сжались его кулаки и собрались плечи.

Грент зевнув, протянул руку к стакану.

— Стоп,—изо всех сил крикнул Лейк.—Не трогайте его, он отравлен.

Если бы в этот момент выстрелили из пушки, Борродейл не мог бы действовать проворнее. Громко выругавшись, он отшвырнул ногой стул и выскочил на тротуар. Лейк, с криком, кинулся за ним.

Ему, однако, не повезло. На третьем шагу он налетел на попавшегося по дороге лакея и, стараясь сохранить равновесие, упал через стол.

Когда он добежал до киоска, у которого он в последний раз увидел Борродейля, того уже не было.

Вернувшись взбешенным к своему месту, он увидел Грента, все еще с удивлением рассматривавшего стакан.

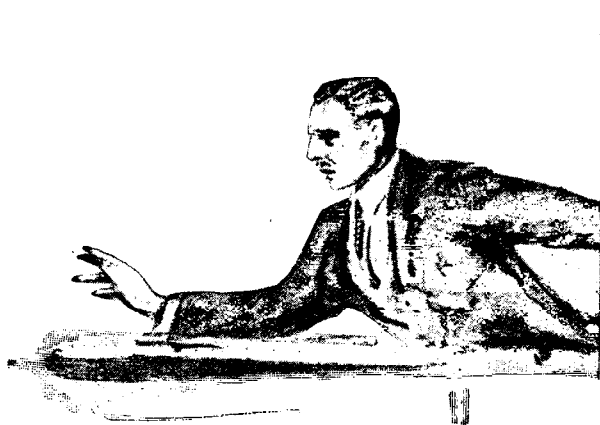
— Отравлен,—пробормотал он.—Отравлен!

Громко выругавшись, незнакомец выскочил на тротуар...

— Что вы хотели этим сказать, Лейк?

— То, что он покушался отравить вас,—закричал ему Лейк.—Клянусь вам. Я поднял голову и увидел,

Стоп!—крикнул Лейк,—не пейте его, он отравлен...

как что-то выпало из его руки прямо в стакан. Дайте мне его, пожалуйста, сюда. Там может не быть осадка, но возможно, что есть какие-нибудь другие признаки.

Он попробовал кончиком своего мизинца дно стакана.

— Ничего нет,—сказал он.—Но мы захватим это с собой и попросим сделать анализ.

Он потребовал дать ему маленький флакон и осторожно перелил в него остатки вермута. Эллен, бледная, как полотно, стояла, делая судорожные усилия горлом. В ее глазах был ужас.

— Негодяй!—с трудом проговорила она.—Мне так и казалось, что тут есть что-то неладное, когда он бросился к нам и заявил о своем знакомстве. Я уверена, что он вовсе не американец.

— Я тоже,—сказал Грент.—Я все время старался установить его акцент, и у меня ничего не выходило. Он лгал, говоря, что имел со мной дело в связи с полярной станцией, так как там было только два человека, которые интересовались ею настолько, чтобы рисковать деньгами. Один был Роджерс из Бостона, а другой Мак-Инни из Скрентона. Мне бы следовало припомнить это раньше.

— Борродейл—английское имя, а его акцент—нет,—добавил Лейк. Он скорее, по-моему, смахивает на грека или на итальянца. На итальянца.—Лейк подпрыгнул.

— На итальянца, то-есть другими словами, на Сториани!

— Боюсь, что так,—задумчиво сказал Грент.—Что же, он и так дал нам больше срока, чем предполагалось. Я знал, что он начнет игру, как только положение выяснится. Это маленькое дельце, как нельзя более характерно для Сториани; но было бы верхом странности с его стороны, если бы он попробовал проделать его сам. Это нам напоминание, Лейк, о том, что следует проявлять крайнюю осторожность. К счастью, вы сегодня были наблюдательны. Я должен быть вам очень благодарен за это.

Эллен была слишком потрясена, чтобы говорить. Она только порывисто протянула руку и дотронулась до руки Лейка. Это было все, но глаза ее сказали так много, что Лейк почувствовал себя тронутым до глубины сердца.

— А теперь время идти домой, — сказал Грент чуть-чуть дрогнувшим голосом. — Что бы вы там ни говорили, а подобные опыты действуют на нервы. Лейк, предложите руку Эллен.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

По дороге домой разговор не клеился. Эллен потеряла всякую охоту о чемнибудь говорить, Грент все еще думал о только что миновавшей смертельной опасности. Лейк сладко и одиноко млеял от прикосновения забытой в его руке нежной руки Эллен.

Первое, о чем им доложили, когда они остановились перед знакомыми воротами на Сен-Жерменском бульваре, было, что господин Коген здесь и ждет их уже добрых два часа. Они нашли его в библиотеке. Коген шагал взад и вперед по ковру, как лев в клетке, его прическа казалась расчесанной санными вилами, и каждый волос на его голове торчал отдельно. Он кинулся к Гренту.

— И где, скажите на милость, вы пропадаете? — завопил он. — Я здесь торчу ровно с восьмью часами. Почему вас никогда не бывает, когда вы мне нужны?

Грент, который был совсем не в настроении переругиваться с кем бы то ни было, просто взял его за руку и подвел к камину.

— В чем дело? — сдержанно спросил он.

— Во всем. Сториани начал действовать.

— В самом деле?

— Ради бога не повторяйте этого вашего вопроса. Это у вас прямо ужасная привычка. Я, кажется, совершенно ясно сказал: Сториани двинулся.

— В чем это выразилось?

— В пропаганде среди рабочих.

— Только всего? Он только что совершил покушение на мою жизнь.

Не будь каминной решетки, Коген наверное бы свалился в огонь.

— Что? — воскликнул он.

— Я несколько преувеличил, — сказал Грент. — Была сделана попытка меня отравить, но не самим Сториани. Исполнитель — один из его агентов, так мне, по крайней мере, кажется.

— Где и когда?

— Около часа тому назад, в кафе около Оперы.

— Вы кажется относитесь к этому довольно хладнокровно, — покосился на него Коген.

— К сожалению, не могу сказать того же по вашему адресу. Я, право, вам удивляюсь, Коген, — сказал Грент довольно резким тоном. — Для человека с вашей репутацией, как финансиста и организатора, вы необычайно беспокойны.

Рот Когена искривился.

— Я сюда пришел не для нотаций, — ответил он. — Подумайте лучше о том, что вам было только что сказано — дело идет о стачке. Отошлите, пожалуйста, вашу дочь. Мне вам надо кое-что сообщить.

Эллен, вероятно, слышала эти слова, потому что она резко подняла голову и, круто повернувшись на каблучках, быстрым шагом вышла из комнаты. Она была явно уязвлена. Коген, пытаясь сгладить неловкость, прыгнул вперед и услужливо отворил двери. Она вышла, едва удостоив его взглядом.

— Ну, а теперь перейдем к делу, — сказал Коген, закусывая усы и делая приласкательный жест Лейку. Положение очень натянутое: по моим сведениям, Сториани окончательно решил с нами разделаться. Он вызвал к себе лучших из своих сподвижников, и в м.м. вряд ли нужно объяснять, что это за банда. Среди них есть специалисты, для которых убийство составляет один из видов воскресного отдыха.

— Что же, работы на концессии уже остановились? — спросил Лейк.

— Конечно, нет, — нетерпеливо огрызнулся Коген, — не задавайте глупых вопросов. Людей стараются подкупить, вот и все, но это уже мое дело. Меня тоже не так легко уложить на обе лопатки. А теперь расскажите мне подробно, что произошло в кафе.

Пока Грент давал полный отчет о случившемся, Лейк позвонил слугу и вручил ему флакон с остатками вермута.

— Передайте эту жидкость Лефевру и попросите его от имени мистера Грента проанализировать ее как можно скорее. Мы будем здесь ждать ответа. Скажите, что дело очень важное и срочное.

— Он себя назвал Борродейлом, — продолжал тем временем Грент, — но мы решили, что это имя — вымышленное.

— Очень на то похоже, — согласился Коген. — Ваш секретарь принял его за итальянца. Может быть, он и прав. Для меня, во всяком случае, совершенно ясно одно — вам надо обзавестись заместителем.

— Кем?

— Заместителем. Человеком, который бы представлял вашу особу.

— Я вас не совсем понимаю, — сказал Грент.

— Тогда слушайте. Для меня очевидно, что Сториани решил с вами покончить. Раз это так, наша задача сделать эту работу как можно более хлопотливой. Нет ли у вас человека, который бы на вас очень смахивал?

— Право, я затрудняюсь...

— Вам придется найти такого. Если вы сами этого не сделаете, то я это сделаю. Лейк, подумайте хорошенько; не знаете ли вы здесь человека, которого бы можно было сделать похожим на Грента? Человека с такой же фигурой прежде всего.

— Знаю. Это химик Лефевр. Я только что послал ему вермут, произвести анализ.

— Так что он сюда скоро придет с этим анализом, я полагаю?

— Как только он его кончит.

— Отлично. На него можно полагаться, мистер Грент?

— Это один из моих лучших помощников. Я доверил бы ему свою жизнь,—сказал Грент.

— То-есть, как раз то, что вам и предстоит сделать,—киво усмехнулся Коген.—Это довольно старый прием, но он сохранил свои достоинства. Мы так подкрасим вашего помощника, что он сделается точь-в-точь похожим на вас, мистер Грент.

— Ваш прием, действительно довольно прост,—холодно сказал Грент,—но ведь он может и заартачиться, мистер Коген.

— Надо сделать так, чтобы он не заартачился, вам это нетрудно будет сделать, я думаю. Как давно он у вас служит?

— Несколько лет.

— Можно считать, что он захочет сделать все, чтобы доставить вам удовольствие?

— В пределах благоразумия, я думаю.

— В таком случае вам надо поговорить с ним. Скажите ему что-нибудь такое, насчет его долга перед наукой, а главное, не напирайте на опасность.

— Мне это совсем не нравится, Коген.

— Чепуха. Сейчас не время для прекраснотушия. Еще не одна жизнь погибнет, пока мы дойдем до конца нашего плана. У нас на постройке было девять несчастных случаев за сегодняшний день. Я твердо решил принять меры, чтобы ваша жизнь, Грент, осталась в целости.

— Да, но какие меры?—перебил Лейк.—При чем тут Лефевр, и почему он должен играть роль имитатора?

— По очень простой причине,—сказал Коген.—Сториани дал инструкции устранить Грента, в этом я лично не сомневаюсь, тем более, что я хорошо осведомлен, что вся его организация приведена в боевой порядок. Я не знаю точно ее численности, но что-то вроде пятидесяти или шестидесяти человек. Разумеется, такая публика ухлоплет Грента раньше, чем минет день. Довольно понятно, не правда ли?

— Гм... пожалуй.

— Поэтому я предлагаю следующее: если Лефевр возьмет на себя роль Грента, ему, конечно, придется считаться со всеми последствиями этого. Я пушу через газеты слух, что Грент переутомился от своих уси-

ленных научных занятий и теперь решил вести несколько более рассеянный образ жизни. Он, или, вернее, Лефевр, начнет посещать кафе, театры и вообще будет производить впечатление человека, пользующегося вполне заслуженным отдыхом.

— Недурно здумано,—усмехнулся Лейк. Ну, а как долго, по вашему мнению, ему придется прожить на свете?

— Не имею никакого понятия, да и не интересуюсь этим. В конечном счете он будет рисковать своей жизнью несколько не больше, чем любой из нас. На вашей обязанности, Лейк, будет охранять его.

Взм придется сопровождать его во время всех его экскурсий по городу.

— И не подумаю,—воскликнул Лейк.

— Ах, да?—глаза Когена засветились знакомым огнем холодной жестокости.—В таком случае Гренту придется поискать себе другого секретаря. Я не любитель делать употребления из трусов.

Лейк вскочил с места, как ужаленный. Со сжатыми кулаками, он выглядел живым воплощением готовности к драке. Его горячая кровь сразу бросилась ему в голову.

— Посмейте еще сказать одно слово вроде этого,—заорал он — и я вам покажу труса.

— Довольно,—закричал Грент — Не время ссориться.

Он посмотрел через стол на Когена.

— Вы ничего не можете придумать более благоразумного?

— Ничего. А кроме того, я вовсе и не хочу ломать больше мозгов. Идея так хороша, что я ею воспользуюсь для собственной надобности.

— Я этого только и ждал,—насмешливо фыркнул Лейк.—Этак-то лучше, чем разглагольствовать о чужой трусости.

В этот момент раздался стук в дверь. В комнату вошел Лефевр,—хорошо сложенный человек, ростом и походкой напоминавший Грента. Кивнув головой Лейку, он прямо подошел к ученому.

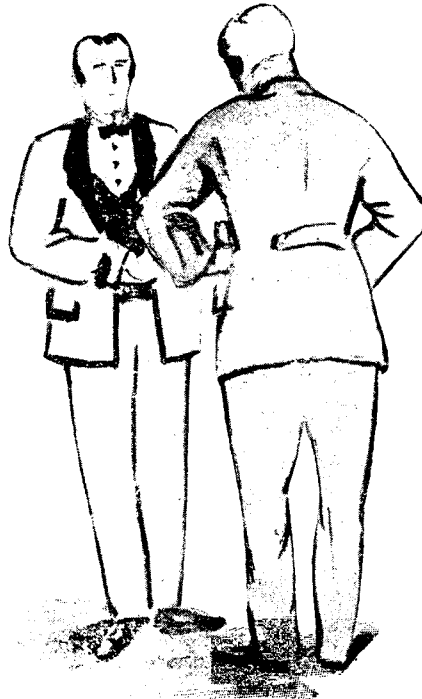
— Ваше счастье, что вы этого не выпили,—сказал он, рассматривая на свет пробирку,—а то бы вам не прожить на свете и десяти минут. Это очень сильный яд.

Грент только наклонил голову. Его мысли были далеко.

Коген выступил вперед.

— Вы—Лефевр, если я не ошибаюсь?

— Совершенно верно.

Передайте эту жидкость Лефевру, сказал Лейк.

— Вы работаете с мистером Грентом уже много лет?
 — Точно так.
 — Вы его уважаете?
 — О, еще бы.
 — Хотели бы вы быть ему полезным?
 — Разумеется.
 — Вы ведь решили посвятить свою жизнь науке?
 — Да.
 — И вы — ближайший помощник Грента?
 — Надеюсь, что так.
 — Ну, а если бы он вдруг умер, это бы на вас очень подействовало?
 — Помилуйте, дорогой сэр.
 — Садитесь Лефевр. Нам бы хотелось посвятить вас в наши секреты. Скажите, вы женаты?
 — Нет.
 — Есть у вас близкие?
 — Нет.
 — Очень рад это слышать. Вы нам могли бы очень помочь, мистер Лефевр.
 — Дело в том, что Эйфелевой концессии грозит большая опасность. Наши враги решили разрушить весь план, и, как вы только что узнали, даже была сделана попытка убить мистера Грента. Чтобы такая попытка больше не повторилась, есть только одно средство.
 — А именно?
 Коген вскочил с места и зашагал по комнате.
 — Как вам бы понравилась мысль занять место мистера Грента?
 Лефевр вздрогнул и сделал усилие улыбнуться.
 — Я не шучу, — сказал Коген. — Боже избави. Дело в том, что вы очень похожи на мистера Грента, — та же фигура, та же поступь. Все, чего вам не хватает, это несколько мелких штрихов, и тогда вы станете точной копией вашего принципала. Лефевр, нам абсолютно необходимо, чтобы кто-нибудь перевоплотился в мистера Грента. Согласны вы сделать это? Само собой разумеется, что мы сделаем все, чтобы вас отблагодарить.
 Лефевр ерзал на своем стуле, как на иголках. Его губы побелели, и каждый мускул на его лице казался сведенным судорогой.
 — Это... это право странное предложение, — пробормотал он.
 — Я знаю, — горячо сказал Коген. — Я это прекрасно знаю. Но опасность в действительности вовсе не так уже велика, мистер Лефевр. Стоит вам только

соблюдать самую обыкновенную осторожность, и вы будете столь же целы и невредимы, как любой из нас. Мы все находимся под ударом, и более всех я сам. Но ведь в конце концов ходить по парижским улицам тоже своего рода риск. Если вы согласитесь заменить мистера Грента, вы окажете нам незаменимую услугу — не только концессии, но и науке, а в особенности самому мистеру Гренту. Скажите, вы согласны?

— Это желание мистера Грента? — спросил Лефевр. Ученый собрался ответить, но Коген остановил его жестом.

— Да, — очень громко сказал он, — это его желание. Вы никогда не будете оставаться один, Лефевр. Куда бы вы ни отправились, Лейк пойдет вместе с вами. Это уже устроено. Он будет вашим телохранителем, хотя, правду сказать, я не думаю, чтобы в этом была особая надобность.

Лейк яростно швырнул ногой стул.

— В таком случае, — сказал Лефевр, — я согласен.

— Ну вот и великолепно, — с коротким смехом сказал Коген, потирая руки. — Я вам глубоко обязан, мистер Лефевр. На сегодня пока будет довольно, а завтра я привезу кое-кого, кто сразу из вас сделает второго Джона Грента.

Он бросился вперед и с жаром потряс обе руки химика.

— Благодарю вас, — сказал он. — Вы человек в моем вкусе.

Когда Лефевр вышел, Коген взглянул на Грента.

— Чистая работа, а?

— Я от нее не в восторге.

— Да? Что так?

— Такое же чувство у меня было, когда я однажды присутствовал при объявлении смертного приговора.

— Я тоже как раз это подумал, — сказал Лейк.

— Вздор, — резко рассмеялся Коген. — Вы оба просто слишком чувствительны для этого мира. Только, пожалуйста, не думайте вмешиваться, а иначе... Однако мне нужно идти.

Он взял свою трость и шляпу.

— Я покажу итальянцу, что мы тоже не лыком шиты. Свалить меня? Ну, это еще мы посмотрим. Спокойной ночи.

Ни Грент, ни Лейк ничего ему не ответили.

(Продолжение следует.)

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН **ВИНЬОЛЬ И НОКС.** (Продолжение.)

Перев. с англ. Г. Ландау.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Двумя днями позже при выходе из дома на прогулку Лейк был остановлен привратником. Лейк был один, так как Лефер по каким-то соображениям Когена должен был начать свою роль двойника Грента не ранее конца недели.

— Прошу прощения, мосье,— начал привратник, — но это как-то совсем вышло у меня из головы.

— Что именно вышло у вас из головы, Бонифуа? — спросил Лейк.

— Час тому назад или вроде того заезжал какой-то господин и спрашивал, дома ли вы. Так как я не видел, чтобы вы вернулись, я ответил, что вы, вероятно, на постройке. Он не оставил мне карточки, и простите, мне показалось, что он очень уж как-то интересовался, где вы чаще всего бываете.

Лейк был очень удивлен. Насколько он знал, у него не было знакомых в Париже. Он попросил описать наружность загадочного господина.

— Высокий, приблизительно такого же роста, как и вы, и на вид — господин вполне как следует.

Эти сведения ничего не прибавили Лейку. Он спросил, не оставил ли тот своего адреса, — „нет, не оставил“. По словам привратника, посетитель приехал вдвоем с другим господином. Он задал несколько вопросов, поблагодарил и уехал. Дальше уже по чистой случайности, привратник услышал, как он назначил свидание своему компаньону в пять часов в кафе под названием „Четыре Сезона“.

Лейк не имел никакого понятия, что это за кафе. Его любопытство было настолько возбуждено, что еще раньше, чем он добрал до Елисейских полей, он окончательно решил посетить, не откладывая, „Четыре Сезона“.

Когда он нанимал кэб в Латинский квартал, было

около четырех часов. Двадцать минут спустя он уже был на месте.

Одного взгляда Лейку было достаточно, чтобы убедиться, что это было место, едва ли подходящее для господ „как следует“.

Он выбрал столик недалеко от обитого цинком прилавка. Помещение было полно, и над всем стоял непрерывный гул от разноязычных голосов. Лейк почувствовал себя крайне заинтересованным этим необычным для него разнообразием наречий и типов.

Справа от него сидели армянин и турок. На лице армянина, казалось, отражалась скорбь всей его расы, в живописной фигуре турка Лейк сразу признал известного ученого толкователя Корана. В нем нельзя было ошибиться, так как целое поколение парижских журналистов описывало его самого и его удивительную жизнь. Он оставался человеком Востока, несмотря на свое долгое пребывание во Франции, и жил в свое удовольствие на ничтожные средства, принимая визиты лидеров партий со всех частей света, считавшихся с его авторитетом и познаниями. Он несомненно являлся самым грязным человеком во всем кафе, его ногти были черны, ладони пестрели влажными темными полосами, костюм отливал сальными пятнами, но вместе с тем он был и самым удивительным. Его всклокоченная голова была головой льва, его седые волосы и борода величественно и резко обрамляли его сильные и все еще очень красивые черты.

За другим столом Лейк безошибочно опознал местного „короля поэтов“. Его волосы, ниспадавшие бахромой на шею и воротник, были старательно расчесаны пробором по середине. У него был покатый лоб и толстые надутые губы, изобличавшие в нем избалованного мелочного тирана своей аудитории.

Время от времени он отдавал приказания, цитировал обрывки стихов и изрекал истины и законы

острым, скрипучим голосом. Тут же, конечно, были артисты и художники всякого рода и толка, по большей части голодного вида и с той странной, крикливой манерой одеваться, которая вернее всего изобличает неудачного художника или поэта. Там и сям выделялись люди из более привилегированных классов.

Женщин было сравнительно мало.

Осмотревшись, Лейк потребовал газету. Долежавшие до него клочки разговоров на разных языках становились все яснее и отчетливее. Так как каждый из говорящих вынужден был кричать, чтобы его голос был слышен среди общего гама, то на долю Лейка досталось не одно признание, которому вовсе не предназначалось вылетать из узкого круга своей компании.

Позади Лейка, за колонной, сидела группа немцев.

— Мы отлично знаем, — доказывал один из них, — что каждое неудавшееся покушение влечет за собой применение известного правила. Это установлено. Поэтому он был бы обязан, поступить так, а не иначе.

Лейк слегка высунулся из-за газеты. Несомненно, это была одна из тех бесконечных и туманных дискуссий на отвлеченные темы, которым так любят предаваться немцы. Он с любопытством прислушался. Его почти безупречное знание их языка вполне позволяло ему это удовольствие.

— Ничего подобного, — возразил, повидимому, продолжая начатый разговор, гортанный голос другого немца. — Это была вовсе не вина Рихтера, если Грент на этот раз выскочил. Во всем виноват этот проклятый англичанин, чтобы его чорт побрал. Весьма возможно, что герр Людвиг ради него и попросил нас притти сюда.

Лейк чуть не вскрикнул. Он бы это и сделал, если бы его удивление не было так велико, что на одно мгновение он совершенно замер. Каждый нерв его тела дрожал от напряжения. Затем, осторожно, он подвинул свой стул так, чтобы все слышать.

По их пятам шли три человека...

Перед Лейком всплыл целый ряд вопросов. Кто был Рихтер? Человек, который бросил таблетку яда в стакан Грента? — Вполне возможно. А герр Людвиг? На этот вопрос он почти немедленно получил ответ в лице нового человека, подошедшего к немецкому столику.

При виде его Лейк испытал ощущение, какое часто бывает при неожиданном взгляде в зеркало. Если бы не короткие подстриженные усы Лейка и не круглые очки вновь пришедшего, сходство между ними обоими было бы поразительное.

Несмотря на свое крайнее удивление, Лейк ни на минуту не переставал слушать. При этом он сразу же обратил внимание на разницу в выговоре вновь пришедшего и остальных немцев. По манере произношения герр Людвиг был счеvidно чистокровный пруссак. Дело, с которым он явился, казалось очень серьезным, потому что вслед за коротким обменом несколькими ничего не значащими фразами немцы сразу сильно понизили голоса. До Лейка стали долетать только обрывки фраз, но и тех было достаточно, чтобы оправдать самые худшие из его опасений. Имена Грента и его собственное все время фигурировали в разговоре.

Четверть часа пролетело со скоростью нескольких мгновений. Жаркий и спертый воздух кафе становился невыносимым; пот струился по лицу Лейка. Он уже стал подумывать, не благоразумнее ли будет заблаговременно выбраться на свежий воздух, когда Людвиг, выругавшись, позвал слугу и приказал ему взять у него пиджак.

Лакей позесил его на вешалку, приделанную сверху колонны.

Лейк благославлял судьбу, пославшую ему столь неожиданный случай присутствовать при зговоре его смертельных врагов. Взглянув на пиджак, висевший с правой его стороны в каких-нибудь шести дюймах от него, он заметил край записной книжки, высывав-

шейся из внутреннего кармана. Не колеблясь ни одной минуты, Лейк протянул руку как бы за своей шляпой и, слегка приподнявшись, извлек из кармана книжку. Затем, бросив в блюдечко франк и все еще держа перед лицом газету, он повернулся к выходу. Уже стоя в дверях, он посмотрел

через плечо на оставшихся позади немцев, и из его груди вырвался облегченный вздох.

Немцы все еще продолжали разговаривать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Очутившись за дверьми кафе, Лейк крикнул кэб и помчался домой. По дороге он ознакомился с содержанием записной книжки Людвиг. В книжке было несколько счетов, пара частных писем, кое-какие бумаги и одна не совсем обыкновенного вида карточка, хранившаяся в особом отделении обложки. Это был кусочек блестящего белого картона продолговатой формы. Ровно по середине были два треугольника, покрытых большой буквой „С“. В верхнем углу стояли буква и цифра: „А,5“.

Лейк был крайне заинтересован. Весьма похоже, что карточка была признаком известной принадлежности ее владельца к какой-нибудь тайной организации, но к какой именно?

Он мог только гадать.

Грент лениво отдыхал в саду с чашкой чая. Выслушав доклад Лейка, он сразу преобразился.

— Я считаю, что мы должны немедленно вызвать Когена,—сказал он.—В это дело надо вникнуть, как следует, не теряя времени.

Коген явился в шесть часов. Он имел важный и озабоченный вид и был начинен новостями. Карточка, найденная Лейком в записной книжке немца, была, по его мнению, несомненно признаком каких-то особых полномочий, он уже слышал о таких карточках. Буква „С“—заглавная буква имени Сториани, а буква и номер в углу карточки являются условным обозначением ее владельца.

— Все это только еще раз указывает, насколько обстоятельный человек этот итальянец,—продолжал Коген.—Я готов поклясться, что где-нибудь по близости имеется его штаб-квартира, где непрерывно обсуждаются планы его действий. Насколько я могу судить, этот Людвиг довольно важная персона и, вероятно, состоит членом какого-нибудь его комитета. Надо вам сказать, что Сториани решительно помешан на комитетах. Он скорее согласится броситься с моста вниз головой, чем что-нибудь предпринять без конференции. Это его конек. Чорт возьми, хотел бы я открыть его штаб-квартиру.

— Ну вам-то вряд ли это удастся,—бросил Лейк.

— Да, вряд ли, охотно допускаю это. Это не моя специальность.

— Ну, а где Лефевр?

— Лефевр в лаборатории,—сказал Грент.

— Надо его позвать. Он нам сегодня вечером понадобится. Было бы безумие ждать с его выпуском в свет до конца недели. Лейк пойдет вместе с ним.

— Куда?—спросил Лейк.

— Куда вам заблагорассудится. Это не играет никакой роли, так как за вами все равно будут следить, начиная от самого порога. Вам разве не говорили, Грент, что за вашим домом установлена регулярная слежка в течение уже нескольких дней?

— Нет, не говорили?

— Ну, тогда вы можете мне поверить на слово. Меня сопровождали сюда во время всего моего следования с концессии, и я готов поручиться, что человек, открывший мне дверцу автомобиля,—агент Сториани. Будьте покойны, что ни вы, ни я, ни Лейк не сможем уже двигаться без контроля. Итальянец имеет свои недостатки, это я допускаю, но он никогда и ничего не забывает и не пропускает. Послали вы за Лефевром, Грент?

— Сейчас пошлю.

— Как раз кстати,—воскликнул Лейк.—Это мне напомнило презабавный факт. Когда я сегодня взглянул в первый раз на этого Людвиг, мне показалось, что я встретил свое собственное отражение. Не правда ли странное совпадение?

Коген удивленно щелкнул языком.

Графин полетел в голову его соседа.

— Странное?—воскликнул он, принимаясь грызть ногти.—Не странное, а многозначительное. Вы вполне уверены в этом, Лейк?

— Еще бы. Я вам говорю, что это было прямо поразительное сходство.

Коген потер рукой лоб. Мускулы кругом его рта по обыкновению подергивались.

— Что же вы не сказали об этом в самом начале?—вдруг воскликнул он.—Ваше обыкновение забывать о вещах первостепенной важности будет вам когда-нибудь стоить многих неприятностей. И боюсь, что даже в ближайшие дни. Итак, вы говорите, что наружность Людвиг похожа на вашу во всех отношениях?

— Ну, может быть, не во всех, это уж слишком сильно сказано. Например, у него нет усов.

Коген подскочил к Лейку и схватил его за руку.

— Вы должны немедленно сбрить ваши усы, Лейк,—крикнул он.—Да, да, я на этом настаиваю.

Лейк покачал головой.

— Во что бы то ни стало и немедленно. Разве я вам не говорил тысячу раз, что только мелочи отделяют обыкновенно успех от непоправимой катастрофы.

— Но ведь я могу никогда больше и не увидеть этого Людвиг.

— Да откуда вы это знаете, чорт вас совсем по

бери? Послушайте, будьте благоразумны и сбрейте ваши усы. Вы должны хвататься за всякий шанс, чтобы замаскировать свою личность.

— Коген совершенно прав,—серьезно сказал Грент.—Я послушался бы его, будь я на вашем месте.

— Боже мой, он упрям, как мул,—простанал Коген;—не угодно ли при таких условиях помогать этому господину. Ну-с, мы ждем, Лейк.

Лейк не мог не сознаться, что совет Когена был совершенно правилен, и поэтому без дальнейших рассуждений он отправился в свою комнату и сбрил усы. После этого он долго и с любопытством разглядывал себя в зеркало. Короткий промежуток между его носом к губам показался ему на мгновение целой пустыней, совершенно изменившей общий склад его физиономии. Теперь он уже был окончательно похож на герра Людвига.

Когда он вернулся в сад, он испытал новое потрясение, встретившись сразу с двумя Грентами. Они походили друг на друга, как пара горошин из одного и того же стручка, и Лейк был совершенно не в состоянии отличить копию от оригинала. Он с недоумением взглянул на Когена.

— Хороша работа?—спросил финансист.—Ну-ка, приветствуйте знаменитого ученого.

— Не могу,—признался Лейк.—Право, не берусь сказать, кто и который.

— Эта заслуга принадлежит целиком Гастону,—сказал Коген,—это его работа. Ну, так и быть: мистер Грент налево. Но вы тоже стали совсем другой человек, Лейк. Сознайтесь, что я был прав.

— Вполне! Но какая же наша дальнейшая программа?

— Мы даем вам и Лефевру отпуск хоть до утра. Делайте все, что вам нравится, только старайтесь, насколько можно, поддерживать с нами связь по телефону. Я буду здесь весь вечер.

— Никаких распоряжений?

— Никаких. Да, не забудьте, что карточка Людвиг является отныне вашим единственным выходным документом. В остальном, пусть судьба направляет

Драка превратилась в общую свалку.

ваши стопы, как ей вздумается. Но будьте осторожны, вы окажетесь на прицеле, как только выйдете из ворот. А вот, кажется, и мисс Грент.

Лейк обернулся и увидел Эллиен, спускавшуюся в сад с террасы.

Она поспешно пересекла лужайку и подошла к ним с выражением тревоги.

— Вы, кажется, собираетесь предпринять что-то опасное?—спросила она.—Мне так показалось.

Лейк пожал плечами.

— Нет, вы ошиблись,—ответил он как можно беспечнее. Как раз наоборот.

— Тогда почему же вы сбрили ваши усы?

— Гм.. Да как вам сказать. Просто они мне надоели.

— Слабое объяснение, мистер Лейк.

Она взяла его за руку и крепко ее сжала.

— Желаю вам счастья, Лейк. Я буду думать о вас все время и не лягу, пока вы не вернетесь.

— Это очень любезно с вашей стороны. Но я, право, боюсь, что мы запоздаем.

— Ничего. Только дайте мне слово, что вы будете осторожны.

— Можете быть в этом уверены.

Коген встал между ними.

— Прошу прощения, господа, время двигаться. Как мне ни грустно прерывать вас, но дело есть дело.

— Желаю вам счастья, Лейк,—повторила она, не обращая внимания на Когена. И помните, что мои мысли и мои надежды с вами.

Лейк улыбнулся, закурил губу и ответил ей горячим и глубоким взглядом.

Потом, сделав пригласительный знак Лефевру, он быстро пошел к воротам.

Десятью минутами позже Лейк уже знал, что за ними следуют. Сзади них, буквально по их пятам, шли три человека. Лейк решил ничего не говорить Лефевру, чтобы не увеличивать без всякой пользы его нервности.

В половине девятого они достигли площади Большой Оперы.

Лейк прибавил шагу. Они направлялись в кафе. Остановившись перед стеклом магазина, Лейк заметил, что один из провожатых исчез, а двое других чуть-чуть поотстали.

Гм...—подумал Лейк,—странно. Может быть, он отправился телефонировать.

— Как вы думаете насчет кафе „Милан“, мистер Лефевр?—обратился он к спутнику.—Там, кажется, довольно прилично кормят.

Лефевр пробормотал что-то мало понятное. Ему было не по себе.

Лейк схватил его под руку и шутливо заставил ускорить шаг.

„Милан“ был полон. Это не понравилось Лейку, который рассчитывал занять столик на террасе. Но, так как там не было даже свободного стула, им волей-

неволей пришлось поместиться внутри. Лейк приказал подать себе кофе, Лефевр заказал коньяку. Судя по виду, он действительно нуждался в нем.

В течение первых двадцати минут не случилось ничего особенного. Лейк, невольно следил за каждым лицом, входившим или выходящим из кафе. Среди всей этой толпы он не заметил ни одного знакомого, но у него почему-то было чувство, что кучка людей, сидевших справа от него, принадлежала к банде Сториани. Они играли в карты. В пять минут десятого явился Людвиг. Не глядя по сторонам, он пошел прямо к играющим.

Через левую руку у него было перекинуто легкое пальто, а правую он держал в кармане брюк. Лейк взял себя в руки, его инстинкт подсказал ему, что жуткий момент был близок.

Все произошло с быстротой взрыва.

Едва только Людвиг уселся за стол, как раздался громкий крик.

— Шуллер!

Не успело еще замереть эхо брошенного оскорбления, как графин полетел прямо в голову господина с толстой, короткой шеей, сидевшего против Людвигу. Он упал, как сраженный молнией. Затем последовал миг гробового молчания. Потом—лучшее доказательство того, что скандал был организован,—ссоры вспыхнули почти сразу во всех концах кафе.

Началось что-то невообразимое.

Столы и стулья не только катились на пол, но стали летать по воздуху.

Стаканы и чашки со звоном и треском сыпались под ноги; шахматные доски шарапнелью обрушивались на головы. В мгновение ока драка, начавшаяся за одним столом, превратилась в общую свалку. Лакеи тщательно старались уговорить публику, их хлопоты только усиливали суматоху. Со всех концов бульвара стекались кучи любопытных, привлекаемых шумом скандала. Работа агентов Сториани чувствовалась и на улице,—драки сразу перекинулись на мостовую. Уличные мальчишки, вне себя от радости при виде дикого зрелища, карабкались по деревьям, оглашая воздух пронзительными воплями. Кто-то яростно дул в полицейский свисток.

Лейк, с гобледневшим лицом, один из первых вскочил на ноги. Он был достаточно знаком с парижскими нравами, чтобы сразу понять, что скандал не был случайным. Одно присутствие здесь Людвигу было вполне довольно для полной уверенности, что вся эта история заранее организована.

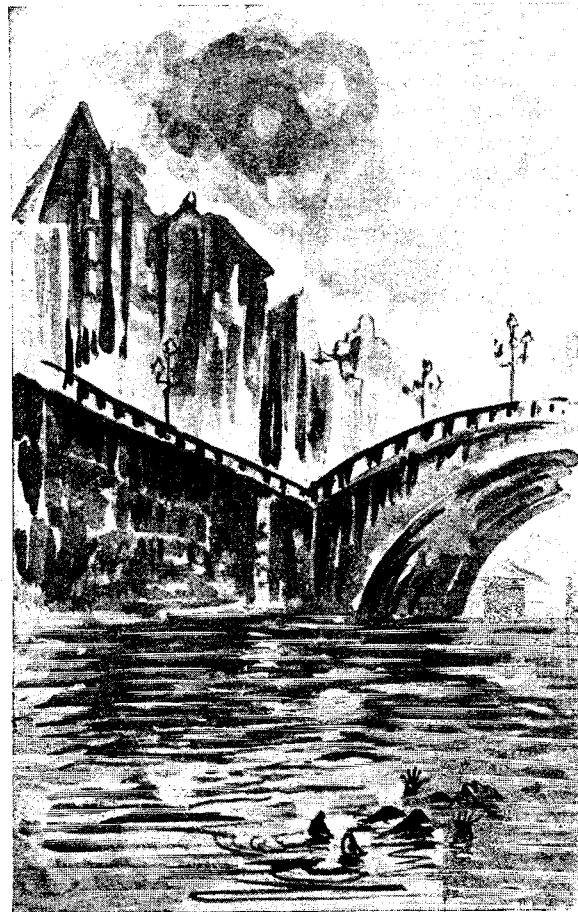
— Вперед,—закричал он дрожавшему, как лист, Лефевру, который изо всех сил цеплялся за стол—мы должны пробиться наружу. Держитесь ближе ко мне.

Лейк стал изо всех сил пробивать себе путь через толпу дерущихся людей, преграждавшую ему доступ к выходу. Он дрался, как зверь, Лефевр его поддерживал, доблестно работая обломком стула.

Когда Лейк был на расстоянии всего трех шагов от двери, он увидел Людвигу. Немец, нагнувшись вперед, старался пробраться обратно в кафе. В руке у него был кривой нож.

Лейк, почувствовав новую опасность, бросился в его сторону.

Его правая рука уже взметнулась для сокрушительного удара, когда резкий толчок бросил его на колени. Он не свалился, для этого просто не было места, но он на несколько мгновений оказался совершенно

Тело стало быстро погружаться в реку...

беспомощным. Пинки и удары градом сыпались на него со всех сторон, пока он делал страшные усилия выпрямиться. Когда это ему наконец удалось, он был весь залит кровью и почти обессилел. Вытянув высоко голову, он оглянулся на Лефевру. Его взгляд встретил картину, которая навеки осталась в его памяти.

Лефевр падал с ножом, криво торчавшим из его левого бока.

Людвиг боком отступал в сторону.

У Лейка потемнело в глазах. С диким воплем обрушился он на сжимавших его людей, осыпая их головы тяжелыми, как молот, ударами. Но в тот же самый момент узкий проход на миг открылся перед Людвигом, и он нырнул в него, быстрый, как молния.

— Убийца!—пронзительно взвизгнул женский голос.

— Долой англичан! — раздалось из разношерстной кучке людей, прикрывавших собою бегство Людвиг.

Лейк кинулся вслед за ним, сокрушая на своем пути всех, кто пытался помешать ему. Он действовал не только кулаками, но и головой и ногами. Когда он, наконец, выбросился на тротуар, Людвиг уже прыгнул в стоявший на-готове авто. Дикий рев толпы, казалось, раздирает небо.

— Держите убийцу! Держите убийцу!

— Долой англичан!

Теряя бесценные секунды, Лейк бросился через дорогу. Напротив, около аптеки, он увидел остановившуюся машину. Он прыгнул в нее.

— За ними!—заревел он вытаращившему глаза шоферу, указывая на помчавшийся автомобиль.—Тысячу франков, если догоните.

При одном взгляде на искаженное лицо Лейка шофер понял, что отказа быть не может. Подхлестнутый обещанием награды, он сразу пустил машину со всей скоростью. Первый мотор устремился по боковым улицам и затем во весь опор помчался к реке. Шофер, склонив голову к рулю, не выпускал его из вида. Потом сразу взял такой крутой поворот к набережной, что Лейк должен был изо всех сил уцепиться за кузов, чтобы не вылететь.

Около моста—Лейк никогда бы не мог сказать, около какого—мотор вдруг остановился, и Людвиг, выскочив на дорогу, скорее покатился, чем побежал вниз, по каменным ступеням. Лейк, прыгая, как олень, помчался за ним.

Под мостом они встретились.

Лейк занес кулак, но удар скользнул по воздуху

мимо цели. Людвиг на миг ускользнул, схватившись рукой за спущенную на канате малярную леску. Потом, как выгнутая пружина, бешено кинулся на противника.

Три минуты прошли в смертельной схватке. Наконец Лейк вывернулся из рук противника. Людвиг, теряя опору, ринулся вперед, чтобы схватить за горло Лейка, но встретил жестокий удар по челюсти. Падая, он ударился головой о железный стержень причала. Лейк только увидел, как он вдруг сразу замер и его тело покатило в воду. Прежде чем Лейк имел время опомниться, оно уже плыло вниз по реке и потом стало быстро погружаться.

Когда Лейк, шатаясь, снова отошел к устью, тело пошло ко дну, как камень.

Не видя ничего перед собой, кроме тумана, Лейк в полном изнеможении опустился на колени и закрыл лицо руками.

Лефевр был мертв, был мертв и Людвиг. Что же будет дальше?

В ответ слышался шум шагов. Какие-то люди бегом спускались к берегу. Друзья Людвиг, по всей вероятности.

Лейк подумал о спускавшейся сверху люльке.

Он вскарабкался на нее и схватился руками за канат.

В следующий момент ему показалось, что свод неба обрушился ему на голову и он поплыл в пространство. Потом чей-то гортанный голос крикнул:

— Дурак! Идиот! Скотина! Это вовсе не англичанин, это херр Людвиг. Вот его карточка и его записная книжка. Я нашел их у него в кармане.—Вздыхнув, Лейк ощутил кругом обволакивавшее его облако и поплыл; это было бесчувствие.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН ВИНЬОЛЬ и НОКС. (Продолжение)

Перев. с англ. Г. Ландау.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Лейк очнулся в чистенькой белой комнате, настолько тесной, что в ней едва помещалась его кровать. Он с удивлением почувствовал, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. После нескольких неудачных попыток повернуться на бок, он стал смотреть в потолок и думать. Несмотря на полную общую беспомощность его членов, его голова оставалась как будто довольно ясной.

— Гм... дело дрянь,—пробормотал он.—Я, кажется, парализован и пригвожден к месту или что-то в этом роде. Эй!.. Есть там кто-нибудь?

В ответ послышался шорох платья, и, одетая в костюм сиделки, немолодая женщина нагнулась над его кроватью и стала заботливо поправлять сбившиеся простыни.

— Ну вот вы и пришли в себя, херр Людвиг,—воскликнула она по-немецки, но с не совсем твердым произношением.—Я очень рада. Это было тяжелое время.

— „Херр Людвиг“?—Лейк с трудом подавил готовый вырваться крик.

Херр Людвиг... Что это такое?

Туманное мучительное воспоминание болезненно завладело его мозгом.

— Где я?—слабо проговорил он.

— Я знала, что вы это прежде всего спросите,—ответила женщина.—Так всегда бывает, когда человек пробыл целые недели в царстве теней.

— Недели?

— Две недели и четыре дня, если хотите точности. Все это время вы находились между жизнью и смертью.

— Но что такое произошло?

— Уличный случай. Вы были тяжело ранены.

— Почему же я не могу двигаться?

— Тсс... Вы не должны волноваться. Вам нельзя говорить много.

— Но я хочу знать—где я.

— Вы находитесь в частной лечебнице и окружены своими друзьями, херр Людвиг.

Чувство невыразимого утомления охватило Лейка. Он делал попытки освободиться от него, но погружался все глубже и глубже. В его голове всплывали и таяли обрывки слов, но он был не в силах связать их и выразить.

— Выпейте,—сказала сиделка, поднося к его губам стакан с жидкостью.

Лейк исполнил, что ему было сказано, и снова погрузился в забвение. Когда он опять проснулся, в комнате было темно и тихо. Он был попрежнему слаб, но с облегчением заметил, что его голова не была более неподвижной. Вторым открытием было, что он мог вытянуть руки и ноги. С большой осторожностью он принял сидячее положение. Его голова была крепко завязана, и в ней невыносимо стучало. С легким стоном он упал назад на подушку и стал снова пытаться поймать беспорядочно и увертливо осаждавшие его память мысли. Их увертливость особенно мучила его. Стоило ему только сцепить пару—другую мысль, как получившийся просвет снова заволакивался тенями вновь набравших воспоминаний, и все они разбежались и рассыпались во мраке. Это приводило его в бешенство.

Когда забрезжило утро, он яростно метался в бреду. Ему даже не удалось вспомнить собственного имени. Всех его отчаянных усилий хватило только на то, чтобы вызвать смутную картину драки на речном берегу. Людвиг, Людвиг. Он слышал когда-то это имя, но где? При каких обстоятельствах? Кто такой был Людвиг?

Сиделка называла его херром Людвигом. Почему? Неужели он никогда не в состоянии будет схватить

этих летучих, туманных, раздражающих мыслей, исчезающих, как только они показывались.

Имя было немецкое. Но разве он—немец? И если он—немец, то почему же он думает и разговаривает по-английски?

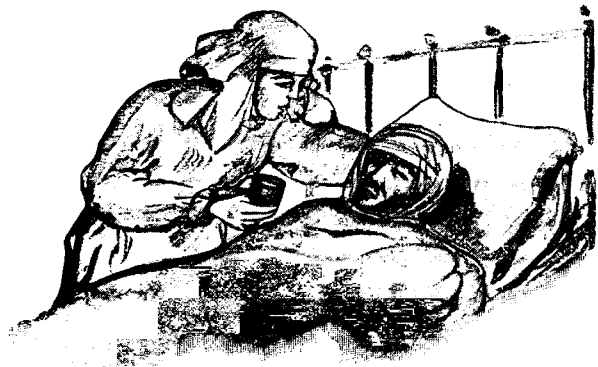
Когда сиделка принесла ему первую дозу утреннего лекарства, он лежал, свернувшись на полу около кровати. Его пальцы были скрючены, и кончик одеяла крепко засунут в рот. И сгусток запекшейся крови выступал из края повязки над его правым глазом.

Прошла еще неделя, и Лейк не заметил этого.

Иногда он был в состоянии смотреть вокруг и слабо прислушиваться к разговору, который велся шопотом лечившими его докторами и сиделкой, но большую часть времени его обволакивало туманное облако, редко рассеивавшееся перед его глазами. В продолжение всех семи дней он был слаб, как новорожденный ребенок.

На восьмой день он стал проявлять явные признаки улучшения, а на десятый силы вернулись к нему настолько, что ему даже позволили двигаться без посторонней помощи. Дня через два после этого он возобновил разговор с сиделкой.

— Почему вы все еще продолжаете говорить по-английски? — поинтересовалась она. — Вы — немец. Почему же тогда вам не говорить на вашем родном языке?

Сиделка поднесла к его губам лекарство...

Лейк в первую минуту совершенно не знал, что ему ответить. Он решительно ничего не мог припомнить из своей прошлой жизни и из того, что к ней относилось. Имя Людвиг вызывало в нем всякий раз род воспоминания, но все его попытки соединить его с чем-то определенным оставались бесплодными.

— Я говорю на том языке, который мне больше нравится, — заикаясь ответил он, после долгой паузы, — и совсем не верю в то, что я—немец.

— И тем не менее, вы—немец, херр Людвиг, — сказала сиделка, — смешно не признавать этого. Но, слава богу, что все так кончилось. Мы все боялись, что вы совершенно потеряете рассудок, а теперь, оказывается, что у вас только пострадала память.

Дней пять спустя, когда Лейка в первый раз усади-

ли в большое, удобное кресло перед окном, он услышал голоса за дверями его комнаты.

— Можете побыть у него пять минут, — говорил голос доктора, — но только с условием, чтобы вы его ничем не волновали. Я сомневаюсь, чтобы он мог узнать вас. Его память совершенно потеряна. Вдобавок он страшно раздражителен, и потому старайтесь говорить так, чтобы не докучать ему.

Лейк обернулся и увидел высокого, широкоплечего господина с белокурыми волосами, который шел к нему, протянув руку.

— С приятными новостями, херр Людвиг, — воскликнул он по-английски. — Я слышал, что вам, наконец, стало по настоящему лучше. Все ваши приятели справляются о вашем здоровье и ждут вас, как можно скорее, обратно. Говорят, что английский язык стал вам теперь милее вашего собственного, — правда это?

Лейк кивнул головой.

— Вот история, — даже доктор удивляется этому. Но, когда дело касается мозга, можно ждать всяких странностей. Во всяком случае вы сами-то чувствуете, что поправляетесь.

— Д...да. Думаю, что так, — Лейк говорил медленно и неуверенно. — Но все это прямо ужасно для меня. Я совсем не узнаю вас, и вообще все мое прошлое кажется мне совершенно стертым.

— Об этом вам не стоит сейчас беспокоиться. Доктора вполне уверены, что возвращение вашей памяти есть только вопрос времени. Вам, вероятно, не безынтересно будет узнать, что мне дали разрешение навещать вас ежедневно. Я буду помогать вам восстанавливать в памяти ваше прошедшее.

— Когда же мы начнем? — спросил Лейк дрожащим голосом.

— Да хоть сейчас, если вам угодно... Начнем с того, что ваше имя — Людвиг.

— Все здесь называют меня так, но это ровно ничего еще не значит.

— Это не важно, но во всяком случае, вы это должны запомнить. Мое имя — Франк Эрнст, а вы, — при этом высокий господин наклонился вперед и таинственно понизил голос, — а вы — один из наших. Вы — старший.

— Старший? — повторил Лейк.

— Да.

— Над кем старший?

Эрнст сунул руку в верхний карман пиджака и достал карточку. Посередине ее, покрывая собой два треугольника, стояла буква „S“, наверху была буква и цифра: „A. 9“. Он протянул ее к свету,

— Напоминает она вам что-нибудь?

— Немного. Я не могу точно вспомнить ее значения.

— Это — значек Партии. Но такие карточки есть только у Совета Девяти.

Если бы эти слова были сказаны Лейку на любом индусском наречии, их смысл был бы для него не более понятен.

— Но только помните,—продолжал Эрнст,—что вы ничего не должны говорить здесь об этом. Тайна сейчас важнее, чем когда бы то ни было. Сториани никогда не простит вам, если вы нарушите слово, даже нечаянно.

— Сториани?

— Наш глава. Он уполномочил меня передать вам, что он вполне удовлетворен вашей работой. Вы действовали прекрасно.

— Да, но где, в чем и когда?

Эрнст взглянул на часы.

— На сегодня довольно,—сказал он.—Мне было глано только пять минут. Завтра я опять буду у вас и тогда расскажу дальше. Мы должны двигаться вперед постепенно и с осторожностью. Помните, что нам всем очень важно, чтобы вы поскорее выздоровели, сосредоточьте на этом все ваши мысли.

Он встал и вышел, не попрощавшись. Этот внезапный уход только усилил у Лейка чувство, что он блуждал в темном, непроходимом лесу. Он провел день, полный тоски и нерешительности. Абсолютная неспособность разоб- аться в том, что творилось у него в голове, действовала на него так удручающе, что не будь постоянного присутствия терпеливой сиделки, он наверное бы выбросился из окна.

Эрнст оказался верным своему слову. Каждое утро он являлся ровно в 12 часов. Он был почти так же терпелив, как и сиделка, и столь же внимателен.

Лейку стоило только заикнуться о чем-нибудь, и его просьба тотчас же исполнялась. Но разговоры с ним не были продолжительными, доктора этого не разрешали.

— Подождите, подождите,—успокаивали они Лейка, когда он жадно и жалобно обращался к ним за сведениями.—Вы и так слишком быстро двигаетесь вперед. Не будем портить дело излишней болтовней.

В середине августа ему было разрешено делать небольшие прогулки в автомобиле по Парижу и его окрестностям. Он был еще очень слаб и худ, и даже борода, которую он отрастил, не могла скрыть его впалых щек. Эрнст был его неизменным компаньоном. Пылкий немец был полон неясного и наивного энтузиазма. Он прямо изводил Лейка своими вечными возвращениями „к тому дню, когда наша любимая родина Германия вернет то, что ей принадлежит“. Стоило ему только прочно усесться с Лейком в одном из уютных садов Парижа, как он немедленно же заводил вдохновенную речь о целях и чаяниях Германии. Большинство из его друзей, которых он представлял Лейку, неизменно говорили на те же темы, но с большей сдержанностью.

Эрнст, повидимому, совершенно позабыл о своем обещании Лейку—помочь восстановить в памяти его прошлое. Как только Лейк начинал задавать немцу на-

водящие на это вопросы, тот немедленно же менял тему для разговора.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Шум Парижа доводил иногда Лейка до бешенства. Однажды, когда они с Эрнстом мчались в автомобиле к Булонскому лесу, он поднял голову и посмотрел по направлению башни Эйффеля.

— Что это за непрерывная стукотня?—спросил он.

— Она может свести с ума мертвого.

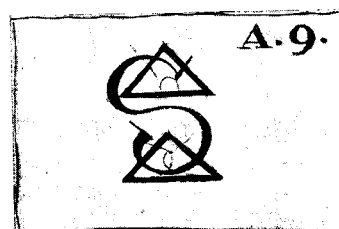
Эрнст возбужденно схватил его за руку.

— Вы вспомнили?—воскликнул он.—Вы вспомнили?

— Что такое вспомнил?—хрипло закричал Лейк.

— Подумайте хорошенько. Подумайте.

Нервы Лейка не выдержали. Готовый разразиться слезами, он стал судорожно тереть веки. Он был в том состоянии, когда самый незначительный инцидент повергает человека в полную расслабленность, делает из него ребенка.

Последние ее, покрывая два треугольника, стояла буква S...

— Думайте. Думайте,—повторил Эрнст.

— Я думаю,—с плачем простонал Лейк.

Он резко подскочил с места.

— Постойте... Один момент... Башня Эйффеля. Концессия. Моя работа. Мое прошлое.

Он жадно схватил Эрнста за руку.

— Да, да—я вижу связь. Скажите мне. Умоляю вас, скажите мне.

Эрнст радостно засмеялся.

— Наконец,—проговорил он.—Я знал, что это случится. Я знал, что вас нужно было привести на это место

Лейк, больше похожий на затравленного зверя, чем на человеческое существо, как кошка вцепился в его горло.

— Кто я такой?—заревел он.—Что здесь происходит? Говорите мне. Живо.

— Тише, тише,—освобождаясь из его рук, успокоительно проговорил Эрнст.—Это неблагоприятно. Разве вы забыли, что вам опасно волноваться? Садитесь на место, я вам объясню все по порядку.

Лейк, дрожа и всхлипывая, отодвинулся в угол автомобиля, пристыженный до последней степени, и до крови закусил губу.

— Мне было запрещено разговаривать с вами о башне Эйффеля до тех пор, пока вы сами о ней не вспомните,—сказал Эрнст.—Теперь я имею право изложить перед вами все факты, во всей их последовательности, надеясь, конечно, что это даст толчок к дальнейшему возвращению вашей памяти. Помните вы вашу последнюю речь в июне?

— Нет, не помню.

— Это было на собрании Девяти, последнем, на котором вы присутствовали. Вы раскрыли, что Грент, ученый, подписал соглашение с финансистом Когеном. Как жаль, что вы не помните этого. Сториани пришел в дикое бешенство. И вот тогда вам сказали, чтобы вы разделились с Грентом и с англичанином Лейком.

— Лейк? Грент? Коген?—Лейк рвал на себе волосы.—Кто, кто эти люди? Я смутно помню их имена, и все-таки, и все-таки...

— Двое из них уже мертвы,—перебил его Эрнст.

— Мертвы?

— Грент и Лейк. Вы их убили обоих.

— Я?—вырвалось, как вой, из груди Лейка.

— Да, вы. В кафе Милан. Вы ударили Грента ножом в сердце, а другого сбросили в воду. Сториани был очень доволен. Он хочет вас наградить.

Наступила минута ужасного молчания. Лейк качался взад и вперед.

— Другими словами, я убийца!

— Фуй.—Эрнст с отвращением сплюнул.—Что это за слово? Предоставьте его употреблять бульварным писателям. Вы просто исполнили свой долг. Но смотрите. Мы как раз проезжаем мимо Концессии, не подняться ли нам на одну из башен Троккеро? Это единственный способ полюбоваться широким видом на Концессию.

Лейку пришлось помочь вылезть из автомобиля. Он так шатался, что должен был опереться на плечо Эрнста. Протиснувшись в лифт, он тяжело опустился на сиденье. Раз или два он блуждающим взором посмотрел на свои ладони, словно разыскивая на них следы крови.

Они увидели перед собой башню Эйфеля.

— Вы должны немного подтянуться, Людвиг,—сказал ему Эрнст.—Если бы Сториани увидел вас в таком виде, он бы наговорил вам много неприятного.

Лейк с усилием вышел из лифта. Париж распростерся под его ногами. Он различал седые башни собора Парижской богородицы, белую массу церкви Сакре-Кёр и, уменьшенную далью, Триумфальную арку, потом повернулся к башне Эйфеля. Это было захватывающее зрелище. С правой стороны, спускаясь вниз к берегам Сены,—шли ряды громадных бетонных зданий.

— Теперь позвольте мне вам все объяснить,—начал Эрнст.—То, на что вы в данный момент смотрите, известно всем под именем Концессии. Минуту тому назад я упомянул вам про некоего Когена. Он задумал весь план Концессии, и за ним стоит группа миллионеров, намеревающаяся захватить в свои руки монополию на мировую энергию. То, что вы видите, есть только начало. Грент до момента его смерти был техническим директором предприятия. Его личная заинтересованность в нем была довольно оригинальна. Он был во власти идей, что если бы ему удалось на время получить в свое распоряжение большое количество электрической энергии, он мог бы раскрыть тайну разложения атомов. Коген обещал ему это. Хорошо понимая, конечно, что идея Грента была только фантазией, он просто-напросто хотел использовать его для своих планов. Цель Когена—стать диктатором. Лейк, англичанин, был секретарем Грента. Вы слушаете?

Лейк кивнул головой, хотя он не слушал.

— Вот так, значит, обстоит дело,—продолжал Эрнст.—Если Когену не помешают, то очень скоро все электрические предприятия на сотню миль в окружности прикончат свое существование за невозможностью выдержать его конкуренцию. Но это только одно сравнительно мелкое обстоятельство, а есть еще и другие, более крупные, о которых не стоит сейчас распространяться. Вон там, направо, должна будет производиться электрическая энергия. Внутри бетонных зданий люди заняты сейчас установкой многих десятков громадных паровых турбин. Прямо сзади находится котельная, а над нею,—следуйте глазами за моим пальцем,—виднеется первая из дымовых труб.

Лейк, как зачарованный, смотрел на гигантскую дымовую трубу, вырвавшуюся на его глазах. Каждую пару минут кран поднимал нечто вроде дугообразного пролета большого моста и потом опускал его на висевший в воздухе рельсовый путь, по этому пути он скользил прямо к назначенному для него месту и там немедленно устанавливался. Ниже, между выносами исполинских подвижных кранов, почва была изрезана рядами широких траншей. Сама башня Эйфеля была выкрашена в яркий голубой цвет.

— Это очень остроумная мысль,—заметил Эрнст, указывая на башню.

— Когда Коген увидел, что электрические компании заволновались и стали подстрекать фабрикантов к протесту против монополии,—инициатива этой тревоги принадлежала Сториани,—Коген немедленно же приказал выкрасить башню в этот омерзительный цвет. Она никогда не казалась парижанам украшением их города, но они с такой пылкостью набросились на эту удочку, что целую неделю только и говорили о необходимости заставить Когена перекрасить башню, забыв о самой Концессии.

— А для чего собственно понадобилась ему сама башня?—спросил Лейк, не обращая внимания на заданный ему вопрос.

— Для беспроводной передачи энергии. Земляные выемки для установки в них больших трансформаторов у основания башни уже закончены, и вы можете видеть отсюда рабочих, устанавливающих по всей башне изоляторы для прикрепления проволок, которые будут служить антеннами посылки энергии.

— Колоссально,—проговорил Лейк, с трудом переводя дыхание.—Чудовищно.

Направляясь почти параллельно реке, в сторону собора, и затем останавливаясь вблизи площади Согласия, чтобы снова повернуть к Латинскому кварталу, шла странная, широкая траншея. Голос Эрнста стал сразу сухим и резким, когда он обратил на нее внимание Лейка.

— Вот,—сказал он,—вещь, которая причиняет нам наибольшее беспокойство. Мы одновременно и смущены и встревожены ею херр Людвиг. Обратите ваше внимание на эту выемку и скажите, можете ли вы понять ее назначение? Я думаю, что нет. Рабочие делают ее для того, чтобы ввести ток в лабораторию Грента.

— Но, ведь насколько мне показалось, вы сказали, что он мертв?

— Конечно, мертв. Вот поэтому-то мы и недоумеваем. Для чего же тогда продолжать эту работу, предназначенную в свое время исключительно для отвода тока? Разве только, что Коген договорился с другим ученым или, быть может, помощники Грента настолько осведомлены, что продолжают его дело и производят дальнейшие попытки разрешить проблему внутриатомной энергии? Мы не знаем. Я решительно отказываюсь понять это.

На возвратном пути в лечебницу Лейк сначала держался очень спокойно. Однако, сколько он ни старался, он не мог отогнать от себя мысли, что он отнял две человеческие жизни. Он был убийцей, так сказал Эрнст. Дрожь пронизала все его тело. Его зубы стали стучать, глаза закатывались в смертельной агонии. Он громко застонал.

— Что с вами?—воскликнул Эрнст.

— Ничего, ничего.

— Но посмотрите на себя. Ваши глаза, они вылезают из орбит. Что такое с вашим лицом? Что с вами такое? Не лучше ли остановиться?

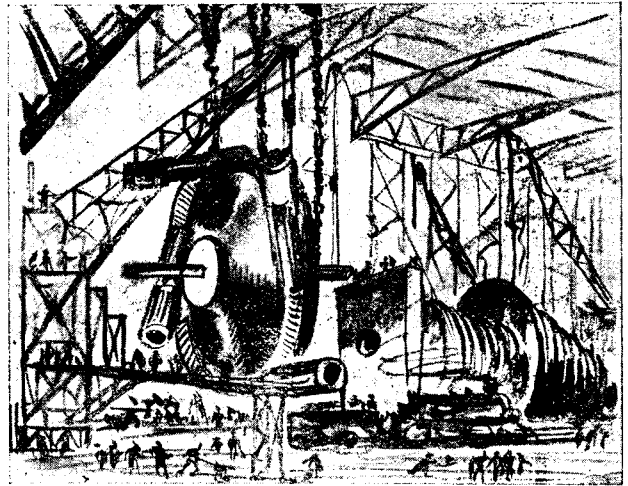
— Нет, нет.

Случайно Лейк дотронулся до своего подбородка. Кончики его пальцев встретили густую бороду. Страшная, уродливая мысль пришла ему в голову.

Он схватился за нее с молчаливой жадностью, не желая открывать свою душу другому, и в особенности Эрнсту,—человеку, который превозносил его за содеянное им преступление, который говорил, что он поступил хорошо.

— Ах, эта борода,—проговорил он, вызывая на лице судорожное подобие улыбки.—До чего она мне надоела. Сегодня вечером я обязательно побреюсь.

— Вы не сделаете ничего подобного,—коротко отрезал Эрнст.—Где ваш рассудок, херр Людвиг? Ваша борода есть ваша главная защита. Тем, что вы побреетесь, вы только поможете полиции проследить вас. Херр Людвиг, я бы вас очень просил быть несколько благоразумнее.

Внутри бетонных зданий люди заняты установкой огромных паровых турбин...

— Прекрасно, я постараюсь.

— Вы, кажется, совсем забыли,—сколько поставлено на карту.

— А разве я когда-нибудь это знал?

— Я думаю. Могу я быть уверенным, что вы не будете браться, херр Людвиг?

— Можете.

— Отлично. А то я уже начал бояться, что мне придется доложить о вас Сториани. В этом было бы мало хорошего.

— В самом деле?—протянул Лейк отсутствующим голосом. Его больной мозг старался нарисовать образы тех двух людей, которых он убил.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

На следующий день Эрнст пришел раньше обычного, когда Лейк еще кончал свой завтрак.

Эрнст выглядел взволнованным.

— Сториани сказал свое слово,—воскликнул он. Он любил драматические обороты речи.

— Это очень мило с его стороны,—иронически сказал Лейк, бывший в особенно скверном настроении духа после кошмарно проведенной ночи.—Что же именно он сказал?

— Что вас необходимо оперировать.

— Ого!—Лейк скомкал одну папироску и закурил другую.—Даже не посоветовавшись предварительно со мной насчет этого?

— Не ваше дело вмешиваться в решения нашего общего главы, херр Людвиг. Он потребовал меня к себе вчера поздно вечером и после моего доклада немедленно же отдал распоряжение. Я должен повезти вас сегодня к Шарлье, лучшему хирургу во Франции, в четыре часа дня. Дело устроено самим Сториани, который считает необходимым восстановить вашу память, не теряя времени.

— Шарлье, вы говорите? Я его знаю?

— Не думаю. Сториани хотел пригласить его в первый же день вашей болезни, но его невозможно было достать, он был в Англии. Это самый талантливый из всех европейских хирургов, поэтому, я полагаю, Сториани его и выбрал. Если бы он мог обратиться к кому-нибудь еще, с такой же репутацией, он бы это сделал еще раньше. Шарлье, как известно, был близким другом Грента.

— Человека, которого я... умершего ученого?

— Да. Последнее обстоятельство было не совсем безразлично для Сториани. Он даже сомневался, что Шарлье согласится вас принять. Он не особенно доверяет немцев, в особенности же активных. Однако он прежде всего врач, а потом уже француз, насколько мне кажется. Как бы там ни было, он изъявил согласие осмотреть вас сегодня в четыре часа. Вы не возражаете против этого визита?

— Я сам не знаю. Операция очень рискованная?

— Только Шарлье может ответить вам на это. Но вы можете быть уверены, что он не тронет вас, если увидит, что случай безнадежен. Это его тактика. Он всегда оговаривает себе право выбора—делать или не делать операцию. Вы можете вполне положиться на Шарлье, херр Людвиг, это единственный человек во Франции, который сможет вернуть вам память. Вы ведь хотите этого, не правда ли?

— Еще бы. Я готов на всякий риск. Вы не можете себе представить, что это за ужас потерять собственную личность. Еще немного такого существования,—и я попаду в дом для умалишенных.

— Я это говорил Сториани. Он был взволнован и даже немного перепугался. Кто-то передавал ему, что вы начали быстро поправляться. Я должен был выяснить ему что хотя ваше чисто физическое состояние и улучшилось значительно, но повреждения в области мозга практически остаются все в том же виде. Он вполне сознает, что, лишенный памяти, вы для

него совершенно бесполезны, а между тем, он нуждается в вас, херр Людвиг, еще больше, чем прежде.

— Почему? Разве опять есть что-нибудь в воздухе? Не забывайте, что вы говорите с человеком, у которого память, как у новорожденного младенца.

— Я готов отвечать на все ваши вопросы, херр Людвиг?

— Тогда расскажите мне прежде всего обо мне самом. Где я родился? Что такое Совет Девяти? Для чего я нужен Сториани? Кто он такой, этот Сториани? Говорите обо всем, Эрнст. Начните с самого начала.

— Прекрасно,—сказал Эрнст, усаживаясь на стул.—Слушайте.

— Теперь, действительно, как раз время попытаться дать вам связный отчет о том, что касается вас самих и вашей прошлой работы. Я бы сделал это давно, если бы не действовал по приказанию. Тайна—наш главный лозунг, херр Людвиг, без него мы были бы уже давно стерты с лица земли. Мы далеко не пользуемся расположением властей. Начнем с того, что вы родились в Берлине, что вам теперь исполнилось двадцать девять лет. Ваше полное имя—Рудольф Зигфрид Людвиг.

— Я женат?

— Нет. Была одна женщина... но об этом когда-нибудь позже, это не относится к делу. Два года тому назад вы вошли в сношения со Сториани. Он итальянец. Он замечательный человек, херр Людвиг. Во время войны и после нее ему удалось при помощи ловкой и сложной работы овладеть большинством акций многих морских и железнодорожных линий, многих электрических и всяких иных предприятий.

Но этого мало. Сториани уже видит день, когда он один будет владыкой над всем миром.

— Какая чепуха!

— Не вам бы говорить это, херр Людвиг! Было время, когда вы твердо верили в Сториани, и я думаю, что оно скоро снова вернется.

— Но ведь это же смешная фантазия!

— Вижу, что вы совсем забыли Сториани. Он, как я уже вам сказал, необыкновенный человек, а кроме того, к его услугам имеется наша организация. Помните вы что-нибудь о ней?

— Ничего.

— Эта организация не имеет себе подобной во всем мире. Подождите, пока вы достаточно поправитесь, чтобы понять всю ее деятельность. Вы никогда не перестанете ей удивляться. Сториани содержит целую маленькую армию для того, чтобы собирать сведения со всех концов мира. Вы были одним из его осведомителей, когда впервые выдвинулись на сцену.

— Я очень рад слышать все это,—сказал Лейк, яростно затягиваясь папиросой.

(Продолжение следует).

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН ВИНЬОЛЬ и НОКС (продолжение).

Перев. с англ. Г. Ландау.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Шарлье не показался Лейку особенно приветливым. Тонкий и сухой пожилой человек, с манерами типичного хирурга, он посмотрел на Лейку через стекла своего золотого пенсне одним из тех взглядов, который моментально сводит человека на голые кости тщательного изучаемой морской свинки.

Шарлье говорил только в полголоса, и все его замечания направлялись исключительно по адресу его, одетого в белое, помощника. Лейку все время дрожало. Ему казалось, что он присутствует при осмотре здания городским архитектором, настолько хладнокровно велся весь этот процесс исследования.

Наконец Шарлье зажег свет и уселся напротив Лейка. С прямотой и ясностью, которой он славился, он изложил перед ним положение дела.

— Повреждение вашей головы таково, что хотя и нет никаких оснований опасаться ухудшения вашего состояния, но вместе с тем и нет данных рассчитывать на естественное его улучшение. Вы сохраняете и будете вполне сохранять ваши мыслительные способности, но для меня совершенно ясно, что вы останетесь лишенным памяти, и ваша речь также, я боюсь, не исправится. Вы могли бы быть приведены в порядок, но операция будет очень рискованной и очень деликатной, так как повреждение очень глубоко. Малейшая техническая ошибка со стороны хирурга или ничтожное вмешательство одного из тех неожиданных факторов, которые так часто преподносятся оператору природой пациента, может привести к тому, что вы заплатите или своей жизнью, или рассудком.

— Почему вы так уверены, доктор, что я вполне обладаю своими мыслительными способностями?

— Потому, что мне были представлены результаты некоторых психоаналитических испытаний, которым вы были подвергнуты. А потом и самый разговор, который мы ведем с вами, служит для меня достаточным доказательством.

— Доктор,—воскликнул Лейк,—моя жизнь для меня ад. С той самой минуты, когда ко мне вернулось сознание, я непрерывно чувствую себя под гнетом какой-то страшной ответственности. Почему—я не знаю сам. Откуда это неотступное чувство, доктор?

Шарлье покачал головой.

— Я не знаю,—ответил он.—Но, во всяком случае, ваше ощущение не является чем-нибудь необычным.

Лейк подумал о двух людях, которых он убил, и задрожал мелкой дрожью.

— Значит, вы советуете произвести операцию, доктор?

— Да, советую.

— Когда?

— Чем скорее, тем лучше. У меня есть клиника. Вы можете вступить в нее завтра же.

Лейк встал. Он напоминал лист в бурю. Один момент он был в нерешительности, потом сказал:

— Я отдаю себя в ваши руки, доктор.

.....
Прошло три дня.

На утро четвертого дня Лейка посетил Шарлье.

— А,—воскликнул хирург,—вы уже значительно лучше выглядите. Ну, как, вы готовы?

— Вполне.

— Я приму вас через полчаса.

.....
— Дышите глубже,—сказал усыплявший его врач.

Лейк прижал маску ко рту.

— Нст, не трогайте. Двигайте рукой, пока я буду считать.

— Я еще чувствую.

— Дышите. Дышите глубже.

— Я дышу.

— Двигайте рукой. Девятнадцать, двадцать один, двадцать два...

— А-ах-х...

Это был длинный, длинный вздох. Врач кивнул головой.

Тремя часами позже, когда хирург проходил по одному из спокойных коридоров, он внезапно остановился, услышав громкий крик, донесшийся из одной комнаты над потолком.

— Эллиен! Эллиен!

Шарлье узнал голос.

— Улачно,— тихо проговорил он.— Улачно. Это имя, которое он шептал, когда они несли его обратно в кровать. Его память вернулась.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Делая бешеные усилия вскочить с кровати в своей палате, Лейк дрался с сиделкой.

— Доктора!— кричал он.— Я должен видеть доктора.

Шарлье вошел в тот момент, когда женщина отлегла к стене.

Лейк, более похожий на живой труп, старался выкарабкаться из охватывавших его со всех сторон простынь, подушек и одеял.

— Тише,— закричал доктор.— Тише, говорят вам. Немедленно же назад, в кровать.

— Наконец,— иступленно воскликнул Лейк.— Наконец я знаю, кто я такой.

Потребовались дружные усилия шести человек, чтобы его утихомирить.

— Я не Людвиг,— бормотал он.— Я не убийца. Я— Лейк. Я— Лейк.

Под влиянием данного ему снотворного напитка он впал в глубокое забытие.

Шарлье был очень встревожен.

В течение целого часа он сидел у кровати Лейка, держа его за руку и считая пульс.

— Скверно,— повторял он.— Скверно. Никогда не думал, что он поведет себя таким образом.

Только в конце недели он позволил Лейку произнести первое слово.

Когда, наконец, Шарлье выслушал его повесть, он был прямо ошеломлен невероятностью рассказанного. Ему потребовалось несколько минут на то, чтобы, связав в уме сделанные прерывистым голосом признания больного, поверить в правдивость рассказанного.

— Но, ведь, это невероятно,— недоумевал он.—

Лейк, англичанин, был выловлен из реки мертвым несколько недель тому назад. Грент был убит в кафе, я сам читал об этом в газетах. Я был тогда в Англии и не мог присутствовать на его похоронах, но все журналы были полны сообщениями об его смерти. Я с тех пор все еще ношу траур по моему лучшему другу.

— Я вам говорю, что я— Лейк. Грент жив. Человек, убитый в кафе ударом ножа,— Лефевр, один из помощников Грента. Он был загримирован под Грента по мысли и по настоянию Когена. Тот, кто ушел в Сену и был затем выловлен, тот— Людвиг немец.

— Людвиг? Немец?

— Да. Я известен теперь под его именем. Доктор, если вы еще будете терять время не доверяя мне, то может случиться, что вы сами потом будете жалеть об этом. Вы должны немедленно же снестись с Грентом.

Шарлье, наконец, обещал телефонировать Когену.

Как раз перед самым обедом он снова навещал Лейка. Его обращение было на этот раз совершенно иное. Прежние его сомнения теперь уступили место чистому и безграничному удивлению. Он едва мог сдерживаться.

— Я говорил с Когеном,— заявил он.

— И что же он вам сказал?

— Его привезут сюда сегодня вечером под видом пациента.

— Почему пациента?

— Он не верит, что вы живы, это— главное основание. А потом, он не может ступить шагу, чтобы его не преследовали. Он должен быть здесь в девять часов.

— Вы его спрашивали насчет Грента?

— Спрашивал, но он отказался отвечать. Коген очень осторожный человек, а у телефона, как вы знаете, есть уши. Да, еще одна вещь. Некто, по имени Эрнст, заходил справляться о вас. Он сейчас внизу. Он является сюда ежедневно.

— Скажите, чтобы он уходил,— возбужденно закричал Лейк.— велите ему передать, что мое положение очень, очень серьезно, и меня нельзя будет видеть еще некоторое время.

Шарлье подозвал сиделку и сделал нужные распоряжения.

Отпустив сиделку движением руки, он снова вернулся к Лейку.

— Коген прибудет в карете скорой медицинской помощи. Это очень хорошая мысль. Несчастные случаи происходят весьма часто на работах Эйфелевой Концессии, и потому более чем возможно, что его отъезд пройдет совершенно незамеченным.

Не успели еще часы в вестибюле лечебницы отсчитать девятый удар, как большой автомобиль, покрашенный в белый цвет, мягко проскользнул

через ворота и остановился у главной двери. Двумя минутами позже плотно забинтованный и тяжело стонущий человек был осторожно внесен в комнату и усажен в просторное кресло, по левую сторону кровати Лейка. Исполнив это, люди по знаку Шарлье немедленно ретировались. Хирург встал перед дверью.

— Мистер Коген?

— Да.

— Желаете вы, чтобы я удалился?

— Пожалуйста.

Дверь бесшумно закрылась.

— Что все это значит?—спросил Коген нагибаясь над кроватью и вперяя в лицо Лейка сузившиеся зрачки.

— Вы, конечно, не узнаете меня?

— Нет.

— Пеняйте за это на мою бороду. Я—Херольд Лейк, секретарь Джона Грента.

— Этого еще мало. Мне требуются доказательства.

— Прекрасно. Садитесь. Сейчас мы перейдем к подробностям. Но прежде чем начать, мне бы хотелось узнать только одну вещь—как себя чувствует мисс Грент?

Коген примостился на краю кровати. Его правая рука нервно играла часовой цепочкой.

— Я жду вашего рассказа,—ответил он.—Я не могу отвечать на ваши вопросы раньше, чем я не убедился, что вы не самозванец.

Лейк улыбнулся и начал быстро рассказывать.

Коген был великолепным слушателем. Он только раз поднял глаза, когда Лейк перешел к рассказу о потере им памяти, но и тут не проронил ни слова.

— Ну, вот,—сказал в заключение Лейк.—Я, как говорится, вывернулся перед вами на изнанку. Удовлетворены вы, наконец, или нет?

Коген медленно подошел к камину. Его лоб был изрыт морщинами.

— Не совсем,—сказал он.—Вы, разумеется, обладаете массой сведений, но... но...—он быстро повернулся,—почему же вы не послали за мной немедленно, как только к вам вернулась память?

— Я и хотел это сделать, но Шарлье не давал мне открыть рта почти целую неделю.

— Вы упоминали о мисс Грент. Как она выглядит? Брюнетка? Блондинка? Высокая. Опишите мне ее.

Лейк не был мастером слова, но тем не менее нарисовал довольно сносный портрет девушки.

— Как ее имя?

— Элен.

— Когда вы ее видели в последний раз?

— В тот вечер, когда я отправился с Лефевром в кафе Милан. Она пожелала мне счастья. Позвольте, я могу точно привести ее слова: „Я буду думать о вас и не лягу, пока вы не вернетесь“. Она это сказала

перед тем, как вы стали между нами и прервали наш разговор. Не так ли?

— Я все еще не уверен!—воскликнул Коген.—Было бы безумием поверить в то, что вы Лейк.

— Однако это факт. Послушайте же, наконец,—откуда бы я знал все эти факты, будь я не Лейк, а кто-нибудь другой? Задавайте мне какие угодно вопросы, или вот что: еще лучше, позовите Грента, он меня узнает.

Коген посмотрел на него косым взглядом.

— Грент мертв,—громко сказал он.

— Вздор!—крикнул Лейк.—Это ложь. Убит был Лефевр. Я сам был почти рядом с ним, когда это случилось.

— В таком случае кто же был тот человек, который утонул в Сене?

— Людвиг. Убийца Лефевра, которого я представлял затем, помимо моей воли. Первая вещь, которую я припоминаю после того, как я пришел в сознание, было обращение ко мне, как к Херру Людвигу. Он был одним из Совета Девяти.

— Стоп,—заревел Коген.—У меня начинает кружиться голова. Что вы еще знаете о Совете Девяти.

— Все знаю. А вы?

— Только то, что он существует. Встречались вы еще с кем-нибудь из них?

— С одним. С немцем по имени Эрнст. Он был здесь рано утром.

— Эрнст? Я слышал о нем. Самая подлая собака, если хоть половина всего того, что о нем рассказывают, соответствует истине.

Коген бросился к столу и, схватив с него маленькую библию, швырнул ее на колени Лейка.

— Возьмите ее,—прохрипел он, близкий к апоплексическому удару.—Держите... Целуйте... Клянитесь на ней, что вы действительно Лейк.

— Полагаю, что здравый смысл стоит не меньше библии,—спокойно сказал Лейк.

Коген забегал взад и вперед по комнате, стараясь совладать с охватившим его волнением. Он чувствовал, как кровь билась в жилах на его шее. Два красных пятна горели на его щеках. Его пальцы двигались и корчились, не переставая.

Наконец он несколько успокоился и пришел в себя.

— Вы не можете не быть Лейком.

— Это как раз то, что я твержу вам с первого же момента, как вы сюда приехали. Я повторил это столько раз, что даже устал. Конечно, я—Лейк. Не будь я Лейк, неужели вы думаете, я прошел бы через все это? Ну, может быть теперь, когда вы, наконец, одумались, вы мне скажете—жив ли Грент?

— Да.

— И как себя чувствует?

— Превосходно.

— А мисс Грент? Тоже в полном здравии?

— В полном и совершенном.

Лейк посмотрел на него в полоборота.

— Один частный вопрос, мистер Коген: как она приняла известие о моей мнимой смерти?

— Она была очень поражена... Я думаю... Я мог бы даже сказать, что... гм... Дело в том, что я сам не видел ее в течение нескольких недель. Грент передавал мне, что она совсем больна. Она почувствовала всю эту историю как-то чересчур остро. Мне кажется, что она еще до сих пор в трауре. Но довольно об этом... Мне хочется, чтобы вы рассказали более подробно о Совете Девяти.

— Все мое время, — сказал Лейк. — Улыбка на его лице уступала разве только восходящему солнцу.

— Ну, а как вы поладили с полицией? Поведали вы ей все, как было, относительно Лефевра?

— Некоторое время спустя после того, как его похоронили. Он был погребен, как и следует, под именем Грента. Но потом возникли затруднения. Грент не мог выйти на улицу, так как неотступное наблюдение за его домом со стороны агентов Сториани ни на минуту не прерывалось. Они скоро заметили, что рытье земляных траншей, соединяющих Концессию с лабораторией Грента, продолжается попрежнему, и насторожились.

Правда, я пустил в газеты несколько статей о том, что опыты покойного Грента ведутся дальше его помощниками все в том же направлении, но тем не менее все время чувствовалось, что итальянец и его банда что-то подозревают.

— А что же вам известно о Совете Девяти?

— Нечто весьма расплывчатое. Сториани создал свою организацию с единственной целью сломать шею Концессии. Он собрал вокруг себя целую армию из отбросов общества и в течение некоторого времени довольно успешно поддерживал среди них дисциплину. Но теперь он уже почти потерял контроль над ними; по крайней мере, нам так сообщили. Власть считают, что людьми, фактически руководящими движением — как они выражаются — являются теперь, главным образом, революционеры, анархисты и тому подобное. Лично я этому не верю, — а ваше мнение?

— Тако же. Сториани использует их для своих целей, скрываясь сам в тени. Поэтому полиция и думает, что движение в их руках, а не его. Он скорее близок к фашистским организациям, да и те пляшут под его дудку.

— Уж не большевики ли они?

— Именно нет. Как раз коммунисты очень хорошо понимают Сториани и бойкотируют его. Он собрал другие элементы. — Лейк вкратце повторил Когену все, что узнал от Эрнста.

— Что делает Грент?

— Работает без устали. Его никогда нельзя видеть,

— Выходит он когда-нибудь из дому?

— Очень редко, и не иначе как только хорошо переодетым. Не более чем полдюжины людей знают, что он жив.

— Ну, а как с его опытами? Удалось ли ему сделать какие-нибудь новые открытия?

— Он говорит, что да, но я совсем не знаком с их природой. Я тоже все время был занят своей работой. Концессии пришлось встретиться с целым рядом трудностей, но мы подвигаемся вперед прямо бл.стяще. Через месяц — другой мы будем вполне готовы.

— Вы попрежнему держитесь мнения, что Грент гоняется за блуждающим огоньком?

— Попрежнему.

— Для чего же тогда вы продолжаете его удерживать в качестве технического директора?

— Во-первых, мы с ним связаны договором и потому не могли бы освободиться от него, если бы даже и хотели. А во-вторых, всегда есть шанс, как я раньше вам говорил, что какое-нибудь из его изобретений или открытий сможет принести нам неисчислимы выгоды.

— А что будет после того, как вы пустите станцию?

— Мы еще об этом не думали, но можете быть уверены, что предприятие окажется на должной высоте.

Лейк протянул руку.

— Коген, я должен его видеть. У меня есть одна мысль, которую мне хотелось бы обсудить с ним и с вами также.

— Какая же именно?

— А вот такая: что было бы, если бы я и далее продолжал разыгрывать Людвигу.

Лицо Когена изобразило неопределимое удивление. С минуту он только неподвижно глядел на Лейка, лишенный всякого дара речи.

— Подумайте об этом, — продолжал Лейк. — Я член Совета Девяти. Сториани смотрит на меня, как на персону особо крупного значения. Эрнст считает меня своим другом. Подробности этого плана мною еще не разработаны, и он должен во многом зависеть от поведения Шарлье. Но ведь это идея, не правда ли?

— Да, пожалуй, вы правы.

— План в общих чертах таков. Я займу место Людвигу в Совете Девяти и буду вести работу, пока их заговор не созреет. Затем, с помощью полученных таким образом сведений, мы сможем помешать как самому Сториани, так и тому движению, которое им было начато. Это будет, конечно, сопряжено с риском, но я его не боюсь. Эрнст как-то уже заявил мне, что я отныне обязан носить свою бороду. Этой бороды, в соединении с некоторой затрудненностью речи, которую я, конечно, не буду стараться сглажи-

вать, будет, я думаю, вполне достаточно, чтобы усыпить всякие подозрения, какие могли бы зародиться в голове Сториани или его помощников. По-немецки я говорю свободно.

— Остановитесь на минуту,—прервал его Коген,—дайте всему этому хорошенько уложиться в моем мозгу.

Он снова пустился в прогулку по комнате, на сей раз горячо разговаривая с самим собой, словно Лейка совсем не было в комнате.

— Это гениально,—воскликнул, наконец, Коген, взвесив мысленно все за и против.— Это блестяще. Я прямо не ожидал этого от вас, Лейк... Скажите, вам ведь наверное много приходилось видиться с Эрнстом, я думаю?

— Очень много.

— Вам ни разу не показалось, что он что-нибудь подозревает?

— Ни разу. Вначале он был со мной довольно сдержан, но после нашей поездки к башне Эйфеля дал своему языку полную свободу. Ему было поручено помочь мне восстановить в памяти мое прошлое. После этого удара под мостом я сделался совершенно ребенком, но это мне не мешало обманывать Эрнста, самому этого не подозревая. Я думаю, что мне будет нетрудно занять место возле Сториани и в его партии. Моя борода, заминки в речи и случайные провалы в памяти,—все это должно упростить мне задачу.

— Мы должны обдумать все это, как следует,—сказал Коген.—Грент, я знаю, будет противиться этому. Он наверное скажет, что вы и так уж довольно натерпелись. Интересно было бы знать мнение Шарлье по этому поводу.

Не прошло и десяти минут, как Шарлье превратился в горячего поборника его плана.

— При обязательном условии, что вы будете всячески беречься,—сказал он,—вы можете выписаться отсюда на следующей неделе. Более того, вы после этого можете спокойно пользоваться мной, как источником информации. В этом не будет ничего опасного, так как вполне естественно, что впредь до полного вашего выздоровления вам будет необходимо обращаться ко мне за советами и продолжать лечение. Что же касается ваших свиданий с мистером Когеном, то я бы думал, что это свидание должно быть последним в течение ближайшего времени.

— Совершенно верно,—согласился Коген.—Только раньше, чем мы придем к окончательному выводу, мы должны будет дать высказаться Гренту. Он, вероятно, будет очень смущен. Я пришлю его к вам завтра.

— Сюда?—изумился Шарлье.

— Разумеется. В этом нет никакого риска. Вы это предоставьте мне. Он позвонит завтра у ваших дверей в одиннадцать часов утра и скажет, что его прислали починить у вас электричество, с которым случится что-нибудь этой ночью. Вы позаботьтесь только об этом, а я сделаю все остальное. А теперь позвольте мне мои повязки. Я прибыл сюда как раненый и должен уехать таким же..

— Одну минуту,—вмешался Лейк.—А полиция нам не испортит игры?

Коген мрачно ухмыльнулся.

— О полиции не беспокойтесь. Больше она глупить не будет. Это обойдется в несколько десятков акций концессии префекту и его ближайшим сотрудникам... Полицию вы предоставьте мне!

Лейк не сомкнул глаз до самого утра.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН ВИНЬОЛЬ и НОКС. (Продолжение).

Перевод с англ. Г. Ляндау.

ГЛАВА XVI.

Грент говорил Лейку об Элен и ее переживаниях, об ее горе при известии о его смерти, об ее долгой и молчаливой скорби потом и, наконец, о взрыве неверящего в себя счастья, когда ей донесли о воскресении покойника.

Впрочем, Грент быстро перешел к делам.

— Коген заезжал ко мне вчера вечером и передал мне о вашем намерении, — сказал он. Я его решительно не одобряю — это равносильно самоубийству. Я отказываюсь дать свое согласие.

Лейк был готов ко всяким возражениям, но он не ожидал такого категорического отпора. Он доказывал и спорил до хрипоты в горле, но ученый не поколебался ни на один волос.

Видя, что Лейк твердо стоит на своем, Грент решил переменить разговор.

— Да, ведь, вы еще ничего не спросили меня про мои опыты с атомами.

Лейк попался на удочку.

— А что? — разве вы приблизились к разрешению задачи? — жадно спросил он.

— Я разрешил ее.

На Лейка это произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

— Разрешили? — прошептал он.

— Да.

Лейк схватил его за руку.

— То-есть, другими словами, — медленно проговорил он, — вы нашли средство расщепить атом?

— Вот именно. Я разрешил проблему ровно три недели тому назад.

— Кто-нибудь знает об этом? — с трудом сдерживая волнение, спросил Лейк.

— Элен и некоторые из моих ближайших помощников. Я еще ни разу не намекал на это Когену,

не говоря уже о широкой публике, которая, разумеется, ровно ничего не подозревает. Все, что мне требуется, чтобы начать эксплуатацию этого открытия, это — электрическая энергия, которую я получаю со станции Эйфеля, когда она двинется полным ходом. Желаете вы подробно узнать всю эту историю?

— Я взорвусь от нетерпения, если вы продержите меня в таком ожидании еще одну минуту.

— Зная про ваше упрямство, — сказал Грент, — и зная также, что вы упорно намерены тревожить львов в их пещерах, — он неодобрительно повел носом, — я должен сказать, что для вас особенно существенно быть в курсе истинного положения дела. Рассказ будет довольно длинным.

— У нас впереди целый день, мистер Грент.

— Я постараюсь говорить возможно коротко. Но так как я не уверен, что вам легко будет проследить нить повествования без небольшого отступления в область прошлого, то я вернусь несколько назад. Два года тому назад...

Это был блестящий доклад. Лейк сидел, ловя налету каждое слово и сдерживая дыхание всякий раз, когда ему казалось, что он может чихнуть или закашляться.

Грент взял со стола книжку, которую читал Лейк.

— Вот вам хорошая иллюстрация, — сказал он. — В листах этой книги заключено столько энергии или двигательной силы — называйте ее как угодно, — что ее хватит на пробег парохода через океан. Всякая материя, как вы знаете, образуется из крохотных частиц атомов, а сам атом состоит из электронов, — еще более мелких частиц. Вы получите еще более ясное представление, если вообразите атом, как солнечную систему, заключающую в себе центральное солнце и планеты. Последние, на вид, совершенно свободны, но на самом деле все они связаны вместе громадной силой, которую мы называем притяжением.

Теперь предположите, что вам удалось бы нарушить эту невидимую и таинственную связь, — что бы тогда случилось?

Лейк поджал губы, не решаясь сразу высказать свое мнение.

— Ну так что же, — сказал, наконец, он, — мне кажется, что планеты полетели бы тогда кувыркком, по прямой линии в пространство.

— Правильно, — ободрил его Грент. — Ну, а если бы одна из них ударилась по дороге в массивную, стальную стену?

— Тогда произошел бы самый шикарный удар, — ответил Лейк, — при чем, вероятно, развилось бы много теплоты. Ведь нагревается же наковальня, когда по ней бьют молотом.

— Опять-таки совершенно правильно. В этой книжке, как и во всякой иной форме материи, заключены биллионы и триллионы биллионов атомов. Все, что вам требуется, чтобы произвести этот „шикарный удар“ с последующим за ним выделением теплоты, это — найти средство разорвать звенья, связывающие между собой электроны, или планеты атомов. Теплота есть наиболее обычная форма энергии, это вы знаете. Но известно ли вам также, что, разрывая эти внутренние звенья в самой ни на есть грошевой, на ваш взгляд, материи, вы получите сразу в свое распоряжение неограниченный запас силы. Содержимого самой обыкновенной мусорной телеги было бы при таком обращении с ним достаточно, чтобы доставлять свет и тепло, двигать трамваи и поезда, обслуживать все фабрики и заводы, — короче говоря, производить всю механическую работу, поглощаемую в течение целых суток всей Францией. Или, переходя на цифры, — энергия, содержащаяся в одном килограмме обыкновенного металла, как говорит Ле-Бон, — равноценна энергии, выделяемой при сжигании трех миллиардов килограмм угля. Ее коммерческая ценность в данное время была бы, по крайней мере, два миллиона фунтов стерлингов. Я убежден, что новая эпоха откроется той новой моей сверх-материей, имя которой „сублимиум“.

Взгляд Грента уже не был более обращен на Лейка. Полузакрытые глаза ученого смотрели куда-то вверх, его голос стал тихим и низким и необычно прерывистым.

— Химики и физики, — продолжал он, — уже давно ощущали истину единства материи. Парацельзус был один из первых философов эксперименталистов, кинувших взор в эту сторону, но перед войной уже многие внесли свой вклад в основание нашего современного представления о материи — Томсон, Бергелю, Кюри, Гюстав Ле-Бон, Лоренц, Морэ, Гильом, Муассан, Рамзей и другие. Продолжая исследования этих людей, мне удалось вызвать из небытия сублимиум, пока еще в самом минимальном количестве, конечно. Практическое значение открытия должно быть еще продемонстрировано.

— Могу я просить его описать? — спросил Лейк.

— Попробую, — сказал Грент. — Это очень любопытное тело. Оно светит в темноте в тысячу раз сильнее, чем радий.

— Ого! — вырвалось у Лейка.

— Это жидкость, прозрачная, как вода. Она обладает, повидимому, способностью растворять все тела — очень неудобное обстоятельство, которое весьма смущало меня долгое время. Мне нужно было найти материал для сосуда, чтобы сохранить ее. Само ее приготовление представляет пока чрезвычайные опасности, в виду заключающейся в ней чудовищной энергии. Я назвал ее сублимиум, потому что она превращает элементы путем реорганизации самих атомов. В отличие от радия ее деятельная сила увеличивается под влиянием повышения температуры. Ее можно рассматривать почти как тело, которое, благодаря быстрому распаду атомов, переводит материю непосредственно в энергию.

— Как же она готовится? — спросил Лейк.

— Это было бы слишком долго объяснять. Скажу только, что ее приготовление требует сочетания различных силовых факторов: самой высокой температуры, какую только в состоянии дать электрическая печь, высоко-напряженного магнитного поля и крайне быстрого движения. Последнее должно быть настолько быстро, что одной из главных опасностей процесса является возможность разрыва тяжелых металлических масс, как следствия развивающейся в них при вращении центробежной силы. При этом необходимо достигнуть ответных колебаний электронов в атомах для того, чтобы они могли разрываться в роде того, как разывается стакан в ответ на вполне определенную ноту, взятую на пианино, скрипке или каком-либо другом инструменте.

— Ну, а как его можно применять на практике, этот сублимиум?

— Я ожидал этот вопрос. Сублимиум представляет собой великий источник силы, но его создание требует, к несчастью, большего количества энергии, чем то, которое освобождается при его распадении. Таким образом, говоря об утилизации его, как силы, невольно возвращаешься к идее о невозможности *perpetuum mobile*. Основной принцип, что никакая система не может дать больше энергии, чем она сама воспринимает или содержит, остается, конечно, в силе и поныне, а потому и сублимиум, как производитель энергии, сам по себе практически бесполезен. Он не совершает никакого чуда, но, распадаясь сам, он вызывает к распаду другие, соприкасающиеся с ним вещества, начинающие быстро отдавать свою энергию, которая до тех пор была в них заключена в виде электронов, вращающихся около своего центра. В некотором отношении в нем есть сходство с радием, но вместо того, чтобы испускать свою энергию медленно, делая радио-активными другие вещества, он отдает ее, хотя и постепенно, но бесконечно быстрее, чем радий, при-

чем его действие на другие вещества приводит к немедленному же нарушению атомической структуры последних.

— Какое ужасное орудие! — проговорил Лейк, вздрогнув.

— Если не уметь обращаться с ним, то да. Но, говоря об эффекте, его можно было бы разве только сравнить с последствием внезапного исчезновения на земле силы тяжести. К счастью, его действие проявляется только на чрезвычайно коротком расстоянии. Говоря проще, сублимиум должен непосредственно смочить вещество, предназначенное к распадению, но после того бомбардировка электронов делается настолько сильной, что стенки всякого обыкновенного сосуда начинают быстро разрушаться. А теперь вот в чем заключается то открытие, которое сделано мной только на прошлой неделе.

Грент порылся в кармане и вынул что-то, похожее на маленький обломок камня. Он был полупрозрачного молочного оттенка, но, когда на него упал луч света, он сразу заиграл всеми цветами радуги.

— Можете вы угадать, что это такое? — спросил он.

— Боюсь, что нет, — сказал Лейк. По-моему, это что-то похожее на плавиковый шпат.

— Это новый состав, — сказал Грент, — который я окрестил именем „рефрактона“. Это единственное вещество, которое пока-что может сопротивляться разрушающему действию от соприкосновения с сублимиумом. Он в состоянии выдерживать чрезвычайно высокую температуру и давление и абсолютно необходим для того, чтобы была фактическая возможность манипулировать с сублимиумом.

— Абсолютно необходимо, — с ударением повторил Грент. — В течение последнего времени я очень много работал над способами практического применения моего нового источника энергии. Концессия Эйфеля, несмотря на все богатства владеющей ею группы, должна все же стремиться к сокращению своих эксплуатационных расходов, как и всякое другое коммерческое предприятие. Имея это в виду, я надеюсь, что мне удастся найти такую форму утилизации сублимиума, при которой я смогу воспользоваться уже готовыми паровыми котлами. Если мой план работы осуществится, как я его себе представляю, то топливом, вместо угля, будет служить железо, и вся процедура топливного питания будет сводиться лишь к введению нескольких капель этого нового элемента в массу железа один раз в сутки. Количества теплоты, которое будет развиваться в результате распада всего только одного грамма железа, будет довольно, чтобы довести всю массу железа в печи до той постоянной температуры белого каления, которая вполне обеспечит образование нужного количества перегретого пара.

— У вас есть кто-нибудь, кому вы могли бы поручить изготовление сублимиума?

— Нет. Это слишком рискованно. Я сознаю, что я

сделал открытие, допускающее немедленное же введение человечества в его законное наследство, но возможно, что мною вместе с тем сотворено чудовище, ужаснее которого не видал мир.

— В чем же лежит его главная опасность?

— Во многом. До сих пор я имел дело только с ничтожными дозами сублимиума для экспериментальных целей. Но испытание одного и того же вещества в лабораторных условиях — одно, а применение его в широком промышленном масштабе — совершенно другое. Если бы сублимиум существовал во сколько-нибудь значительном количестве и что-либо заставило бы взорваться заключающие его сосуды, то разрушения, причиненные такой катастрофой, были бы неисчислимы. Представьте только себе, что бы случилось, если бы атомный разрыв произошел в самом сердце Парижа. Он был бы превращен в пепел, а на его месте остался бы кратер, как у вулкана.

Грент опустил голову, словно придавленный этой мыслью.

— Но, ведь, вами же приняты все меры предосторожности, — воскликнул Лейк.

— Да, и тем не менее я боюсь. Я испытываю великий гнетущий страх, — он не покидает меня ни днем, ни ночью, — что секрет сублимиума может попасть в чьи-нибудь нечистые руки или... А вместе с тем блага, которые он предлагает миру, настолько огромны, что я не чувствую себя в праве скрывать его тайну.

— Почему бы вам не сделать подробного описания процесса приготовления и не положить его в сейф?

— Это-то я уже сделал.

— Больше вы ничего не можете сделать.

В комнате воцарилась тишина. Лейк дал волю своему воображению, разогретому словами ученого. Грент снова устремил взор в пространство, и порой казалось, что он видит перед собой сон.

— Коген мне говорил, — сказал наконец Лейк, первый нарушая молчание, — что вас все считают мертвым.

— Совершенно верно.

— Это вас не стесняет?

— Это мне не причиняет особенного неудобства. Мой сад, к счастью, достаточно велик, чтобы я мог получить то количество воздуха и движения, в котором я нуждаюсь. А кроме того, я был настолько занят все это время, что у меня просто не являлось никакого желания выйти за пределы моих владений.

— Теперь вы уже приостановили опыты?

— Ничуть не бывало. Мне еще очень много осталось сделать. Не будь я сейчас с вами, я был бы в своей лаборатории.

— А мое секретарское место — оно кем-нибудь занято?

— Да, Элен. Она вернулась к своей прежней работе два или три дня спустя после того, как до нас дошло известие, что ваше тело было найдено в Сене.

— Я очень рад это слышать, для меня это большое облегчение. Я опасался, что мое отсутствие может

немного затормозить ваше дело. Теперь я вижу, что не буду доставать вам, когда я приступлю к своей работе в качестве члена Совета Девяти.

Грент сделал нетерпеливый жест.

— Лейк,—сказал он,—бывают моменты, когда мне хочется вас выпороть. В таких случаях вы мне напоминаете упрямого школьника. Этот ваш план настолько рискован и настолько ненужно безумен, что у меня попросту нехватает терпения о нем спорить.

— Тем лучше,—спокойно ответил Лейк.—Единственная вещь, которую я бы хотел избежать, это прения, могущие перейти в ссору. Я отнюдь не собираюсь идти с закрытыми глазами, сэр. Я знаю очень хорошо, что мне предстоит делать, и смею вас уверить, что риск, о котором вы говорите, не так велик, как вы это думаете. Я уверен, что буду вам очень и очень полезен, а потому, с вашего позволения, мы будем считать этот вопрос решенным.

— Другими словами, вы решили отправиться с докладом к Сториани, как только вы покинете это место?

— Совершенно верно.

— Коген говорил мне об этом вчера вечером. Он одобряет эту идею, но я хочу, чтобы вы знали, Лейк, что я ее не одобряю. По-моему, это безумие, это чистейшее безумие. Однако, так как разговаривать с вами в вашем теперешнем настроении все равно, что убеждать водопад прыгать обратно, я не стану об этом говорить ничего больше. Но...

— Не портите вашей последней фразы,—перебил его, смеясь, Лейк,—и пообещайте мне не преувеличивать риска, когда вы будете обсуждать этот вопрос с Элен... с вашей дочерью. Даете слово?

Грент кивнул головой. Он был, видимо, очень встревожен.

— Благодарю вас,—сказал Лейк.—Вы ведь, если я не ошибаюсь, упомянули, что ей известны все подробности про сублимиум?

— Нет, нет. Она просто знает, что я сделал открытие.

— А Коген?

— Пока нет. У меня с ним свидание в семь часов, и тогда я поставлю его в известность.

— Воображаю, какой это для него будет сюрприз. Ведь он все еще остается скептиком?

— Разумеется. Боюсь, что мне будет стоить немало труда убедить его переменить мнение. Ведь, он всегда, как вы знаете, смотрел на мои опыты, как на бесплодную трату времени. Он просто пользовался мной и моим именем для своих узких целей, и ничего больше.

— Насколько мне помнится, я предупреждал вас об этом вскоре после нашего приезда в Париж.

— Да, да. И я был настолько опрометчив, что не обратил на ваши слова достаточного внимания. Впрочем, это не важно. Я достиг своего, и это самое

главное. Коген теперь будет вынужден делать то, что я ему посоветую.

— Что вы этим хотите сказать?

— То, что ему теперь же придется сделать некоторые изменения.

— В ходе работ концессии?

— Именно. Я надеюсь на благоразумие Когена. Но это мы увидим. После моего свидания с ним сегодня вечером я буду знать больше. Кстати, когда мы с вами теперь снова увидимся?

— А это уже одному богу известно. Вас, как вы знаете, считают покойником, а меня Людвигом. При таких условиях нам трудно будет поддерживать знакомство, не правда ли?

— Элен очень хотела бы вас видеть.

— Честное слово?

— Она была уверена, что вы совсем вернетесь домой через несколько дней.

Лейк со вздохом погладил бороду.

— Об этом не может быть речи.—пробормотал он.—Как ни жаль, а это невозможно. Единственный квартал Парижа, которого я должен избегать, есть как раз тот, где находится ваш дом. Сюда она также не может притти. Гм... Ужасное положение, мистер Грент, прямо ужасное!

— Здесь имеется телефон?

— Да. Но это тоже не безопасно. Разве вот что:—она знакома с Шарлье?

— Знакома.

— Прекрасно. А я условился с Шарлье, что буду заходить к нему несколько раз в неделю. Если у меня будут какие-нибудь интересные новости, он берет за передавать их вам.

— Кто же это так придумал?

— Сам Шарлье. Он страстно хочет помочь нам. Это очень упрощает дело, не правда ли? Ваша дочь сможет навещать его в те дни, когда я буду являться к нему в качестве пациента за советом.

Лейк отчаянно покраснел.

— Это только в том случае, конечно, если это не будет для нее стеснительным,—поспешно прибавил он.

— Она, вероятно, постарается это сделать для себя не особенно стеснительным,—ответил Грент со странной усмешкой.—Вы всегда будете приходить одни?

— Разумеется. Неужели вы думаете, что я сам ползу головой в петлю?

— Нет, но я подумал об Элен. Я не хочу, чтобы девочка подвергалась хотя какой-нибудь опасности, Лейк. Вы не знаете, как она изменилась за последние недели. Я положительно не в состоянии ее узнать.

Грент взял за шляпу.

— Во всяком случае, я передам ей ваши слова,—пообещал он.

Дверь закрылась. Лейк посмотрел на нее некоторое время, потом откинулся на полушку и закрыл глаза.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН ВИНЬОЛЬ и НОКС. (Продолжение.)

Перевод с англ. Г. Ляндау.

ГЛАВА XVII.

Лейк был выпущен из лечебницы в следующее воскресенье.

Сдавая его, Шарлье предупредил Эрнста:

— Вы должны дать понять вашим друзьям, что хотя его память и вернулась к нему в очень значительной степени, она все же еще остается очень запутанной и очень неясной. Малейшее преждевременное ее напряжение неизбежно повлечет за собой возвращение недуга. Кроме того, вы сами, без сомнения, обратили внимание, что он еще далеко не освободился от неловкости речи. Этого надо было ожидать. Но со временем это пройдет.

— Значит, вы держитесь того мнения, что его дальнейшее пребывание могло бы только ослабить шансы на его окончательное выздоровление?

— Несомненно. Иначе бы я никогда не дал своего согласия на столь сравнительно ранний его выход отсюда. Но он будет продолжать оставаться некоторое время на моем попечении. Я сказал ему, что он будет посещать меня по крайней мере два раза в неделю. Вы не возражаете против этого?

— Разумеется, нет. Что за странный вопрос?

— Назначенные мною дни — вторник и пятница, в четыре часа. Если все мои предписания будут выполняться как следует, его полное выздоровление обеспечено. Могу я рассчитывать на ваше содействие?

— Безусловно.

— Вы будете помогать ему всеми доступными вам средствами?

— Решительно.

— Очень вам благодарен. Может быть, вы разрешите мне в таком случае дать вам некоторые указания. Когда бы вы ни заметили, что он начинает морщить лоб или вообще делать усилия и рываться в своей

памяти, возьмите на себя труд облегчить ему этот процесс, путем напоминания ему того или другого факта из его прошлого. Например, предположим, что ему попадется какой-нибудь документ, который он будет не в состоянии сразу припомнить; в течение недели или двух для него может быть очень полезно, если вы ему будете подробно растолковывать содержание такого документа. Постепенно его память будет становиться все крепче и крепче, и он все более и более будет привыкать думать и припоминать самостоятельно. Но, конечно, вы не должны ожидать, что он скоро начнет узнавать всех своих друзей и знакомых.

— Так что возможно, что некоторые из них будут казаться ему совершенно чужими?

— Более, чем возможно. Я советую ожидать этого. Но я думаю, что я могу быть спокойным, передавая его на ваше попечение.

Эрнст ответил резким поклоном и предложил свою руку Лейку. Тот заковылял к двери. Шарлье, посмотрев на него, едва сдержал улыбку. Он подумал, что сцена теряла в нем далеко не плохого актера. Прощание было непродолжительным. Пожатие руки, несколько скомканных слов, и мощная машина Эрнста, забрав скорость, бесшумно выскользнула на аллею.

Когда они свернули на усаженную тополями главную дорогу, Эрнст сказал:

— Это не моя вина, что вам пришлось так долго ждать, чтобы меня увидеть. Судя по тому, как в этой лечебнице поставлена охрана, она скорее похожа на тюрьму, чем на госпиталь. Я приезжал туда каждый день, но мне не удавалось ни попасть внутрь, ни получить настоящих сведений. Этот Шарлье положительно какая-то устрица. Все, чего я мог от него каждый раз добиться, это повторения, что он надеется на благополучный исход, и что еще рано говорить о чем-нибудь определенном. А вы? Чувствуете вы себя лучше, по крайней мере?

— О, много и много лучше. И потом этот воздух, он так укрепляет.

Лейк вздохнул и уселся поудобнее. Его мысли прыгали. Весь день он старался сопоставить различные сведения, почерпнутые им урывками со слов Эрнста о его прежней жизни. Когда они проезжали мимо замка Сен-Жермен, он приподнялся на сидении и помахал рукой.

— Как,—воскликнул он,—ведь это же кафе, где я встретил вас в первый раз два года назад. Остановимся и отметим это событие. Я бы предпочел—выпивкой.

Эрнст был в восторге. Он схватил руку Лейка и горячо потряс ее.

— Поздравляю,—закричал он,—вы снова делаетесь самим собой, Херр Людвиг. Еще бы не отметить такого события. Вы делаете мне большую честь, вспоминая о нашем первом знакомстве.

Лейк был крайне осторожен. Он более всего боялся показаться Эрнсту не в меру любопытным. Поэтому он не задавал ему никаких вопросов. Он только слушал.

Эрнст, полный приподнятого красноречия, журчал и разливался, как весенний ручей. Он вспомнил про тот великолепный случай, когда он и Людвиг сидели здесь впервые, локоть к локтю, вспомнил напитки, которым было отдано предпочтение, назвал много имен, и снабдил Лейка целым фейерверком интересных деталей. Лейк сидел превращенный в живую губку, слизывавшую каждое слово. Тут же он с удовольствием убедился, что стоило ему только запнуться или начать морщить и тереть лоб, как Эрнст моментально устремлялся к нему на помощь. За весь разговор он ни разу не оказался в затруднительном положении.

Подъезжая к Парижу, Эрнст прервал его размышления.

Нам пришлось найти для вас новую квартиру, Херр Людвиг,—сказал он. Скрывать ваше местопребывание теперь более необходимо, чем когда-либо. Французская полиция не дремлет. Нам очень хотелось оставить при вас вашего верного Карла, который так за вами ухаживал вплоть до последних событий, но что делать? Я все-таки надеюсь, что вы одобрите наши распоряжения.

— О, да,—сказал Лейк с горячностью.

В доме, к которому они подъехали, было два этажа. Нижний этаж был обставлен как техническая контора. Две трети ее были заняты большим залом, наполненным людьми, повидимому, поглощенными в свою профессиональную работу. Остальная ее часть, отгороженная стеной и помеченная над дверью очень крупной надписью „Кабинет“, была предоставлена Лейку, как его личное владение. Она состояла из библиотеки и двух маленьких приемных. Эрнст тут же ему сообщил, что в его распоряжении будет собственный секретарь.

Заведующим технической конторой оказался смуглый итальянец по имени Чекки. Он был подобающе представлен Лейку и, пробормотав что-то похожее на почтительное приветствие, объяснил, что возглавляемое им консультационное бюро служило только для отвода глаз и было обыкновенной ширмой.

— Мне будет необходимо советоваться с вами по несколько раз в день, Херр Людвиг,—проговорил он слегка в нос,—но только по конторским техническим вопросам. Если бы случилось, что какой-нибудь из помощников инженеров, или вообще кто-нибудь из штата стал вам надоедать, пожалуйста, обратитесь ко мне. Из них никто ровно ничего не знает.

Верхний этаж был отделан в виде квартиры. Лейку было достаточно одного взгляда на нее, чтобы убедиться, что все было приспособлено великолепно. Помещение было невелико, но обставлено с большим вкусом и в особенности подкупало своей необыкновенно покойной атмосферой. В главной комнате, кабинете, было так много кресел, что он обратил на это внимание.

— Как это мило! — воскликнул он вполне искренно.—Если это—ваших рук дело, Эрнст, то вы заслужили премию. Как это ни странно, но, право, я все еще чувствую, что мне будет трудно обойтись без вас.

— Это очень хорошо,—ответил Эрнст, видимо очень польщенный.—Недаром же я вам говорил, что мне поручено приложить все усилия, чтобы попытаться быть вам полезным. А теперь я думаю, что вам было бы интересно познакомиться с нашим расписанием занятий—не так ли?

— Ну, конечно.

— Совет Девяти собирается в среду. Если вы чувствуете себя достаточно хорошо, то вас будут ждать.

— Я посмотрю.

— К среде вы уже, вероятно, будете знать, в состоянии ли вы приняться за вашу старую работу. Если вы на это решитесь, то вы увидите, что здесь все было сделано, чтобы облегчить вам начало. Все ваши бумаги перенесены сюда, и вам совсем не придется утомлять себя личным общением с разными вашими агентами. Помещение внизу есть просто новая контора—ширма, как выразился Чекки. Для внешнего мира вы только технический консультант. Для нас вы—Херр Людвиг.

— Я это знаю—рассеянно сказал Лейк, возвращаясь к началу разговора,—но вы сказали, что заседание Совета Девяти в среду. Насколько я помню, вы мне ничего еще не сказали о повестке собрания.

— Повестка еще не составлена, но предмет заседания, я думаю, должен быть для вас ясен и без нее.

— Эйфелевские работы?

— Да.

— Как они двигаются?

— Я так и думал, что вы зададите мне этот вопрос в конце концов. Я ждал его, когда мы с вами проезжали через лес Сен-Жермен, и мне даже показалось, что вы хотели меня что-то спросить.

— Совершенно верно. Но какая-то мысль перебила мое намерение, и я совершенно забыл про это.

— Ну-с, прежде всего,—сказала Эрнст,—план Когена очень близок к его завершению. Если его настоящая программа будет выполнена, — правильное сказать, если мы позволим ее выполнить,—то он начнет снабжение Парижа и окружающего его пояса электрической энергией всего через каких-нибудь пять или шесть недель. Мы все готовы допустить, что этот человек в своем роде кудесник, так как он творит чудеса. И тем не менее два дня тому назад произошло нечто такое, что повергло нас всех в полное недоумение—в этом надо сознаться совершенно открыто. Сколько мы ни старались нащупать дно в этом месте, нам это не удалось.

— Переходите скорее к делу.

— Благодаря организаторскому таланту Когена, работы все время шли без сучка, без задоринки. Были, конечно, кое-какие трудности—главным образом наших рук дело,—но он прекрасно преодолел их.

— Однако на прошлой неделе случилось нечто такое, что заставило его в корне переменить планы. Он, повидимому, погрызся из-за чего-то со своими угольными поставщиками. Один из наших агентов, подписавший с ним шестимесячный контракт на поставку угля, вдруг сообщил нам, что контракт аннулирован и при том по причине какого-то самого пустячного нарушения. Судя по другим сведениям, то же самое произошло и с остальными угольными подрядчиками, так что на угольной бирже возник даже разговор о возбуждении судебного процесса против Когена. Но это еще не все. Он находился все время в очень оживленной связи с чугунно-литейными заводами, а теперь нам доносят оттуда, что он вдруг совершенно меняет модели своих топков. В течение последних дней он беспрерывно запрашивает эти заводы о совершенно новом типе печей. Одно из двух: или он затевает какую-то новую колоссальную шумиху, или произошло что-то, действительно, необыкновенное.

Лейк сидел откинувшись на спинку кресла с закрытыми глазами, и ему казалось, что он видит перед собой Грента.

— „Коген теперь будет вынужден делать то, что я ему посоветую“... „ему теперь придется сделать некоторые изменения“. — Это были собственные слова Грента— „Я убежден, что новая эпоха откроется новой моей сверх-материей, имя которой сублимиум“... „Даже концессия Эйфеля, несмотря на все богатство владеющей ею группы, должна столь же стремиться к сокращению своих эксплуатационных расходов, как и всякое другое коммерческое предприятие... Я надеюсь, что мне удастся найти такую форму утилизации сублимиума, которая разрешила бы мне вос-

пользоваться уже готовыми паровыми котлами... Топливом вместо угля будет служить железо“. — Собственные слова Грента. И потом— „Если бы сублимиум существовал во сколько-нибудь значительном количестве, и что-либо заставило бы взорваться заключающие его сосуды, то разрушения, причиненные такой катастрофой, были бы неисчислимы... Париж был бы превращен в пепел, а на его месте остался бы зиять кратер, как у вулкана“.

— В чем дело?—воскликнул Эрнст, вскакивая со своего кресла.—Вам холодно?

Лейк с трудом оторвал от лица закрывавшие его руки. Он дрожал от лихорадки.

— Это сквозняк из окошка,—сказал он,—мне надо быть более благоразумным. Шарлье предупреждал меня против этого. Но это скоро пройдет, это род судороги. Вот—уже...—он с усилием выпрямился.— Уже прошло. Я опять в порядке.

Эрнст подошел к окну и запер его. Он, видимо, чувствовал себя несколько иеловко.

— Не лучше ли было бы, если бы вы легли в постель?—спросил он.

— Не говорите вздора,—сказал Лейк.—Это просто маленький припадок. Он не более опасен, чем приступ зубной боли. Ну, так что вы говорили?

Эрнст легко сел на ручку кресла и стал покачиваться взад и вперед как гимнаст, не выпуская из руки сигары.

— Я собирался,—продолжал он,—обратить ваше внимание на интервью в газете „Время“ от последней субботы. Интервью с Когеном. Оно у меня здесь.

Он вынул из бокового кармана номер газеты и бросил его Лейку на колени.

— Вам оно покажется очень интересным. Коген сообщает о предполагаемом дне открытия станции и в заключение дает определенное обещание предоставить газетам полную возможность осмотра и описания работ.

Прочитав интервью, Лейк протяжно свистнул. Было ясно, как день, что Коген намеренно проглотил весь вопрос о топливе и об угле.

Об этом не было ни полслова. Лейк свистнул еще раз. Разве ему не напрашивался случай поразить Эрнста своими познаниями и сообразительностью? Что могло быть более неизбежно, чем открытие существа всего этого секрета через какую-нибудь одну, или две недели? Почему бы тогда не пойти с этой великоленной карты, которую сам Эрнст свал ему в руки? Вреда от его открытия не может быть никакого, а вместе с тем он одним ударом докажет, что хотя его память все еще не совсем оправилась, его острота и точность суждения остались прежними.

— Да,—проговорил он.—Все это на самом деле очень интересно. Но неужели вы не заметили, Эрнст, что здесь есть один весьма важный пропуск.

— Где?—неохотно спросил Эрнст. Он никогда не любил признаваться, что чего-нибудь не заметил.

— Вы, разумеется, пробежали это интервью без вашей обычной обстоятельности и вдумчивости,—продолжал Лейк.—Если вы потрудитесь взглянуть на него еще раз, то вы, конечно, увидите, что Коген, обещая дать описание всей станции с самого начала и до конца, пропустил все начало. Он оставил в стороне весь вопрос о печах и топливе.

— Да разве?

— Я вам серьезно удивляюсь, Эрнст. Где были ваши глаза? Но это—между прочим. В свете той информации, которую вы мне доставили, я совершенно ясно вижу одну вещь: кому-то удалось раскрыть тайну атомов.

Эрнст быстро соскочил с ручки кресла.

— Но это немыслимо?—воскликнул он.—Грент мертв.

— Что же из того, что мертв? Разве у него мало было талантливых помощников? Раскиньте немного мозгами, дорогой мой. Если бы Коген решился на какой-нибудь меньший шаг, например, на замену угля нефтью, неужели бы он не вспомнил про это в этом самом интервью? Это означает, Эрнст,—я готов поставить на карту собственную жизнь,—что кто-то из людей покойного Грента нашел путь к получению атомной энергии и что Коген и его группа собираются приступить к эксплуатации нового рода топлива. Неужели вы этого не видите сами?

— Это выглядит очень похоже на правду,—сказал с беспокойством Эрнст.—Что же нам в таком случае остается делать?

— Вот это, действительно, вполне уместный вопрос,—сказал Лейк,—на который я, право, не знаю, как вам сразу ответить.

На сей раз это была, с его стороны, чистая правда.

— Единственно, что я знаю,—продолжал он,—так это то, что кто-нибудь из нас должен войти в тесное соприкосновение с лабораторией Грента. До тех пор, пока мы не будем осведомлены по-настоящему с положением вещей на месте, мы не сумеем ступить

ни шагу. Возможно, что это дело лучше всего будет поручить мне.

— Я вполне присоединяюсь к этому,—горячо сказал Эрнст.—Но что бы вы сказали, если бы мы прямо отсюда отправились к Сториани? Автомобиль ждет у подъезда, и наш первый долг—поставить его в известность.

Лейк решительно сослался на свою усталость. Он указал на позднее время и на риск не застать Сториани дома, а главное на легкую возможность ущерба для их общего дела, если он, с самого же начала не будет бережно относиться к начинавшемуся восстановлению своего здоровья. При этом он, конечно, умолчал о том, что ему хотелось как можно дольше держаться подальше от Сториани, а также о своем все увеличивавшемся нетерпении поскорее остаться наедине с бумагами Херра Людвига.

Эрнст, надо отдать ему справедливость, был исключительно внимателен. Кивнув несколько раз головой, с автоматичностью мандарина, в ответ на доводы Лейка, он вызвался поехать к Сториани один.

— Вы, ведь, будете у меня завтра, разумеется?—спросил Лейк.

— Сейчас же после вашего утреннего завтрака. Что вы намерены сейчас делать? Спать?

— Да, я сейчас лягу. Я смертельно устал. Для человека, стоящего одной ногой в могиле, это был очень тяжелый день. Я засну прежде, чем вы дойдете до автомобиля.

— Так устали? Ну, желаю вам сладких снов в таком случае.

Лейк усмехнулся и тихо закрыл за ним дверь. Подождав две-три минуты, он запер ее на ключ и накинул крючок.

Затем, бормоча что-то себе под нос, он открыл стальную шкапулку, взял из нее пачку бумаг и разложил их на столе.

Он поднял голову только тогда, когда понадобилось зажечь свет.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН ВИНЬОЛЬ И НОКС. (Окончание.)

Перев. с англ. Г. Ландау.

ГЛАВА XXIV.

В одном из помещений электрической станции Лейк поймал легкий знак головой, сделанный ему запачканным человеком, стоявшим в дверях маленькой будки.

— Не одолжите ли спички?—спросил рабочий. Он говорил с явным ирландским акцентом.

— Пожалуйста,—сказал Лейк, роясь в кармане.

— Осматривали станцию?

— Да.

— Вам везет. Как вы ухитрились устроить это, Херр Людвиг?

Если бы Лейка полоснули в этот миг сзади ножом по шее, он не был бы так поражен, как в этом случае. Когда миновал первый момент оцепенения, он прыгнул вперед и схватил человека за плечи.

— Кто вы такой?—гневно и хрипло спросил он.

Ирландец осклабился.

— О'Дауд. Даниель О'Дауд.

— Я вас раньше никогда не видел.

— Что вы тут делаете?

— Ничего, конечно. Это место не для того, чтобы сюда ходить бриться, не правда ли?

— Я думаю. О'Дауд, вы говорите?

— Это мое имя.

— Ирландец или американец?

— И то и другое. Могу этим гордиться.

— Вы наняты сюда Когеном?

— А кем же еще, как не Когеном?

— В качестве кого?

— Механика.

— Как давно на работе?

— Да, вы что, полицейский что ли?

— Отвечайте, когда вас спрашивают.

— С самого начала.

— Так. А куда же вы гнете?

— Туда же, куда и вы,—скорее огрызнулся, чем ответил ирландец.

Будь Лейк менее взволнован, он бы давно заметил, что ирландская кровь его собеседника бурлила. Ему казалось, что ему наступили на ногу, что с ним разговаривали, как с низшим, что на него смотрели, как на какого-то червяка, которого можно в любой момент вбить каблуком в землю. Его возмущал и этот допрос, и тон, которым он велся. Его усмешка сменялась злобной гримасой, он как-то весь собрался и сжал красные кулаки.

— Это еще что?—резко сказал Лейк.—Зачем вы здесь, я спрашиваю?

— Пошли к дьяволу.

Лейк сделал непростительную ошибку, протянув руку, чтобы схватить О'Дауда за шиворот. Он тотчас же в ней раскаялся. Жестокий удар по челюсти заставил его отлететь к стене будки. Он не свалился, но был сильно ошеломлен. О'Дауд тем временем быстро направился к выходу.

Лейк не бросился его догонять. Он вернулся к тому месту, где Грент и Коген все еще продолжали развивать свою техническую дискуссию. Он не сразу упомянул о своей странной встрече, так как был слишком поглощен вопросом,—принадлежал ли О'Дауд к банде Сториани? Положительный ответ на него напрашивался сам собой.

Прежде чем он пришел к какому-нибудь заключению, Коген взял его под руку и повел к лифту. Они поднялись на самый верхний этаж башни, превращенный теперь в одну комнату.

— Здесь,—сказал Коген, открывая дверь,—помещается мозг станции.

Он связан телефонными проволоками с каждой существенной частью всей установки, так что дежурный инженер может установить в любой момент быстрый и исчерпывающий контроль. Взгляните на распределительный щит—ну разве не красота? Человек, сидящий против него, может управлять вольтажем любого из генераторов, а измерительные приборы в этой комнате устроены специально таким образом, что они ведут точную и непрерывную запись работы, производимой каждой машиной и каждым трансформатором. Кроме того, они могут давать отчет о точном количестве и разряде энергии, посылаемой на различные станции.

Лейк, еще не пришедший в себя после удара по челюсти, был окончательно подавлен видом смотревших на него бесчисленных аппаратов.

Придя домой, Лейк тотчас же погрузился в просмотр целого ряда записных книжек, которые когда-то составляли собственность покойного Херра Людвига. В одной из них он наткнулся на следующую, сделанную карандашом, заметку.

— Даниель О'Дауд. Родился в 1894 г., в Дублине, родители неизвестны, жил в Ливерпуле, а потом в Нью-Йорке, получил место в Телефонной компании и дошел до положения механика. Член многих ирландских революционных клубов. Общее знание мореходного дела. Говорит по-английски и немного по-французски. Ездил в Ирландию во время Великой войны и сильно замешан в восстании синфейнеров. Может быть с успехом использован, как агент, если только достаточно поманить перспективой освобождения Ирландии из-под английского владычества. Подходящий человек для взрыва больших сооружений. Работает под разными именами.

ГЛАВА XXV.

Лейк воспользовался первым же случаем, чтобы переговорить обо всем с Шарлье. Ему пришлось запастись для этого известным терпением, т. к. хирург выехал на несколько дней в Монте-Карло, вызванный туда каким-то пациентом. Спусти несколько часов после его возвращения, он уже жадно слушал все подробности взволновавшей Лейка истории.

— Что вам от меня требуется?—спросил он.

— Нужно, чтобы вы увидались с начальником полиции, и немедленно. Ведь он ваш личный друг, если не ошибаюсь?

— Да.

— Я так и думал. Вы должны побудить его сделать все приготовления к налету на дом Металлургической Компании. Сегодня—двадцать третьего—Коген устраивает прием более чем тысячи человек гостей по поводу открытия Эйфелевой концессии,—так сказать смотр для всей прессы. Вечером, двадцать пятого, станция должна быть формально пущена в ход, а в четыре часа того же дня назначено окончательное собрание Совета Девяти. Доктор, я хочу, чтобы вы убедили начальника полиции назначить налет таким образом, чтобы первая атака была произведена ровнехонько в пять часов.

— Первая атака?

— Да. Я не знаю, можем ли мы надеяться овладеть этим местом с наскока. По всей вероятности понадобится сделать целый ряд приступов. Полиция должна с собой захватить все принадлежности, необходимые для взламывания дверей и стальной стены. Утром у меня свидание со Сториани, после которого, вероятно, мне будет нетрудно нанести визит в помещение архива.

Первая атака должна быть сделана ровно в пять. До того момента необходимо соблюдать самую строгую тайну—внушите это полиции. Один намек с ее стороны—и все погубило. Попросите начальника мобилизовать всех своих агентов. Они могут понадобиться ему все. Я сделал набросок внутреннего расположения здания, вы можете его ему передать. Если он выполнит план, как следует, то приблизительно через час он достигнет штаб-квартиры Сториани.

— Вы будете на собрании?

— Обязательно. Может быть окажется весьма кстати, если вы предупредите начальника, что среди прочих арестованных будет англичанин по имени Лейк.

— Я так и сделаю. Я увижу его во что бы то ни стало сегодня вечером.

К счастью для Лейка у зрителя был острый приступ мигрени. Он испустил добрый десяток жалоб, прежде чем Лейк собрался высказать ему свою просьбу. Помещение, по его словам, было прямо каким-то моргом, а его комната душной гробницей. Что касается его хозяев, то они положительно не понимали, что даже страж документов обладает правом дышать время от времени свежим воздухом.

— Я бы избавился от головной боли, если бы мог хотя бы на пять минут выйти на крышу,—простонал он.—Можете себе представить, Херр Людвиг, что я не видел солнца, иначе как через окна, в течение целых трех месяцев,

— Да кто же вам мешает выйти на крышу,—спросил Лейк, хватаясь за неожиданный подарок судьбы.

— Не могу же я оставить комнату совсем без надзора. Начальник строго поставил мне это на вид, когда мы с ним уговаривались о месте.

— Я понимаю, но комната никак не может остаться без надзора, пока я буду сидеть в ней. Я никуда не спешу. Покажите, где я могу взять мои бумаги, и потом вы можете остаться на вашей крыше, сколько вам будет угодно.

— Это очень любезно с вашей стороны, Херр Людвиг.

— Очень рад, уверяю вас.

— Я только на пять минут, не больше.

— Оставайтесь подольше. Наглотайтесь там столько воздуха, чтобы вам его хватило до следующей недели. Вы бы уж это могли сделать, пока мы разговаривали.

— Тогда на десять минут.

— На пятнадцать,—сказал Лейк.—Я за это время как раз просмотрю свои бумаги.

— Хорошо. На пятнадцать. Дверь лучше закрыть?

— Пожалуйста.

Когда зритель вернулся, Лейк сладко позевывал около камина, но замена уже была сделана. Она потребовала не

многим более одной минуты. Один поворот винта, несколько разобренных проволок, выгиб медной колонки, и дело было сделано. Заряженный патрон мирно покоился в левом кармане его жилета.

Наступила среда, 23-го, тусклый день с редкими порывами острого, несущего мелкий ледяной дождь ветра. Коген выбрал 8 часов вечера для официального момента открытия,—но уже за два часа до того небольшая толпа выстроилась на крытом помосте в нескольких ярдах от башни Эйфеля, чтобы посмотреть, не произойдет ли чего-нибудь интересного во время предварительной пробы. Хотя ни Грент, ни Коген не боялись какой бы то ни было катастрофы, они все же не могли не сознавать, что им приходилось иметь дело с совершенно новой силой, только что вышедшей за пределы лабораторных опытов, и что всегда можно было ожидать непредвиденных инцидентов. Поэтому число свидетелей этого первого применения сублимиума для промышленных целей было доведено до минимума. Коген, Лейк, Элен, инженер при котлах и топках, Грент, как всегда, тщательно переодетый, человек восемь журналистов и небольшая кучка ученых и техников.

При общем нервном напряжении присутствовавших инженер выступил вперед, чтобы произвести первую моментальную пробу. В одном конце котельной был устроен высокий помост, который открывал вид на распределительный щит. Лейк заметил, что особая электрическая кнопка отвечала каждому из кранов на трубах с сублимиумом, и что там было два главных выключателя. Один управлял кранами, дававшими сублимиуму доступ к котлам, и другой теми, которые соединяли боковые и главные трубы.

Коген, стоявший совершенно отдельно, отдавал приказания.

— Мистер Аркрайт,—сказал он при гробовом молчании,—будьте любезны прекратить доступ сублимиума к боковым трубам.

— Инженер двинул рычаг, при чем послышался треск, похожий на щелканье игрушечного револьвера. Передвинувшие стержни закрыли краны.

— Теперь другие краны, пожалуйста, начав с номера первого.—Аркрайт надавил кнопку, и снова послышался такой же легкий треск, за которым сейчас же последовал шипящий звук.

— Откройте от второго до пятого, мистер Аркрайт,—сказал Коген. Свистящий шум сделался громче.—Все в порядке, не правда ли?

Инженер кивнул головой.

— Хорошо. Включите остальные.

Краны, ведущие к печам, открылись так же легко, как закрылись другие, после чего к свисту присоединился вдруг шум, как от внезапно поднявшегося ветра. Коген достал из кармана клочек папиросной бумаги и разжал пальцы. Клочок был немедленно подхвачен воздухом, как лист, и понесся к колодцу ближайшей печи.

— Тянет прекрасно,—крикнул Коген.—Все в порядке, мистер Аркрайт?

— Точно так, сэр?

Коген хлопнул в ладоши.

— Пожалуйста вниз и полюбуйтесь,—закричал он зрителям.—Здесь есть на что поглядеть. Поведение сублимиума точно такое же, как и в лаборатории. Он вполне безопасен.

Лейк обратил внимание Элен на то, что при каждой печи имелась труба, напоминавшая трубку микроскопа. Она была ярко отполирована, и ее сильно утолщенные концы состояла из „рефрактона“.

Сублимиум был в действии всего только несколько минут но это уже сказывалось. Широкая рефрактоновая труба была раскалена до-бела, и вокруг нее было расплавленное железо. Обрез металла выглядел черно-серым и холодным, но когда взгляд скользил от внешнего края внутрь, то легко было проследить все переходы—от тускло-красного цвета накала в самом начале к ярко вишневному дальше и к радужному в конце, середина сверкала свирепым белым блеском жидкого железа. Эта часть была в состоянии бурного волнения.

Лейк наклонился к плечу Грента и спросил шопотом.

— Скажите, железо в действительности кипит?

— Нет,—не поворачивая к нему головы, ответил ученый.—Мы держим его до температуры кипения. Иначе оно стало бы осаждаться на котельных трубах. Оно кажется кипящим по

двум причинам: частью благодаря бомбардировке распающихся атомов, а частью вследствие движения продуваемого через него воздуха.

Коген с руками, скрещенными на груди, продолжал давать следующие инструкции.

— Начните подъем рефрактоновых труб вон из металла, мистер Аркрайт,—крикнул он.

Совершенно зачарованный Лейк увидел, как тяжелые трубы начали подниматься, кольца массы ослепительного прозрачного света. По мере приближения нижнего конца трубы он увидел, что по направлению ее оси спускался яркий луч света, образуя внизу воронки совершенно ослепительного блеска.

Грент сжал руку Лейка.

— Это час моего торжества, Лейк. Теперь уже не может быть никакого сомнения после этого практического успеха сублимиума. Вся остальная часть процесса—турбины, динамо, трансформаторы и прочее, все это не выходит из пределов повседневной рутины.

— Я чувствую, что я готов опуститься на колени,—сказал Лейк дрогнувшим голосом.

— Я тоже,—ответил Грент.

— Чудесно,—вздыхнула Элен.

Демонстрация вскоре окончилась, и публика была приглашена в Трокадеро, где Коген, с обычной для него предосторожностью, приготовил достойный завтрак.

В 8 часов вечера все вокруг кишело народом. Главным гостем был президент Франции, прибывший в сопровождении большинства министров. Вряд ли когда-нибудь Париж видел более блестящее собрание представителей капитала. Все подходы к станции были заняты публикой и движение около нее совершенно приостановилось.

Тщательно подготовленная речь президента была произнесена им с большим ораторским эффектом. Ее вступительные слова сразу приковали всеобщее внимание.

— Ни один государственный человек,—начал он,—не имел никогда чести сделать более знаменательного заявления, чем то, которое выпало сегодня на мою долю. Мы сошлись здесь не только для того, чтобы отметить открытие мощного предприятия для объединения больших масс энергии, но и для того, чтобы объявить во всеуслышание о величайшем открытии, бывшем мечтой в течение ряда веков и вводящем все человечество в обладание такими благами, перед которыми бледнеют все сказочные сокровища, ослепившие глаза Аладдина. Атомы, составляющие всякую материю, могут быть отныне разложены, а освобождающаяся при этом энергия превращена в полезную работу.

Буря восклицаний и аплодисментов прервала эти слова. Подняв руку, он восстановил тишину.

— Человек с незапамятных времен имел у себя под ногами сокровища, о которых он не имел представления. Но мало по малу он научился эти сокровища использовать для своих нужд... долго еще говорил президент и, наконец, перешел к созданию Эйфелевой Концессии... Объединяя производство энергии в одних руках, говорил он, мы шли по пути великой экономии запасов топлива и потому, когда мистер Коген развернул перед нами свой план, мы не замедлили откликнуться на его предложение.

Его искусство в практическом осуществлении того, что казалось сперва только мечтой, скоро вызвало в нас и заслужило наше глубочайшее восхищение. Результаты его трудов находятся перед вашими глазами. Значение станции станет лучше всего понятным, если я просто скажу, что ни одного грамма угля не было сожжено в печах, которые вы вокруг себя видите. Вся энергия, необходимая для приведения в движение этих громадных машин, доставляется ни чем иным, как освобожденными атомами железа. Уголь заменен железом, при чем—все количество сублимиума, потребное для совершения этого чуда, не в состоянии будет наполнить собой маленькой рюмки.

Новая буря аплодисментов ответила на эти слова.

— Я с трудом осмеливаюсь очертить те последствия, которые должно повлечь за собой это открытие,—продолжал Президент.—В лице угля перед нами не было неисчерпаемых запасов полезных благ, между тем как энергия атомов совершенно беспредельна и по количеству и по времени. С ней мы подходим впервые к неразрешенной до сих пор задаче борьбы с нищетой и бедностью, с полной уверенностью ее

разрешить, эта энергия раз и навсегда отменяет уродующую и уничтожающую человека страшную работу, открывая ему вечный текущий счет в том величайшем банке природы, который никогда не знает банкротства.

Те печи, которые стоят там, в отделении, представляют собой массы расплавленного металла, а возвышающиеся над ними котлы трепещут от силы наполняющего их и ждущего выпуска пара. Когда я нажму эту кнопку, пар вступит в турбины, электрические генераторы завертятся, и трансформированный ток помчится по воздуху к местам своего назначения. Граждане! Эта минута полна высокой торжественности. Я прошу вас встретить ее молчанием.

Наступила полная тишина, лишь с далеких бульваров доносилось сложное гудение города. Притихшая толпа не спускала глаз с руки Президента, которая медленно потянулась к блестящей белой точке.

Вслед за этим раздался взрыв, как выстрел из большой пушки. Лейк в ужасе откинулся назад. Страшная мысль о катастрофе сверкнула в его мозгу.

Но он ошибся. Взрыв был просто задуман все тем же Когеном, чтобы на миг сконцентрировать общее внимание. В верхнем этаже Башни находилась целая серия ракет, которые должны были взорваться в одно мгновение. Когда огненные шары взвились метеорами к небу, общий крик подтвердил эффект произведенного впечатления.

Затем послышался голос станции. Низкий гудящий шум становился все выше и громче, по мере того, как повышалась скорость пущенных в ход машин. А над ним вился острый шипящий, характерный для электричества свист. Мало по малу бесчисленные проволоки вокруг Башни Эйфеля стали светиться в густом сумраке вечера. Легкая пламенная бахрома стала появляться тут и там, и через несколько времени вся башня превратилась в сверкающий кружевной шафер, где каждая проволока светилась собственным светом.

Восторг, охвативший зрителей, перешел все границы. Воздух буквально стонал от криков; степенные люди, которых никто никогда не видал подающими признаки волнения, кричали теперь во всю глотку, или швыряли вверх свои шляпы, некоторые женщины, потерявшие власть над своими нервами, громко и испуганно всхлипывали, открыто и без стеснения прижимаясь к своим соседям. Раздавшиеся с бульваров волнующие звуки марсельезы были как бы последним торжественным аккордом.

— Пусть себе дураки радуются,—раздался голос над ухом Лейка.—Пусть себе дерут глотку этой проклятой песней. Посмотрим, как они ее запоют двадцать пятого.

Быстро обернувшись, Лейк увидел скосившиеся выпуклые глаза Сториана.

Искусно лавируя, он скрылся в толпе.

ГЛАВА XXVI.

Следуя тону, данному президентом, газеты на следующий день разразились длинными хвалебными статьями, авторы которых старались предугадать последствия этого исключительного общественного и технического события.

Деловой мир реагировал на событие с еще большей пылкостью и быстротой, чем обыкновенная публика. Парижская биржа, как и все биржи Европы, открылась на утро при состоянии крайнего возбуждения. Акции Эйфелевой Концессии сразу взлетели на недосягаемую высоту. Они были предложены в свое время публике по нарицательной стоимости, с особым предпочтением в пользу мелких держателей, так что по большей части находились теперь в руках первоначальных владельцев, а не спекулянтов. Приказы покупать текли со всех концов мира. Члены одной только Лондонской биржи настойчиво телеграфировали запросы, во много раз превышающие весь капитал предприятия.

К 11-ти часам 100-франковые акции котировались уже между 750 и 900. Позже, когда появились утренние бюллетени, они прыгнули еще выше. Но самую большую сенсацию вызвало сообщение „Парижского Дня“, открывшее точные условия соглашения между Грентом и Эйфелевой Концессией.

Это известие настолько всполошило публику, что когда, вечером, биржа закрылась при резко повышенном настроении, последняя ходовая цена 100-франковой акции была 4.785 франков. Игра не замедлила сказаться и на остальных рынках. Акции нефтяных и угольных предприятий, после

дня непрерывного понижения упали до пятидесяти за сто при самых мрачных перспективах на будущее время. Электрические предприятия, наоборот, поднялись в глазах покупателей, так как публика верила, что группа Когена будет поддерживать их существование, как потребителей сублимиума.

Во всех кафе единственной темой для разговоров был сублимиум.

В общем и целом отношение широкой публики не выходило за пределы обычной житейской пошлости. Торжественное заявление президента относительно близости разрешения великих общественных проблем совершенно не нашло своего отклика, бесчисленные посетители и спорщики бесчисленных кафе думали лишь о том, как бы извлечь из этого прибыль.

Лейк был занят весь день и лишь к 8 часам попал к Шарлье.

Он нашел хирурга в состоянии полного нервного расстройства.

— Мои отношения с начальником полиции — на острие ножа со вчерашнего вечера, — пылко воскликнул он. — Он слишком невыдержан для такого поста, и моя дружба с ним практически окончена. Я убеждал его, пока у меня не распух язык. Ах, эти чиновники. Они не умеют смотреть дальше своего носа.

— Но я все-таки надеюсь, что он не собирается выступить раньше времени, — с опаской спросил Лейк.

— Он именно это и хотел сделать. Если бы я не удержал его, он собрал бы всю парижскую полицию и сделал налет на Металлургическую Компанию еще вчера вечером. К счастью, мне удалось внушить ему действовать благоразумно.

— Какая же его программа?

— Завтра, без пяти пять, десять больших госпитальных карет будут пушены с Северного вокзала. На каждой из них будет по двенадцати отборных людей. Кареты будут не торопясь двигаться, пока не достигнут здания. Затем, ровно в пять, по свистку...

— Прекрасно, — воскликнул Лейк. — Они будут застигнуты врасплох. Полицейские будут вооружены, я полагаю?

— Конечно, при них будет также аппарат для вскрытия стальных дверей.

— Кто будет ими командовать?

— Начальник полиции. Он ни за что на свете не упустит такого случая выдвинуться. Он там будет во всем блеске своего мундира.

Поговорив еще минут пять, Лейк и Шарлье расстались.

ГЛАВА XXVII.

Когда часы на внешней стене здания Металлургической Компании прозвонили первый удар из четырех, Сториани медленно поднялся со своего места и тронул звонок.

— Товарищи, — проговорил он еще более сдавленно, чем обыкновенно. — Сегодня — наш день.

Ропот глубокого и жуткого удовлетворения ответил на эти слова председателя собрания. Сториани сидел на своем обычном месте, перед ним полукругом был весь Совет Девяти.

— Сегодня — наш день, — повторил Сториани, смакуя эти слова, словно они оставляли на его языке пряный и острый вкус. — Наш день!

Он никогда еще не выглядел более отталкивающим.

— В семь часов вечера, — продолжал он, — то-есть меньше чем через три часа с этой минуты, великая цель, для которой мы столько работали, будет достигнута. В семь часов Эйфелевская Концессия взлетит к небесам в виде урагана обломков. Все, что от нее останется — это груда развалин.

Сториани говорил некоторое время, не задевая ничего существенного, потом принялся повторять то же самое, что им говорилось на прошлом собрании. Он очень подробно останавливался на подготовленных им всюду разрушениях. Вода из бассейнов и резервуаров будет выпущена, мосты будут взорваны, нефтяные вышки подожжены — все это в один и тот же момент. Вся эта старая чепуха в устах заведомого мошенника могла только смешить Лейка. Сториани даже не постарался подкрасить все эти вздорные измышления оттенком искренности и напоминал повторяющего в сотый раз

один и тот же рассказ, тоном профессионального декламатора. Это не мешало доверившимся ему людям, сидевшим против него, ловить каждое его слово с такой жадностью, словно оно было жемчужиной.

— Без двадцати минут пять, — Сториани принял новую позу. Он кончил лгать и теперь переходил к действительности. Лейк читал его мысли, как в книге: следующая часть его речи будет посвящена Эйфелевой Концессии. Так оно и случилось.

— То, что я намерен теперь сообщить вам, — сказал он, — будет, пожалуй, то, чего вы более всего ожидаете.

Сториани наклонил голову. Раньше чем продолжать, он сделал большой глоток из стоявшего перед ним стакана. Потом, протянув руку к обгной железом шкапулке, он вынул большой лист пергаментной бумаги. Лейк приподнялся с места, чтобы лучше увидеть. Это был план станционного устройства с подробным расположением паровых котлов, динамо и трансформаторов. Все это пересекалось большим числом красных линий.

— Вот, — сказал Сториани, обращая пергамент к свету.

— Видите вы эти цветные линии? Они обозначают места, где расположены взрывчатые материалы. Сегодня вечером, в семь часов, станция Эйфеля будет стерта с лица земли. Под каждым котлом, каждым трансформатором и каждой динамо-машиной находится по сто килограммов „рекерока“. Материал этот был заложен туда Даниэлем О'Даудом много недель тому назад, когда еще только закладывались бетонные основания. Я держал это при себе из опасения, как бы кто-нибудь, хотя бы и совершенно случайно, не выдал этой тайны. Это, конечно, не значит, что я хоть сколько-нибудь не доверяю кому-нибудь из вас, но в деле такого рода не может быть границ для предосторожности. Кроме того, мне хотелось напоследок подогреть ваш энтузиазм, который бы влил в нас новые силы.

Бисстинг первый разразился аплодисментами, которые потом длились добрых три минуты.

— Однако как бы хорошо ни был задуман тот или иной план, — продолжал Сториани, когда буря восторгов несколько утихла, — он всегда может почему-либо не удался. На этот случай, если бы „рекерок“, по несчастью, не взорвался, имеется еще одна схема, успех которой вполне обеспечен. Немного раньше того момента, на который назначен взрыв, будет выпущен на свободу фабрикующийся в лаборатории Грента сублимиум. Этим мы тоже обязаны Даниэлю О'Дауду. Сублимиум в избытке потечет в печи Станции, не в меру поднимет пар, потом увеличит скорость турбин и генераторов и потечет назад в лабораторию, где произведет немедленное разрушение.

Волосы Лейка поднялись дыбом. Здесь перед ним было живое воплощение того самого демона, о котором так боялся говорить Грент. Опустив взор, он заметил, что на часах было без четырнадцати минут пять. Носки его ног отбивали по ковру мелкую дрожь.

— Так что, если не удастся один план, — продолжал Сториани, — то удастся другой. О'Дауд хорошо справился со своим делом. От его будки до „рекерока“ ведет изрядное число проволок. Он протянул их с помощью двух других людей, полагавших, что они прокладывают телефонную проволоку. Работа велась под наблюдением самого Когена. Дурак... У него ума не больше, чем у канарейки. Коген, тот самый гений, тот человек, который, если верить газетам, не делает никогда никаких ошибок — он сам смотрел на эту работу и не задал ни одного вопроса.

— А как же произойдет взрыв? — спросил Лейк, употребляя нечеловеческие усилия, чтобы скрыть все более леденивший его кровь ужас.

— В нескольких ярдах от башни находится будка О'Дауда, о которой я упоминал ранее. Там под цыновкой, около двери, скрыт часовой механизм, поставленный ровно на семь часов без одной минуты. Он установлен сегодня утром. Он передвинет контакт и включит ток. Потом...

— А это устройство не было нарушено, когда Коген распорядился переделать топку?

— Нет. Меньше чем три часа тому назад О'Дауд повторил мне, что все в полном порядке. — Его лицо выражало полное удовлетворение.

— Под каждым котлом, каждым трансформатором и каждой динамо-машиной...

Его последние слова потерялись в неясном бормотании. Там, в коридоре, кто-то вопил страшным истеричным голо-сом. Все девять в ужасе повернулись к дверям.

В тот же момент дверь вылетела с такой силой, что ее обломки громко посыпались на камни. О'Дауд с дежурным служителем, висевшим на его шее, ворвался в комнату, покатился через попавшееся по дороге кресло и, вскочив, как пружина, кинулся к Сториани.

Лейк сразу узнал его и сразу же понял, что случилось что-то ужасное. О'Дауд был на границе обморока. Его пиджак был превращен в клочья, кровь текла из многих порезов, одна штанина была разодрана на бедре до самого колена, а ворот рубашки болтался на одной нитке.

Лейк быстро попятился к дверям, держа в кармане сжимающую револьвер руку.

— Мы преданы,—крикнул О'Дауд,—мы преданы... Грент жив. Я видел его сам. Я его сам слышал. Он вошел в мою будку вместе с Когеном, —меня не было видно, и я слышал, как они говорили о налете сегодня в пять. Я знаю—это был Грент. Коген называл его по имени. Предатель—Лейк, проклятый англичанин, выдающий себя за Людвига. Он здесь. Держите его.

Как пантера Сториани вцепился в горло О'Дауда и швырнул его на колени.

— Что вы такое мелете,—захрипел он.—Налет? Грент жив? Англичанин, выдающий себя за Людвига? О чем, дьявол, вы говорите?

— Я говорю правду. Я все слышал. Я был в ярде от них. Полиция здесь будет в пять часов. Держите Лейка. Он предатель.

Лейк не стал слушать дальше. Не дожидаясь атаки, он выстрелил для смятения в воздух и, повернувшись, кинулся вдоль по коридору. В поднимавшемся затем шуме он не мог разобрать ни одного слова, и только, когда он добежал до дверей архива, до него донесся отчетливый крик.

— Архив. Уничтожьте архив.

Лейк нагнул голову и сделал последний отчаянный прыжок.

Было время. Не успел он еще коснуться ногами пола, как стальная треск, раздавшийся у него за спиной, сообщил ему, что стенка упала.

Схватившись неверной рукой за стул, он обратился благодарной мыслью к холостому патрону.

Он был в плену, но в безопасности.

ГЛАВА XXV. II.

Лейк метался из конца в конец комнаты в бешеных, но бесплодных поисках выхода. В семь часов без одной минуты часовой механизм в будке у башни Эйфеля замкнет роковую цепь. Его часы остались там, в зале Совета, и он не знал точного времени. Он только знал, что было позе пяти. Полиция, вероятно, уже заняла здание. Однако эта мысль не доставила ему облегчения. Каждый миг приближал страшную катастрофу, а он был замкнут здесь, в этом громадном непроницаемом стальном шкафу.

Он стал бить кулаками в стену. Окружавшая его тишина была невыносимой.

Но вдруг тусклый, но близкий звук частого постукивания коснулся его уха. Он крикнул. Он не ошибся. Полиция была близко и пробовала стальную стенку.

Притронувшись рукой к двери, он тотчас отдернул ее назад, с обожженными пальцами. Некоторое время спустя—он не знал минуты или часы протекли до этого блаженного мгновенья—он заметил, что часть стенки стала заметно краснеть. Потом раскалилась добела и, наконец,—стала плавиться. Очень скоро было вырезано большое отверстие и люди хлынули в комнату. К великому гневу Лейка, он немедленно очутился в руках пары дожих полицейских.

— Что вы, чорт, со мной делаете?—яростно крикнул он.— Это что—арест?

— Конечно, арест. А вы что же думали?

Лейк, охваченный только одной мыслью—лететь на Станцию, бросился вперед головой и пырнул стоявшего к нему ближе человека в живот. Но сейчас же очутился на полу, с сидящими у него на груди полицейскими.

— Ведите меня к префекту,—завопил он.—Живо! Я—Лейк. Я—Лейк, секретарь Грента.

— Что?

— Я не имею ничего общего с организацией. Где ваш начальник или д-р Шарль? Они сразу все поймут.

Шарлье был по уши в работе, стараясь смягчить последствия, вызванные стрельбой. Когда Лейка втолкнули в комнату, то первое, что он увидел, была фигура Эрнста, распростертая во весь рост на полу. Ужасная рана зияла на его лбу.

Шарлье поднял голову. Увидев Лейка, он испустил громкий крик торжества и привлек его к себе на грудь.

— Как я счастлив,—закричал он—Я уже думал, что вас убил.

— Прикажите меня скорее освободить,—взмолился Лейк.— Нам еще много надо сделать. Который час?

Шарлье вынул часы.

— Без двадцати пяти семь,—сказал он.

Лейк схватил его за руку.

— Коген здесь?

— Нет.

— А Грент?

— Тоже нет.

— Телефон в порядке?

— Все телефоны выключены с момента налета.

— Какой ужас!—Лейк схватился за волосы.—Скажите полицейским, кто я такой, и скорее назад, к префекту. Мы должны быть на станции до семи часов. Все готово, чтобы и станция и лаборатория были взорваны в это самое время.

Шарлье кинул какое-то слово, полицейские немедленно выпустили Лейка, а оба друга полетели вниз к автомобилю.

Улицы уже блистали огнями. Париж кипел жизнью. Многообещающее сиянье утра сменилось мелким упорным дождем, мостовые были влажны и скользки. Оглушая криками своей сирены, мощная машина вырвалась на улицу Лафайетт, сверкнула мимо Оперы, промчалась вдоль бульваров до Мадлен и выпрыгнула к полям по улице Ройаль.

Поворот в Елисейские Поля для мотора, идущего полным ходом, один из самых трудных во всем мире. Как на зло женщина и двое детей, перебежавших в этот миг дорогу, потеряли голову перед выскочившим стрелой чудовищем. Вместо того, чтобы вернуться на тротуар, они стали как вкопанные, не в силах двинуть ни одним членом.

Шофер, только что сделавший бешеный поворот на полном ходу, инстинктивно нажал на тормоза и потерял власть над машиной. Она круто повернулась и налетела на асфальтовую площадку для пешеходов посреди улицы.

— Берегитесь,—дико кричал Лейк, вцепившись в руку Шарлье, и закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, он увидел себя, к полному своему недоумению, сидящим прислонившись к стене Большого Дворца. Часы на колокольне далекой церкви показывали без десяти семь.

ГЛАВА XXIX.

Как и с чьей помощью он добрался до Большого Дворца, он совершенно не помнил. Исчезновение Шарлье и префекта так же было загадкой. Куда они девались? Почему они его бросили? Что стало с мотором? Он в нетерпении топнул ногой, еще и еще раз.

Потом пустился бежать. Без восьми семь—еще было время.

Когда он был возле набережной, мигающий свет, падавший, казалось, с неба, заставил его повернуть голову. Вдали высилась башня Эйфеля, похожая на столб мерцавшего пламени. Он закрыл глаза руками.

Был ли это его бред или действительность? Сияние казалось ему слабее, чем тогда, в день открытия Станции. Может быть, половина ее мощности была уже отведена в сторону? Возможно...

Он вынул газету и вперил взгляд в ее шрифг. Если стрелка, регулировавшая расход энергии, была открыта, тусклость света должна была скоро смениться стойким и быстрым усилением его яркости, по мере того, как увеличивается выпуск сублимиума.

Единственным средством судить, усиливался или уменьшался этот свет, было смотреть на мелкую печать.

Он усталился на страничку объявлений. Сперва он не мог разобрать ровно ничего. Потом буквы стали яснеть. Он по-

давил рыдание. Сомнения не могло быть—ночь превращалась в день. Стрелка была повернута.

Он бросился бежать. Сзади него отдаленное гуденье машин смешивалось с низким гулом городской езды. На бегу он заметил, что прохожие начали останавливаться и смотреть на башню. Он также остановился. Вслед за тем его ухо резнул звук, напомнивший ему острую ногу, слышанную им в лаборатории—мучительный крик динамо-машин, враждаемы: турбиной быстрее предельной скорости.

Их крик делался все громче и громче, и вместе с ним рос и усиливался проклятый свет, который не могли больше выносить глаза.

Он сунул руку в карман, чтобы достать темные очки и вдруг услышал повторный, короткий треск, похожий на далекие пистолетные выстрелы. Через мгновение они перешли в пулеметный грохот. Заряды электричества стали перепрыгивать с башни на соседние здания. Ад открыл свои двери. Часы по ту сторону Сены начали свою звонкую прелюдию к семи.

Это было начало конца. Лейк, спотыкаясь, сделал шаг к окну и всем телом осел на его выступ. Спешить было больше незачем; оставалось только стоять и смотреть. Он перевел взгляд на испуганную людскую толпу, начавшую недоумоменно метаться. Слепящий свет и непрерывный перекатывающийся грохот приводил ее в панику.

Женщины толпились в дверях, как кролики. Дети вопили. Мужчины с проклятиями бессильно потрясали кулаками в сторону башни. Явления чередовались с такой быстротой, что тот, кто начал наблюдать их, уже не мог сойти с места.

Раздался взрыв, страшный, как выстрел громадной пушки, и следом за ним треск обвала. Лейк заткнул уши.

— Это Трокадеро,—крикнули возле него.—Это ударило в Трокадеро...—Лейк больше не сомневался. Электрический ток станции хлынул в лабораторию Грента, погнав маховики с такой скоростью, что они разлетелись вдребезги. Большой обломок металла просвистел где-то над его головой. Лейк присел, чтобы избежать его, хотя он пролетел на высоте сотен ярдов; несколько маховиков сорвались со своих подшипников и теперь их обломки терзали город.

Еще один треск, больше похожий на удар грома, и за ним крики. Весь воздух казался наполненным снарядами.

Лейк кинулся на мокрую землю лицом вниз и остался лежать, поднимая голову только, когда особо страшный удар обрушивался на какое-нибудь новое великое здание.

Париж погибал под градом чудовищных снарядов, и единственных в своем роде, так как с ними летел дух, по имени сублимиум.

Куда бы ни ударился обломок металла—он всюду оставлял за собой след сублимиума,—неугасимый очаг пожара. Один из них с шипеньем упал в реку и тотчас же большое облако пара взметнулось над Сенной. Другой ударил в мост и прорезал его по самой середине арки с такой быстротой и легкостью, точно он был из масла. Оба его конца моментально осели в воду.

Потом последовало самое ужасное. Как раз в тот самый момент, когда раскаленная добела башня Эйфеля начала плавиться, раздался взрыв „рекерока“. Башня качнулась и рухнула. Миллионы искр взлетели к небу. Стальной ураган крутящихся клочков турбин и динамо, вместе с ливнем расплавленного и смоченного сублимиумом металла, разразился над городом. Шум падения был оглушителен.

Громадный район, почти в милю радиусом, принял на себя поток добела раскаленного железа, продолжавшего распалдаться под действием сублимиума.

Котлы, за единственным исключением, взорвались там, где они стояли. Только один из них был поднят кверху целиком вместе с печью и там взорвался, подобно чудовищному снаряду. При свете упавшей башни было видно, как он взвился, крутясь около своей оси, и затем, словно повиснув в воздухе, разлетелся на куски.

Еще более страшным был взрыв турбин и динамо. Их части, с горячей гуттаперчей на них, неслись по небу, как невиданные метеоры, чертя свои широкие параболические дуги. Башни Нотр-Дам грузно и четко чернели на ярком фоне пылавшего где-то за ними здания.

Снаряд летел за снарядом. Некоторые падали близко, разая то и дело какое-нибудь здание в роде префектуры; другие, жужжа, уносились вдаль, счастливо минуя Нотр-Дам. Но вот один из них попал между двумя башнями собора, и Лейк услышал, как он ударил в крышу. Забывшись, он вскочил на ноги, и в тот же миг снаряд обрушился на северную башню. Она сразу рассыпалась в обломки.

Весь ужас этого вечера поблек перед этим мигом. Погиб собор, каждый камень которого был напоен надеждой и скорбью десятков поколений: с ним отлетела душа Парижа.

Раскаленное дыхание горящего города начало его жечь. Куда бы Лейк не смотрел, всюду были охваченные пламенем дома и здания. Над всеми памятниками стояли столбы дыма, как будто они были факелы из огня, искр и смерти. Сами облака казались только отражением для пламени ярко пылавшей жертвы. Кругом было светлее, чем днем.

Большой дворец был весь охвачен пламенем. К нему было невозможно приблизиться. Однако Лейк мог заключить, что вслед за первым попавшим в него снарядом была сделана попытка организовать спасательные части; ряды трупов, лежавших на траве, скорбно свидетельствовали о понесенных жертвах.

Поднявшись на возвышение, он взглянул в сторону Грентовской лаборатории.

Его поразило, что там пламени не было. Ведь лаборатория—главный очаг пожара. Но над лабораторией было темно.

Затем ему показалось, что бура от взрывов постепенно начинает тухнуть. Осколки перестали мелькать в воздухе и пожар определенно слабел...

Неужели не все погибло...

Нервы Лейка не выдержали и он потерял сознание

— Выпейте это,—сказал Шарлье.

Лейк сел. Ему стало ясно, что он на небе.

Как могло быть иначе, раз около него была Элен, осыпавшая его поцелуями и так приятно и нежно смачивавшая его голову. И вместе с тем, почему это небо было так же обставлено, как гостиная Шарлье? И почему попал на небо сам Шарлье? Элен, Грент—неужели они тоже погибли в лаборатории?

— Небольшое сотрясение,—сказал Шарлье.—Я думаю, что это скоро пройдет. Откройте-ка ваш рот, старина!

Лейк оперся на локоть.

— Париж,—простонал он.—Лаборатория... Станция Эйфеля... Вы все тоже убиты, как и я.

— Все мы живы и даже очень,—сказал Шарлье.—Никакой опасности нет. Мы прибыли на место за несколько минут раньше срока. Я выключил механизм, разбив его ногой, а Коген позаботился о шите. Его люди роют теперь ходы под основанием станции, чтобы удалить взрывчатый материал. Мы вас вынуждены были оставить среди дороги. Вы были единственным, кто пострадал при столкновении с площадкой. Я попросил одного из публики взять кэб и доставить вас к Когену,—это было ближе всего. Его слуга вызвал по телефону Элен.

— Значит, я жив?

— Насколько я могу судить—да.—Несмотря на шуточный тон, Шарлье был немного озабочен.

— А Нотр-Дам не разрушен?

— Думаю, что нет.

— А разве станция не была взорвана?

— Подите и убедитесь сами. Да, и вообще, что это все за чепуха? Что, вы грезили что ли?

Лейк с трудом стал на ноги. Поддерживаемый Элен, он подошел к окну. Первое, что он увидел, был четкий контур Триумфальной арки. Потом его взгляд остановился на башне Эйфеля. Она сверкала, как громадная драгоценность.

Вне себя от наплыва чувств, он упал на колени, рыдая и плача. Элен опустила около него, обвив руками его шею.

— Оставим их вдвоем,—прошептал Шарлье.—Нам здесь нечего делать.

(Конец).